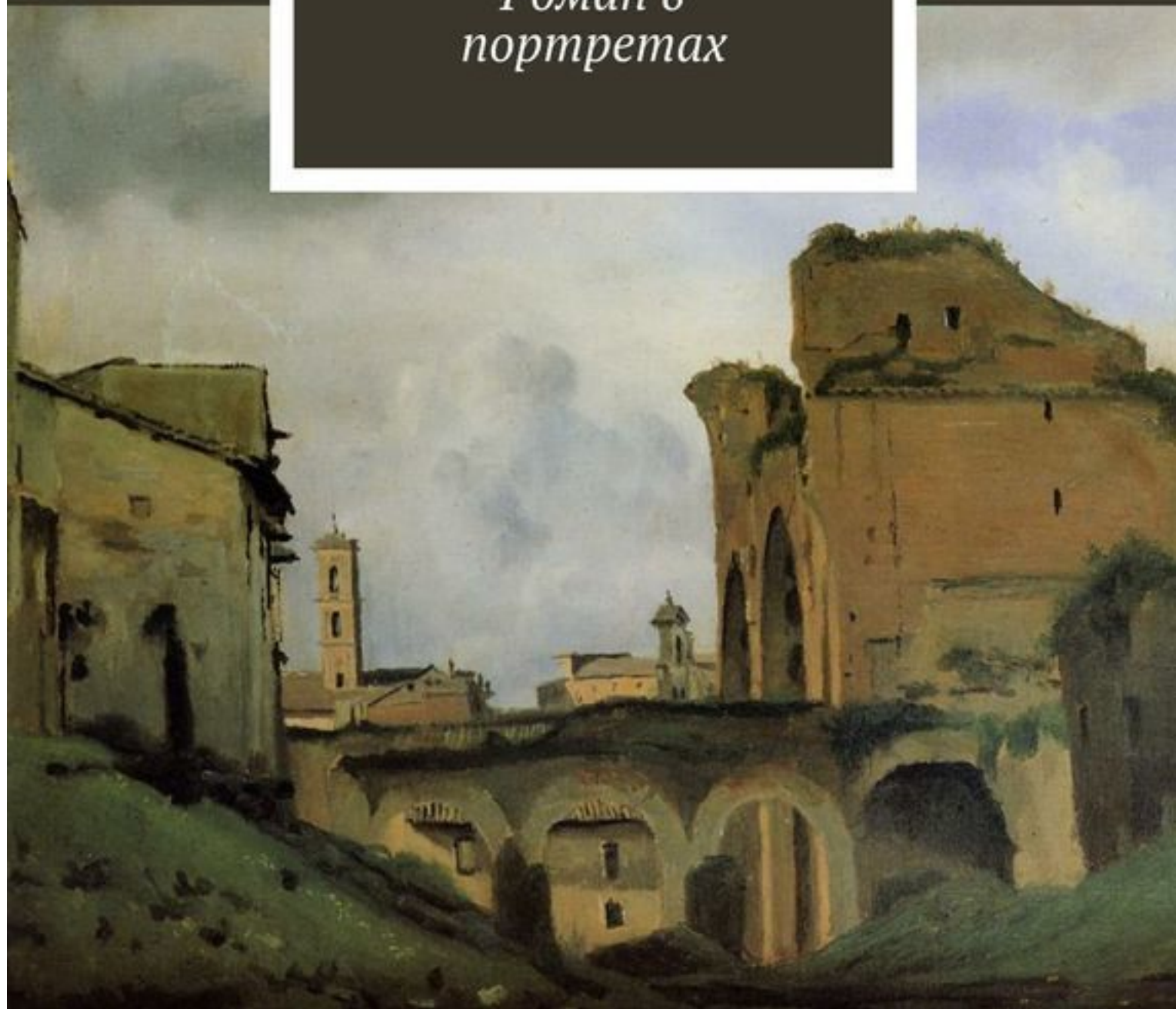

Мария Капшина

О верности крыс

*Роман в
портретах*

Мария Капшина

**О верности крыс.
Роман в портретах**

«Издательские решения»

Капшина М.

О верности крыс. Роман в портретах / М. Капшина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837143-1

Мне приснился город на озёрной глине: крупный камень храмов с саманом хибар. В воздухе причалов — дёготь, пот и тина, и стрижи, и мокрый ветер по губам. Город — первый из портретов в романе. Это история о том, как кучка подростков вздумала пробиваться наверх с самого дна, и о том, что из этого вышло. О верности себе и другим, о сломе эпох и судеб, о том, как меняются люди и мир вокруг них, — огромный, живой, такой же полноправный герой повествования.

ISBN 978-5-44-837143-1

© Капшина М.
© Издательские решения

Содержание

Галерея 1: Собачница	6
Конец ознакомительного фрагмента.	85

О верности крыс Роман в портретах

Мария Капшина

*есть особая прелесть
в этих бурей измятых
сломанных хризантемах
Басё*

© Мария Капшина, 2017

ISBN 978-5-4483-7143-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Галерея 1: Собачница (2270—2273 гг.)

– Длллё-ооооннг!..

Гонг храма Тиарсе-Судьбы бросил звук над городом к воде, как дети бросают плоский камешек. Город не хотел просыпаться – эка невидаль, утренняя молитва! Да и озеро лежало молча, плоско и недвижно, лишь мелко дрожало рябью в холодном предутреннем воздухе и куталось в блёклый от старости туман. Звук прорвался через туман над крышами и у самых причалов, полетел дальше к востоку, над озером. Туман ограничивал взгляд, и великое озеро казалось бескрайним. Звук, наконец, окончательно запутался и угас, и тут ему вслед полетел второй.

– Лаамммг!..

Третий:

– Дооооон!..

Редкий туман напознал с запада, вверх по течению Арна, заставляя и так светлеющее небо делаться ещё светлей. Столичный дурак, Ольвек Соломенный, казался седым: так густо пыль покрывала его волосы. Ольвек сгрёб ещё немного пыли, старательно втёр её в голову, чихнул, согнав муху с дёрнувшегося плеча, и вскочил. Нелепо замахал большими, неумелыми руками и заплясал на твёрдой, ссохшейся уличной земле, не жалея босых пяток, серых от вросшей в кожу грязи.

– Доооооонг!..

Ольвек сорвался с места, словно колокол спугнул его, и побежал по Бузинной улице прочь от центра, в Собачницу, район грязный и незаконный.

Эрлони был старым городом; разросся, взяв начало на Белом острове. Там лежало два острова, в месте, где великий Арн вытекает из Светлого озера, продолжая свой путь к зангской границе и дальше, к Внутреннему морю. Первая крепость замечательно умещалась на плоских каменистых берегах Белого. Но жителей прибывало, второй остров тоже заняли кирпичные и каменные усадьбы ремесленников и купцов да белёный саман бедноты, и этот остров тоже обнесли стеной. А когда места и на втором перестало хватать – появилась Собачница вдоль мелководья. Там, вдоль северо-западного берега второго острова, полоса мелководья была широкой, кое-где из-под воды выдавались песчаные и глинистые косы, похожие на спины морских чудищ. И там выросла полоса деревянных настилов, опираясь на эти косы, на камни, на сваи. Сперва, конечно, она не называлась никак, потом – настилами, а только потом уж – Собачницей, за собачий нор обитателей.

– Пеннннн! Ко-оооннннн! Дрянннн! – вопил Ольвек, подражая колоколам. – Гля-аааанннн!

Ему не исполнилось ещё, наверное, и тридцати, и был он здоровее, чем казался. Во всяком случае, до Собачницы добежал, не останавливаясь. Уже начались настилы, а он всё бежал и вопил, пока пятка не пробила одну особенно гнилую доску насквозь. Ольвек обиженно вякнул и перешёл с бега на скачущий, дёрганный шаг. Потом свернул вприпрыжку в очередной раз, обошёл дыру посреди улицы (из дыры ещё сильнее, чем всюду, тянуло водой и рыбой) и выскочил на набережную: полоска в три шага шириной между последним рядом домов и краем настила, неровно обрывающимся в реку. Где-то полоска расширялась, где-то сужалась, где-то надломленные доски свисали прямо в воду. За забором тоскливо надрывалась одинокая собака.

Здесь поскуливания Ольвека снова приобрели задорно-застывательную интонацию и оформились в слова.

– Налетай! Ко-ому совесть, бери-налетай! А ну, кому? С пылу – с жару, кому совесть? Налетай, не опоздай: последняя осталась! А... Ууууух!

Ольвек остановился: перед ним, там, где доски далеко выдавались вперёд, в реку, рос из-под настила большой камень. Возле камня стояли два совершенно одинаковых маленьких человека, да третий ещё сидел.

– Чего вылупился? – неприветливо сказала одна одинаковая. Третий, сероволосый, расмеялся: над одинаковой, а не над Ольвеком, но дураку отчего-то стало холодно, поёжился.

– Что продаёшь? – спросил сероволосый. Ольвек не кинулся драпать, хоть и очень хотелось.

– А-аа вот кому совесть?! – отчаянно заорал он.

– А сколько просишь? – спросил сероволосый. Совсем иначе спросил – другое дело, теперь и торговать можно!

– А-адну рыжую дай, совесть последняя осталась, налетай, не опоздай!

– Чего ты к нему прицепился, Хриссэ? – спросила одинаковая. Второй одинаковый молча смотрел от камня. Так смотрят большие старые собаки, которых хоть за хвост кусай – не залают, Ольвек проверял.

– Держи! – сказал Хриссэ, кидая медную монетку. Рыжая мелькнула в тумане, и Ольвек, счастливый, поймал её обеими руками.

– Ууух! – сказал он восторженно, а потом уже больше ничего не говорил.

«Одинаковая» девчонка успела нахмуриться, когда грузик на конце плети ударил дурака в висок, Ольвек и того не успел. Хриссэ, не вставая, собрал плеть обратно и убрал за пояс.

– Ну и зачем ты это самое? – возмутилась близняшка. Её брат смотрел всё так же молча, но пристально. – Чем он тебе помешал?

Хриссэ дурашливо пожал плечами.

– Я же купил его совесть, верно? Должен же я был забрать покупку? А никак иначе он бы мне её не отдал.

Девчонка дёрнула ртом.

– Так ты у нас теперь самый совестливый? Тиарсе, прости и спаси!

– Домой пошли. Утро уже, – сказал её брат. И пошёл домой.¹

Дзойно

2270 год, 5 день 3 луны Пнд²

Портовая улица, Собачница, Эрлони

– Дзойно! Хавейг, где тебя опять унесло? Дзо-ойноо... Охх...

Краснолицая женщина в многослойной одежде на восточный манер и слова выговаривала по-арнакийски: «хавейг» вместо «халвег» и «льй» вместо «ль». Она вытерла руки о верхнюю юбку, поправила волосы, выбившиеся из шапочки, вздохнула мученически, повернулась и зашла в ворота.

– Нувек, – окликнула она бредущего через двор старика. Тот остановился с видимой охотой, опустил на землю мешок, с шорохом осевший. – Моего оболтуса не видал?

– Видал, как не видать, – живо отозвался Нувек. – С утречка он в город усвистал, так досель, поди, и носится – дело молодое, босопятое.

– Ахти, Наама-заступница, – прикрыла глаза кухарка, быстро перебирая пальцами бахрому зангского пояса. – И что ж ему неймётся?..

– Ну надо же, что к нашему берегу прибилося!

¹ Язык по умолчанию – арнеи. Слова из высокого имперского и из других языков даются в примерной транскрипции.

² пнд = после Порога полудня, т.ж. пополудни; после летнего солнцестояния. Ппн = после Порога полуночи, зимнего солнцестояния. Третья луна пополудни – примерно конец августа – начало сентября.

Дзойно дёрнулся и втянул голову в плечи, непроизвольно прикрывая локтем правый бок, болевший после прошлой встречи недели три. Мальчишка обернулся. Всего двое... А вдруг пронесёт?

– Снова забыл, куда ходить нельзя? – сочувственно спросили за спиной. Дзойно крутнулся вокруг себя. Ещё двое: один с кастетом, у другого на кулаке обмотка с железками. Вдобавок к первым дубинке и ножу.

Бежать некуда: стены отстоят одна от другой на пять шагов, мимо двоих почти взрослых парней не проскочишь, даже если тебе всего двадцать шесть порогов³, а бегаешь ты замечательно. Даже если б у них в руках вообще ничего не было.

– Вы говорили, чтоб я к югу от порта не лез, а не в Собачницу, – наглым от отчаяния голосом сказал Дзойно, мелкими шажками отступая к нише на месте замурованной двери. Главное – не упасть... Хоть бы под ногами что-то попало, хоть камень, хоть обломок настила! Хотя, если не сопротивляться, им быстрее надоест... В прошлые разы Дзойно тоже думал не сопротивляться. Благодарение Вечным и стражникам-коричневым, удалось сбежать: выбитого зуба ему бы точно не простили. «Да они и не простили», – с какой-то равнодушной ясностью подумал Дзойно, вжимаясь в саман.

Он уворачивался, насколько позволяла ниша, не падал и отбивался вслепую кулаками, пару раз даже попав. «Продержаться ещё чуть-чуть... Ещё чуть-чуть... Ещё чуть-чуть...»

Он понятия не имел, до чего надеется продержаться.

– Эй!

До этого, что ли?

– Эй, чего это вы в нашем районе топчетесь?

Дзойно осторожно выглянул из-за руки. Подошедших не увидел, зато увидел, что никто не смотрит на него: все четверо повернулись вправо, держа кулаки-ножи-дубинку наготове.

– С каких это пор это ваш район? – возмутился кастет, сдвигая головную повязку к самым бровям.

– Собачница – наша!

Дзойно выглянул из ниши одним глазом. Понял, почему спасительный голос показался слишком звонким: говорила девчонка. Из троих пришедших двое были девчонками. И все трое – примерно его возраста, не старше тридцати порогов. Надежда Дзойно не оставила, но трансформировалась: может, удастся сбежать, пока все отвлекутся.

– А на кой бес вам вся Собачница? И так чуть не целый район захапали, сопляки!

– Всего один район, – заметил единственный мальчишка из подошедших. От одной из девчонок он отличался только причёской.

– Нам бы город – для начала, – кокетливо пожала плечами третья, похожая на куклу с толстой песчано-золотой косой и огромными глазами, янтарными, как у кошки.

– Да рёхнутые вы все! – насмешливо бросил самый высокий из четверых, с кастетом. – Рёхнутые, что вы, что Кхадера⁴ ваша!

Дзойно обнаружил, что почти совсем вышел из относительно безопасной ниши и отшагнул назад. Болел бок, и, судя по ощущениям, наливалась каким-то красивым цветом сбитая скула.

Трое пришедших оказались вдруг вооружены – все трое.

– Что ты сказал? – неприязненно сказала желтоглазая, став ещё больше похожа на злую кошку.

– Он сказал, что Кхад ваша – крыса рёхнутая! – выступил вперёд главный из четвёрки, держа на виду кадарские ножи из тёмной красноватой стали.

³ порог – полгода. Т.е., 26 порогов=13 лет.

⁴ «Кхадера» – досл. с выс. имперского «зеленоглазая ведьма». «Кхад» – «ведьма», «кхад» – «ведьмины».

Дзойно шумно вдохнул. Кто-то из близнецов метнул нож, вошедший точно в глаз бывшему главарю. Второй нож срезал высокого. Рука с кастетом откинулась, прямо под ноги Дзойно, снова втиснувшегося в нишу поглубже. Ещё одного тихо и аккуратно уложил кулаком единственный парень из пришедших. Последний из четвёрки, с дубинкой, решил искать счастья на другой улице и опрометчиво повернулся к нише спиной. Дзойно вытянул руку, схватил выпавший кастет и успел, в отличие от троих спасителей, выскочить навстречу убегающему. Парень отмахнулся, но не попал, а Дзойно, отскакивая в сторону, удачно подсёк его ногу. Издал странное «Хак!» и ударил в падающего чужим кастетом, куда пришлось, ещё раз. Что-то тихо хрупнуло, пальцы намокли.

Слева засвистели одобрительно, и Дзойно обернулся, чтобы увидеть, как близнецы вынимают свои ножи из его недобрых знакомцев. Третья, похожая на кошку, стояла совсем рядом и улыбалась.

– Хорошо ты его по заливку. Где-то здесь живёшь?

Дзойно отодрал глаза от заливка, с которого медленно и густо сочилось тёмно-красное.

Мотнул головой:

– Да... Нет, не здесь. Я – на Белом острове.

– Лорд, что ли? – иронически подняла брови желтоглазая. Дзойно смутился.

– Не. У меня тётка там. Кухарка.

– Правда? А одежда прямо герцогская, и ноги обутые! Ты точно не...

– Не слушай её, – перебила другая девчонка, пряча отёртый о чужую одежду нож в рукав. – Я Кейя. Это Нейех, но можешь не запоминать, нас все Близнецами зовут. Эта языкатая – Кошка.

– Дзойно...

Старательно отворачиваясь от желтоглазой Кошки, он опять наткнулся взглядом на лежащего. Дубинку тот по-прежнему сжимал в руке. Голова была неудобно вывернута, из-под выбившейся из хвоста тёмно-русой пряди ошалело глядел глаз.

Вспомнилось: «Оставь ты его уже, прибьёшь ведь!» – «Да отвали, Най!»

«Най, – зачем-то подумал Дзойно. – Его звали Най».

– Эй, лорд!

Дзойно вздрогнул и повернул голову, сообразив, что обращаются к нему.

– Мы в порт сейчас идём, давай с нами! – предложила Кошка. Нейех деловито подёргал ножи в руках главаря, понял, что так просто из стиснутых пальцев не вынимаются, быстро полоснул своим ножом по мёртвым запястьям, вынул кадарские игрушки и выпрямился. Дзойно глотнул и перевёл глаза на Кейю.

– В кабаке какой сядем, отметим, – пояснила близняшка, легкомысленно пожав плечами.

Дзойно посмотрел неуверенно на темнеющее небо, на четыре трупа... Они больше походили на четырёх сломанных кукол, брошенных на шербающую мостовую, чем на мёртвых людей. Дзойно слотнул и как-то рывком уверился, что безумнее вечер быть уже не может.

– Стемнеет скоро...

– И что?.. – не поняла Кейя.

– Лорда заругают нянюшки да мамушки? – сочувственно спросила Кошка.

– Быстрее пойдём, а то я в потёмках дорогу не запомню! – сердито сказал Дзойно, исподлобья глянув на язву с косой.

Дзойно

2270 год, 10 день 3 луны Пнд

«Лисья нора», Собачница, Эрлони

– Хорош, – сказала Кхад.

– Кто? – моргнул Дзойно.

– Твой план хорош: удался.

Она улыбнулась, и Дзойно показалось, что его огладили тёплые ладони, – он расплылся в ответной улыбке. Кошка пихнула его в бок:

– Везунчик! – шепнула она. – С первого дела отличился!

– А?

Ему не ответили. Быстро прибрали за собой, выбрались обратно в окно, стараясь не оскальзываться на черепице, подёрнутой зелёным, мокрым от утреннего дождя мхом. По крышам, потом и понизу бежали наперегонки, молча. Разговаривать и не хотелось, скорей уж прыгать и смеяться.

Устроились в «Лисьей норе». Нора произвела на мальчишку самое благоприятное впечатление. У входа, сразу за дверью, маячили ненавязчиво два бугая, лица которых, хоть и почти невидимые в мути, ничего хорошего чужакам не обещали. Но четверых ребят пропустили беспрепятственно, дружески кивнув Близнецам и улыбнувшись Кошке, пока Кхад шествовала во второй зал и к столу; свободному, хоть за другими места явно недоставало. Дзойно от этой уважительности ошалело вертел головой, чувствуя себя в сказочном саду Эиле. Дёрнешься ненароком – цветы и деревья, свитые из цветного тумана, развеются, и окажешься в обычности: выгонят пинками, да ещё зубы поленом пересчитают. И уж никак хозяин таверны не подойдёт сам поспрашивать, чего, дескать, изволите. Кто ж это ещё, как не хозяин, если при виде его подавальщица, присевшая было к кому-то за столик, подскочила, шмыгнула носом и суетливо кинулась собирать грязные миски. Дзойно и сам было напрягся, завидев такого строгого господина. Нейех молча придержал его за локоть. Строгим начальником здесь была Кхад. И кхади.

– Благословение Вечных твоему пути, госпожа, – поклонился Лысый Клойт. Не слишком низко, положим, но и такой поклон от старого жулика стоил немало. Он едва ли не первым углядел в Кхад что-то, что побудило его выказывать уважение авансом – тогда ещё никому не известной девчонке, какие толпами отираются в портовых кварталах с известной целью. В «Норе», после пары стычек – нет, не с вышибалами, с Кхадерой и с кхади, – усвоили, что персональный стол занимать и верно не след. Примерно тогда же Клойт уверился в очередной раз, что не зря доверяет своему нюху. Кхад показывалась не каждый день, её ребята двойками-тройками тёрлись здесь чаще, но угощая их «в долг», в накладе Клойт не оставался. Драк кхади не допускали из щенячьего самолюбия: кому вздумалось в нашем присутствии?! – и справлялись с буянами мало не быстрее вышибал. В нейтральную «Нору» заплывали и другие крупные рыбы, но чем дальше, тем реже. Ещё пару лун назад Клойт сказал бы, что Безухий и Лис считают ниже своего достоинства цапаться с детьми. Но после того, как дети играючи расправились с бандой Текроя, к которой всерьёз приглядывались уже и рыбы, и рыбаки-коричневые... Да если бы просто разобрались, с выбитыми зубами, сломанными руками да одной случайно проломленной башкой – никто бы особо не почесался. Удивились бы малость, но и только. А кхади чисто и аккуратно вынесли всех. Ещё и усадили потом, тёпленьких, кружком перед входом в охранку. Показуха, конечно, но убедительная. Не только, вон, Клойта убедила.

– Как обычно, госпожа?

Кхад мазнула взглядом по четверым. Кошка изящно кивнула, Нейех безучастно глядел куда-то в пространство, Кейя весело пожалала плечами, Дзойно моргал круглыми глазами.

– Как обычно. И новенькому... Лорд, чего хочешь?

– А? Я... Да я не голодный...

– Вина на всех тащи и новенькому чего-нибудь особенного, он сегодня отличился. А так всем, как обычно.

Под конец ужина (или завтрака?), к которому присоединились ещё Наркаф и Теотта, Кхад сказала слова, которых весь вечер ожидали близнецы и Кошка, и даже Дзойно, хоть и не знавший, чего ждать, заметил полу-ощутимое присутствие чего-то в воздухе над столом.

– Я могу принять тебя в кхади.

Её реплику приветствовали восторженным шумом. Дзойно молчал. Потом неловко сказал:

– Спасибо, это здорово... Но...

Стол затих и замер.

– Ты говорила... – Дзойно запнулся. – Мне говорили, что надо поклясться, что про всех забыть и своими считать только кхади. Я так не могу. У меня тётя. Я хочу быть кхади, ещё бы! Но я... мне надо жить дома. Я её не могу бросить.

Тишина над столом висела плотная, густая, как толстый ковёр. Наркаф скривился и почесал пробивающийся ус. Забурчал:

– И значит, эта, как понадобится, тебя с Белого острова дёргать? А если ночью? На Веройге как прикажешь ночью лезть, сквозь замковую стражу и стены?

Кхад подняла ладонь.

– Пусть. У тебя время – до новой луны. Решай. Но решай окончательно: ты либо кхади, либо нет. Нельзя быть своим наполовину.

Неделя прошла. Дзойно, продолжая официально жить дома, привыкал отзываться на эттей «Лорд», плавал в Арне наперегонки с Лайей, учился метать самые неожиданные предметы у близнецов, дробить кулаком доски – у Наркафа, подмечать любые мелочи – у Кошки... Он вообще любил учиться, белоголовый и черноглазый мальчишка, казавшийся рядом со здоровяком Наркафом ещё тоньше. Но после лазанья по высокому правому берегу, где из узкой норы, обдирая руку, можно было вытащить злую и клюющуюся ласточку, он, перемазанный глиной, шёл в нижний двор Веройге. Через мост, через старую караулку возле двери для слуг, между грядками, мимо поленицы, сарая для лопат и граблей, мимо конюшни к колодцу – умыться – и обратно, в дверцу рядом с пекарней – в две комнатки над кухней. Тётка охала, ругалась, расспрашивала, сердилась на упрямое молчание, ставила миску на стол и тихо вздыхала, глядя, как «хавейг» уплетает за обе щёки. И после дела (а в делах Лорд участвовать всё чаще) он бежал не отмечать со всеми, а к тётке, опять не спавшей из-за его ночной отлучки. И чем тоньше становился серп стареющего месяца, тем чаще Дзойно-Лорд поглядывал на Кхад с некоторой беспокойностью в душе. Время вышло, он не решался бросить тётку. Кхад, к удивлению всех, пошла на уступки: согласилась принять Дзойно, пусть он и останется жить в Веройге, но в обмен станет ушами и глазами там, вызная всё, что ни случится. Дзойно пообещал с радостью. Через десяток дней после того тётка Дзойно погибла при пожаре: сама, видимо, поставила свечу слишком близко к занавеси или лампу на кровать опрокинула. Пожар приключился ночью, так что женщина не успела и проснуться, как задохнулась в дыму. Дальше комнат кухарки огонь не пошёл, успели потушить, но там выгорело всё. Дзойно уцелел, поскольку не ночевал тогда дома; намечалось дело, и Дзойно внезапно вызвали взамен Кошки, подвернувшей ногу.

Узнав о пожаре, он исчез на сутки, а когда вернулся, то глядел исподлобья и с трудом разжимал кулаки. Тётка его не спала, а билась в дверь, запертую отчего-то снаружи. И Рашек, один из людей Лиса, на днях повздоривший с Дзойно, куда-то отлучался из дома вечером. А как стемнело, как раз перед тем, как Дзойно уходит, прибежал к воротам какой-то мальчишка и спрашивал, точно ли кухаркин племянш дома. Можно б ещё поспрашивать, да только тощей тени-поджигательницы не видел никто, а если б и видел, лица в темноте различить точно уж нельзя было.

Кхад отнеслась к происшедшему с большим вниманием. Ободряюще, совсем тепло улыбнулась... Кхади на волне возмущения без особых проблем отыскали Рашека и помогли Лорду не слышать его отговорки и клятв.

Воробей

2271 год, 3 день 2 луны Пин

Логово, Собачница, Эрлони

– Подъём, Воробей! Хочешь свой вечер проспять?

Воробей нахмурился, невнятно пробормотал что-то и попытался свернуться клубком, натягивая одеяло на голову. Уткнулся ею во что-то твёрдое и открыл глаза. Поморгав, сел.

– Я чуть нос об твою коленку не сломал!

Кейя рассмеялась и поднялась на ноги.

– Просыпайся! Через час солнце заходит, а тебе ещё надо Кеилу⁵ подарок отнести.

– Ай! – Воробей вскочил. – Сегодня! Уахха! – завопил он, подпрыгнул и завертелся волчком, размахивая над головой руками.

– Через час после заката чтоб был тут. Опоздаешь – сама попрошу, чтоб выгнали!

– Не, не опоздаю! – радостно крикнул Воробей ей вслед. – Не опоздаю!

За полчаса до назначенного времени он уже основательно взрыхлил ножом настил перед домом. Качнуть рукой, отпуская кончик лезвия, выдернуть нож из настила, перехватить, качнуть рукой, отпуская кончик лезвия, выдернуть второй рукой, перехватить... Эйфория прошла, а нервы остались: теперь Воробей боялся провалить всё с треском и вылететь в последний момент.

Закат подёрнулся пеплом, вода Арна остыла, растеряв пылающие краски, и высокий правый берег уронил тяжёлую, густую тень на воду, наполняя священную реку чёрной бездонностью. Слева, возле моста Всех Вечных, был ярко освещён порт и там вода расцвятилась карнавальная пестротой огоньков.

– Ну что? Пойдём! – бодро раздалось над головой. Воробей повернул лицо, убрал нож, чувствуя, как задеревенели пальцы (хуже и придумать нельзя!), встал и сделал два шага по направлению к близнецам, сконцентрировавшись на том, чтобы не споткнуться. Потом увидел Кхад и таки запутался в собственных ногах. Кхад не отреагировала никак, а Кейя хихикнула.

– Она что... Она идёт?.. – убитым шёпотом спросил у неё Воробей.

– Ну да. А ну как ты чего напортачишь? Ой, да не дёргайся ты, всё будет отлично!

– Ага... – буркнул Воробей, искоса поглядывая на Кхад.

Как обычно и бывает, уверенность в своей бездарности прошла, едва назвали задание. Пустыжковое оказалось: найти и убрать стражника, который постоянно таскает с собой змеиный выползень вместо браслета, уверяя всех, что это верное средство добыть себе немного удачи. В данном случае шкурка принесла удачу Воробью, а не своему хозяину. Мальчишка несколько дней назад видел этого стражника на рынке и слышал, как его окликали Фаджетом. Зная имя, несложно выяснить, дежурит он сегодня или нет. В другом случае Воробей спросил бы Лорда – тот справлялся о графиках дежурства раз в два дня. Но сегодня по правилам нельзя обращаться за помощью к кхади, так что надо бежать к верхним казармам, а потом уже узнавать, где этот Фаджет живёт.

Воробей облегчённо вздохнул, окончательно настроившись на рабочий лад, махнул рукой близнецам и Кхад и побежал в Верхний город. До чего всё-таки повезло, что видел его на зерновом рынке – а то мотался бы сейчас по всем казармам из одного конца города в другой...

Через час Воробей, надутый и запыхавшийся, брёл от верхних казарм, злой на весь свет и на стражников в особенности. Нужное он выяснил, благо знал, к кому обращаться. Но не сильно выясненному обрадовался. Ррагэи⁶ Фаджет сделал самую большую подлость, какую мог: вышел сегодня на дежурство.

⁵ Кеил – бог смерти, порогов, мостов, границ, перекрёстков; покровитель убийц, в особенности наёмников.

⁶ ррагэи – ругательство с отсылкой на Ррагэ, персонификацию хаоса.

– Чтоб у тебя глаз через задницу вытек! Чтоб тебя перекувыркнуло, да в канаву башкой три раза об гвоздь! Чтоб...

Воробей пнул кривую доску забора. Он, конечно, знал, какой дорогой ходят по городу стражники, когда они должны проходить и по какой улице. А толку? Ходят они по трое-четыре, да ещё и норовят то и дело засесть в кабаке...

Мальчишка глянул на луну, на миг показавшуюся в прорехе, вздохнул, и взъерошил волосы на затылке. Ладно, для начала прогуляемся до дверцы на Старой Храмовой: там они должны быть через час. Если нет – придётся пошарить по кабакам...

Быстро и почти бесшумно пробегая дворами и проулками, Воробей напряжённо соображал. Самый простой вариант – бросить нож и драпать. Пока сообразят – откуда, пока выбегут на пустырь – ищи ветра в поле. Но нож жалко-то выкидывать – на всех не напасёшься! И выползня тогда не достанешь – а его показать надо. И слишком уж близко к логову, чтобы так рисковать: прямо домой – ещё наведёшь туда коричневых, а если бежать через углежогов, то чуть не успел спрятаться – загонят в Сажный тупик, не дай Килре! И тогда что? В Арн прыгать?

Выходит, надо как-то всех вынести. А как ты их вынесешь, если их четверо будет? Да хоть бы и трое – всё равно времени на один бросок! От силы два ножа. А с третьим что делать? Ладно, если он в дверь кинется – отскочить и кинуть третий... Это если ни разу не промахнуться за всё время... А если он драпать начнёт? Тогда подобрать ножи, выползень – и домой!

Если четверо – драпать точно не станут. Догонят и прирежут, как кутёнка, как пить дать! А если...

– Да наплюй, Фаджет! В пепел службу, айда выпьем! Какой бес сейчас наружу высунется? Все носами зарылись давно, только мы тут бродим, как четыре дурня...

– Дело говоришь! Айда выпьем, а? Тунош, чего молчишь?

– Тиарсе! – охнул первый, отшатываясь и придерживая рукой шапку.

Молчаливый Тунош грузно осел с ножом в левом глазу. Дёрнул руку к мечу и грохнулся навзничь Фаджет, на миг позже поймавший лезвие в сердце. Вполголоса стукнуло что-то справа, у тёмной стены.

Первым ожил жаждавший выпить: кинулся вверх по улице, не обращая внимания на окрики товарища. Тот плюнул, заозирался – как раз вовремя, чтобы заметить мальчишку, выскочившего из узкой двери, почти невидимой в тени справа, и слишком поздно, чтобы вернуться от ножа.

Воробей на бегу выдернул два первых ножа из Фаджета и Туноша, так же на бегу метнул один – попал в ногу убежавшему, пробежал ещё шагов пять и довершил последним в основание черепа. Глубоко вдохнул, встряхнул руками – и расплылся в счастливой улыбке. Подобрал тот нож, что подсёк ногу, выдернул второй, вернулся за третьим – только после этого подошёл к Фаджету. Тот возмущённо глядел в небо, откинув левую руку с задравшимся широким рукавом зангской рубахи. На запястье мягко дробила лунный свет змеиная кожа. Воробей, едва удерживаясь от того, чтобы засвистеть дурацкую песенку, отвязал выползень и повернулся.

За спиной, в пяти шагах, стояли Близнецы и Кхад. Причём Близнецы пасли странную парочку: старика с дорожным мешком на спине и мальчишку с беспородным псом у ноги.

Кхад хмыкнула.

– Неплохо. Только свидетелей проворонил. Или на нас рассчитывал?

Воробей прекратил улыбаться и покраснел.

– Я...

– Кхад, он просто первый раз, вот и расслабился раньше, чем надо! – вступилась Кейя. – Но ведь здорово всё сделал! Ведь правда? Четверых ведь! Ну скажи?

– Принят, – кивнула Кхад. – Разбирайся с этими и идём отмечать.

Воробей повернулся к «этим». Мальчишка был порохов на восемь старше него, коротко стриженный – едва до середины ушей тёмные волосы, скорей ошарашенный, чем напуганный. А старик...

– Ай, Кхад! А я его видел – деда, он фокусник, на рынке вчера был! – возбуждённо обернулся он, сверкая глазами. – Он так жонглировал здорово!..

Кхад молчала, задумчиво глядя куда-то на тёмные доски балконного дна на соседнем доме. Воробей замаялся, перевёл глаза на деда, на Кхад, на деда, обратно...

– Давай его оставим? – выпалил он наконец.

Кхад лениво оглядела старика. Он стоял неподвижно, и выражение лица было точно у статуи раннеимперской поры: непроницаемая тень улыбки в морщинах у глаз.

– Зачем? – спросила Кхад.

– Ну... Он жонглировать будет...

– Птах, ты думаешь, что в цирк попал? – искоса усмехнулась ведьма. – Бегом давай: слишком мы тут застоялись!

– А какая разница? – заговорила Кейя. – Пусть он сначала представление покажет – вот и отпразднуем, что Воробья приняли...

Нейтрального тона у неё тоже не получилось: девчонке немногим меньше Воробья хотелось поглядеть представление. Кхад выдержала паузу в пару секунд.

– Идём.

Воробей едва удержался от того, чтобы подпрыгнуть, Кейя заулыбалась, и даже записной флегматик Нейех позволил себе немного размять мышцы лица.

– Шонека отпустите, – вдруг сказал старик.

Все пятеро, включая Шонека, уставились на него с немалым удивлением.

– Вам не будет никакого вреда: разве станет стража слушать простого мальчишку? Нет нужды... – лицо старика дёрнулось: от левого виска и до угла рта, – его убивать. Отпусти его... – попросил он, обращаясь к Кхад.

– Не вижу причин, – отозвалась она.

– Нет причин его убивать!

– Нет причин его не убить, – поправила Кхад, шагая к ходу на пустырь и открывая дверь.

Дома были почти все. Только неразлучные Умник, Трепло и Синий куда-то запропастились, а все остальные новость о празднике восприняли с восторгом. (Сияющая Кейя не забыла напомнить, что праздник – в честь Воробья, нового кхади). Жонглёр в факельном свете смотрелся весьма эффектно: зрители глазели, раскрыв рты. И сам старик, увлечшись привычным делом, ожил, улыбнулся, бросил шутку-другую – пока не наткнулся взглядом на край стола: Кейя забралась туда с ногами, растрёпанная и счастливая, одной рукой в такт летающим мячикам похлопывая по крышке стола рядом с собой, а другой, с ножом, надёжно прихватив за стоячий воротник Шонека. По другую сторону мальчишки стоял Нейех, самую малость менее невозмутимый, чем обычно. Воробей забыл обо всём, хохоча от восторга на лавке чуть впереди. Шонек сидел бледней плаща Тиарсе и вздрагивал каждый раз, когда нож Кейи напоминающе касался шеи. Старик отвёл глаза. Впереди смеялись ребята одного возраста с его Шонекком. Чуть правее сидела в единственном на всю комнату кресле та тоненькая девчонка, которая была на Старой Храмовой улице и которую называли «ведьмой». С виду ей можно было дать порохов двадцать шесть – или парой порохов больше. Представление её не заинтересовало: маленькая ведьма смотрела, как светловолосый паренёк справа от жонглёра разбирает его сумку. Протянул её «ведьме», та положила сумку на колени, разглядывая книгу. Старик опустил дрожащие руки и стоял неподвижно, не поднимая взгляда на внука. «Ведьма» молчала, и остальные следовали её примеру. Только из-под пола слабо слышалось бормотание Арна. Тишина становилась гнетущей. Что-то слева зашуршало, и чуть слышно ойкнул Шонек. Ведьма переместила внимание с книги на старика.

– Дед! – окликнула она. Он поднял глаза. – У тебя книги. Ты умеешь их читать?

– Да, – ответил старик. Девчонка поглядела на него так пристально, словно бесцеремонно перевернула все мысли. Улыбнулась как-то слишком взросло, без следа детской радости, скорей с холодным удовлетворением человека, решившего давнюю задачу.

– Научишь, – сказала она.

Все остальные как-то сразу зашевелились, послышались голоса и смешки. Старик повертел головой... Шонека по-прежнему держали, но уже как-то неуверенно. Старик потерял ещё секунды три, чтобы понять: его не убьют...

– А... Шонек?.. – с отчаянной надеждой спросил он. Девчонка холодно скользнула по Шонеку глазами.

– Я приняла тебя. До твоих внуков, собак и блох мне дела нет.

Её слова имели немалый успех среди присутствовавших: едва ли не все взорвались смехом и присвистываниями. Потом девчонка подняла ладонь – шум как отрезало.

– Лорд, Кошка, Хриссэ – будете учиться с завтрашнего дня. Остальные – кто захочет.

мэтр Ошта ол Туавер

2271 год, 23 день 4 луны Пин

«Способ Таго», фехтовальная школа и дом мэтра, Эрлони

Да и странно бы не удивиться, обнаружив в своём тщательно охраняемом кабинете постороннего мальчишку. Одетого скромно и добротнo, как бывают одеты ученики-ачаро в почитаемых храмах или у хороших ремесленников. А вот ловкость дикого зверёныша в движениях вызвала у мэтра Ошты профессиональное «из этого выйдет толк», хоть всех движений был – вежливый поклон; выгоревшие мало не до белизны волосы скользнули по ушам на лицо.

– Да не убавится честь вашего⁷ дома и ваша честь, мэтр Ошта.

– Кгм, – сказал Ошта. Для подмастерья слишком много гонора в поклоне, для послушника – слишком хищно, а в своих ачаро мэтр его не считал. Ошта, придерживая мечи, чтоб не задевать мебель и чтоб в случае чего далеко не тянуться, прошёл к креслу и сел спиной к окну. Удачно, что только что вернулся и не успел ни переодеться, ни оружие отцепить.

Мальчишка покорно сощурился на предзакатное яркое солнце.

– Меня зовут Дзойно. Извините, что залез в ваш дом, но иначе поговорить не вышло бы.

Это он верно сказал. Мэтр Ошта как человек занятой высоко ценил досуг и одиночество. А потому пробиться к нему на приём не удавалось не то что подозрительным ачаро, а и большей части столичного дворянства.

– Моя госпожа послала передать вам предложение, которое многие сочли бы заманчивым.

«Так», – подумал Ошта. В своей работе он терпеть не мог четыре вещи: попытки заказать ему убийство, просьбы выступить в дуэли вместо кого-либо, приглашения на участие в публичных боях и – дуреющих от скуки высокородных ослов и ослиц, желающих видеть своё чадо восемнадцати лет и девяти камней весу равным Таго на мечах.

Белоголовый стревец что-то, похоже, в лице мэтра заметил. И понял правильно. Но ничуть не смутился, поклонился ещё раз и возразил на невысказанное:

– Вы, наверное, решили, что это турнир или убийство.

«Значит, всё-таки в учителя великовозрастному олуху», – мысленно кивнул Ошта.

– Моя госпожа предлагает вам учить восьмерых учеников и её саму – отдельно.

⁷ стандартным обращением в Империи, да и на всей Равнине, в данный период является обращение на «ты». На «вы» обращаются к правителям, носителям герцогского титула, высшим церковным иерархам и Мастерам. Герцоги и Мастера крупных храмов обязаны говорить «вы» только правителям и главе Церкви, при общении с равными можно использовать как «ты», так и «вы». Хорошим тоном считается обращаться на «вы» к мэтрам в частности и учителям вообще. Обращение на «вы» к любому другому, как правило, звучит либо подхалимски, либо высокопарно и старомодно.

Так. Это уже интересней. Когда в этой школе последний раз была ачаре? Точно не в этом году. С прошлого года помнится та дочка кадарского генерала; отец давно мечтал подарить кому-то маленький меч, а рождались одни девочки. Ребёнка генерал пугал до судорог, и девочка так боялась проиграть, что не имела никаких шансов побить хоть кого-то. С такой или почти такой историей, жертвы родительских амбиций, есть в каждом году, притом обоего пола. А вот лет восемь назад были в «Способе Таго» две ачаре – не разлей вода, такие, что и сейчас приятно вспомнить. Теперь где-то в Занге, и так же слывут сумасшедшими за пристрастие к шуткам сомнительно смешным, но неизменно рискованным. У мальчишек почти у всех один повод фехтовать: положено так, каждый мужчина должен уметь драться. А для девчонок этого «положено» нет, вот и получается, что если приходят к Таго, то с настоящей причиной, а не внешним поводом. Простая арифметика: если лезет человек, куда не звали, значит надо туда человеку по-настоящему. А раз надо, то и результаты на загляденье.

– Ты постой, сколько золотых за урок, – прервал мальчишку Ошта. – Скажи лучше, как твою госпожу зовут.

Мальчишка сбился с мысли на миг, но быстро оправился.

– Не могу.

Ошта усмехнулся. Чем глупее посол, тем секретней секреты, как говорят в Илире. Положим, мальчишка вроде и не глуп...

– Как ты попал в кабинет?

– По лозе из сада, – он пожал плечами. – А замок на окне ерундовый.

Понятно, ерундовый. Предполагается, что в сад попасть без спросу нельзя, и никакой идиот не полезет по лозе на четыре роста.

– А стена сада? Собаки? Стража?

– У вашего соседа стена ниже и возле неё со стороны улицы растёт каштан, на углу Оленеморной и Стрижей. С той стены и ваша пониже. Собака спит, она с голоду любой кусок мяса хватает, что туда ни брось. Расде вы вчера на свадьбу сестры отпустили, а Кесшо опять напился.

– А Сиды? – с интересом спросил Ошта.

– Так он же один, – снова пожал плечами Дзойно. – Что мне, времени не хватит, пока он с той стороны дома?

Та-ак. А «госпожа» -то не проста. Кто там главный поставщик мастеров на все руки на столичный рынок? Лис Загри? У него свой штат учителей, ему сторонние не нужны. Джито Безухий? Не так невероятно; он больше по кражам, ну так этим лоза тоже хорошо объясняется. Только вот под название «госпожи» ни один из них не подходит. Гоор? Этот мельче плавает...

– А уровень учеников какой? Фехтовать учились или нож в руках не удержат?

– А примерно, как у меня. Фехтовать не учились, – мальчишка прямо посмотрел мэтру в глаза, – но ножи в руках держим крепко.

И ножи, и кастеты, и дубинки. Мэтр задумчиво глядел на собственную поясную бляху.

– Ты же понимаешь, парень, как рискуешь, – сказал Ошта. – А если я тебя сейчас к стулу прикручу да позову коричневых?

– И что вы им скажете? Что вор залез?

– Залез, – кивнул Ошта. – Серебряные ложки крал, а тут я. Думаешь, не найдут способ узнать, на кого работаешь?

– Не работаю я! – возмутился Дзойно. – Я фехтовать хочу, а меня к мэтру ни в какую не пускали, сколько я Сиде ни нудил! Вот кухарка у мэтра – что надо, и тётку мою покойную знала! А я в школу хотел – ну и пришлось в окно лезть, раз в дверь не пускают!

«Хорош, засранец!» – одобрительно думал Ошта, грозно хмуря брови.

– Собаку отравил. И клинков на тебе, как блох.

– Не травил, а усыпил; тётка мастерица была по травам, вот и меня научила. А клинков, – он усмехнулся, – я специально для такого дела никогда и не имел вовсе, откуда? Один только нож и есть, от бати-покойника.

– Ладно, шельма, – махнул рукой Ошта. – За кем бы из больших рыб ты ни плавал, а я присягу давал. Я роду императорскому ол Истаилле служу, как дворянин, и на подводников работать не стану. За вами Кеил, за мной Таго. Так... своей госпоже и передай.

– Передам, мэтр. А она просила передать, что против Его Величества Нактирра пальцем шевелить не станет, потому что проще подождать, пока сам помрёт. А если вы откажетесь, то всю жизнь потом будете знать, что других таких учеников, как кхади, у вас не было и не будет никогда.

Дзойно поклонился и шагнул к окну.

– Надумаете, – добавил он через плечо, – второй тагал⁸ на Лорской дороге, в двадцать шестой день этой луны, за час до заката.

И канул через подоконник.

Ошта сидел в кресле неподвижно и смотрел, как на стенах, обитых бледно-голубым шёлком, гаснут квадраты заката в сизой сетке тени от оконного переплёта. Шёлк был древний, чуть не как сам дом. Мэтр помнил время, когда доставал исполину в полном вооружении кадарской тяжёлой пехоты до крестовины двуручника. Двуручник стоял остриём между ногами исполина, а Ошта (тогда ещё о-Туавер, наследник) – на одном его латном сапоге обеими ногами, на цыпочках и до крестовины доставал вытянутой рукой, пока второй держался за пояс латника. И шёлк тогда сиял небесно-голубым, не выцвел и не отливал этим предательским желтоватым оттенком. Давно надо поменять, а всё руки не доходят. И отец тогда садился вечерами в это кресло, брал Ошту на колени и делился мудростью: чем больше платят за урок, тем тупее ученики. И тем меньше хотят учиться.

– Ты видел этих беременных тараканов? Этих криволапых телят?

Ошта видел. Тараканы и телята были большими и сильными и с большими мечами, тогда как Оште ничего, кроме ножа, не полагалось.

Лет через пять, скача на солнцепёке с большим (тяжёлым!) мечом, который через каждые два часа тяжелел вдвое, и слыша от отца «таракана на сносях» уже в свой адрес, Ошта жгуче ненавидел дорогооплачиваемых учеников, кого не ждали дополнительные тренировки после ужина и ночные побудки с плаванием в реке часа два, пока рассветёт. И кому прощались такие ошибки, за какие Ошта намотал бы с двумя вёдрами воды десятка два кругов вокруг усадьбы и ещё столько же, если расплескает хотя бы четверть. Прошло ещё немного лет, и Ошта сам не заметил, когда в нём выросла эта жгучая благодарность к отцу и совершенно отцовское презрение к телятам.

А став мэтром – ох, как он лютовал, заметив в ком из учеников искру таланта! Никаких поблажек, рвись наизнанку – а делай, и только попробуй равнять себя с телятами, выискивая повод для гордости. А вот стань на поединок со старшим, с почти уже мэтром, погляди, на что ты способен. Поединку всё равно – новичок ты или двадцать лет дорогой Таго ходишь. В поединке ты либо хорош, либо плох, вот и вся арифметика.

Закат потух и остыл. Ошта подумал было зажечь свечи, но махнул рукой. Хорошее время – сумерки. Мягкое, двуличное. Не оттого двулично, что лжёт, а оттого, что сводит две правды. И одна правда не лжива, и другая не врёт. Хорошее время.

Ошта встал с кресла.

Какое сегодня число? Двадцать третья? Итхае на дежурстве.

⁸ тагал – дорожный алтарь в форме высокой трёхгранной призмы на приземистом пятигранном основании. На каждой из граней верхней призмы изображение весов Тиарсе (крест из горизонтального вытянутого овала и вертикального узкого ромба). Также мера расстояния: от 9,5 до 13 км в разных районах.

Выглянул в окно, крикнул:

– Егош! Вели седлать Ветерана.

На Белый остров, в Веройге, императорский замок, можно было попасть несколькими путями. С причала у восточного берега острова, где заканчивался город и начиналось озеро. На пароме или лодке из старого города – через пролив между Большим островом и Белым. Или по одному из мостов, протянутых от города. У каждого из мостов стояла караульная башня; предполагалось, что в военное время они смогут держать оборону. Каким образом и зачем оборонять дальний край моста, когда этот мост можно просто разобрать, теоретик Ошта не видел. Впрочем, войны давно уже не докатывались до Древней столицы, и башенки служили больше для пушего величия имперского и чтоб производить впечатление на приезжих.

– Стой, кто идёт! – скучным голосом крикнули сверху. Ошта задрал голову:

– Погоди, Ветерана привяжу, взберусь к тебе, и постоим!

– Вот это дело! – приветливо взревели в освещённой скворечне-караулке.

До караульного поста было три пролёта ломаной спирали с необоснованно высокими ступеньками.

– Хорошее упражнение для стариков – эта лесенка, – поприветствовал друга Ошта. – Давно комаров кормишь?

– С заката и кормлю, – хохотнул тот, сгребая древком алебарды со скамьи какие-то крупные и лысые комья меха, две пустые бутылки, осколок глиняного кувшина и ржавые ножницы устрашающих размеров. Скамья опоясывала караулку с четырёх сторон, являясь единственным предметом мебели в этой коробке четыре на четыре шага и с бортиками по грудь высотой. Крыша держалась на четырёх столбах, вернее, уже на трёх, потому что четвёртый подломился и сам стоял теперь только из любви к славному отечеству. Столбы сияли, обвитые масляным дымком из ламп, отражались в чёрной воде Арна, рядом с дробными отражениями факелов вдоль моста. Дальше на восток в беззвёздной темноте мороком вставал Веройге: созвездие окон и уличных факелов.

– Ты садись, – гостеприимно повёл алебардой караульный. Выглянул наружу на стук копыт, крикнул «Стой-кто-идёт» тем же скучным голосом («Отвали, Итхае», – лениво послышалось снизу и процокало дальше) и с чувством выполненного долга повернулся опять к Оште.

– Так ты здесь чего? – прогудел Итхае, почёсывая бороду.

– А тебе напарник не нужен, поскучать вдвоём? – полюбопытствовал мэтр, подавив желание тронуть свою бородку; рядом с бородицей Итхае она выглядела как-то несолидно.

– Не, это ты зря, – посерьёзнил караульный. – Я сегодня не пью.

– Заболел? – усмехнулся Ошта, разглядывая скамью. Судя по пятнам, скамья при нужде служила и столом. Обеденным, карточным, разделочным...

– Да я думаю, трёх дней пока хватит, – сказал Итхае, ставя алебарду в угол. Внизу что-то двигалось сквозь ворота на мост, лязгая, гремя и невнятно поминая Верго и «отца нашего, императора».

– Стойкоидёт, – на одной ноте пробасил Итхае, не оборачиваясь. Ответили неразборчиво, но, судя по тону, – матерно.

– Слушай, вот давно хотел спросить, – начал Ошта, ещё раз глянул на лавку – и сел. – Ну зачем у тебя алебарда? Не лук, не дротики, не копье, не рог, чтобы объявить тревогу, – алебарда!

– Да пёс его знает. Традиция, пепел ей в душу. А я сам их терпеть не могу. То есть, в строю против конницы, положим, ещё куда ни шло, а так... Тьфу.

– А что Устав говорит? Вот, скажем, те, что гремели сейчас внизу – были они зангские наёмники...

– Да Кироч это был, – зевнул Итхае. – Из третьей сотни. И дружки его, такие же, опора гвардии. Они чуть не каждый второй день собираются, к этому времени как раз глаза зальют – и тащат задницы в приёмную, проситься на поля сражений. Во славу Вечных и императора.

– Ладно, – не стал спорить Ошта. – Вот пускай я крадусь сквозь Синие ворота в Веройге, и на лице у меня явственное намерение (Ошта изобразил «явственное намерение», Итхае гулко хохотнул) покуситься на святое... (он призадумался) ...помочиться на мопса Его Величества.

Итхае заржал так, что чуть не сшиб рукой алебарду. «Помочиться на мопса» было притчей во языцех с того самого парада, на котором холёный и наглый мопс Его Величества оскорбительно облаял коня одного из гвардейцев, а конь это самое и сделал. Прицельно. Тогда-то гвардия и доказала, что набрана сплошь из героев: ни одно лицо не дрогнуло. Зато после...

– И вот ты мне кричишь стоять, а я крадусь и лелею кощунственные планы, – продолжил Ошта, когда Итхае отсмеялся. – Что ты должен делать, по Уставу? Прыгать вниз и рубить меня с налёта?

– Грозить сверху и щёки надувать.

– А. Очень мудро. Нактирр придумал?

Итхае неожиданно взорвался.

– Слушай, Ошта, не мажь ты мне дерьмо на хлеб, и так уже попереёк глотки все эти разговоры! Умные все, рассуждать, какой император – пустое место, какой тэрко – ему под стать, одно название, что глава города. Как налоги растут, а мечи и кони старше пепла, и как выпивки на рыло мало дают. И ведь не поспоришь с вами, философами! Вот сию я тут в караулке – и что я делаю? Штаны просиживаю да лавку полирую! Хоть с Кирочем идти, тоже в бой проситься! И жалование опять задержали: двадцать третье уже, обещали позавчера дать, да с тех пор, как обещали, ни хрена и не слышно. А тут крыша течёт, и забор нечинен, и жена у меня рожать будет в середине новой луны, это ещё один рот кормить! Тьфу, жизнь крысиная, пепел ей в душу!

Итхае звучно потянул носом и смачно сплюнул наружу, на мост в императорский замок. Ошта сидел молча, глядя в подломившийся столб.

– Ладно, – вздохнул караульный, – плюнул и забыл. Служить так и так надо. Ты зачем пришёл-то? Неужели без дела? Да ещё ночью.

– Да есть одно дело, – медленно сказал Ошта. Задумчиво воткнул нож в скамью, покачал, выдернул. – Ты не слышал слово такое: «кхади»?

Итхае хакнул.

– Слышал, как же. А ты о них с какого боку?

– Да ни с какого пока. Так, любопытствую. Это что, при ком-то из старичков вроде Безухого молодая поросль пробивается?

– Не-э, – протянул Итхае, – эта поросль наособицу растёт. У них и голове порогов двадцать семь – двадцать восемь. Девчонка, по слухам, что твоя былинка, но ведьма. Потому и голова, и потому они себя ведьминами и называют.

– А, так это шпана, крысята, – сказал Ошта, чувствуя, как глыба моральной дилеммы тает в пар и опять становится легко. Не подводники – дети, шпана. И значит, не преступление против Империи, а угодная Вечным забота о слабых. И ясно почему она передала, что мол, подождать проще, пока Нактирр сам помрёт. Если ей едва четырнадцать, то уж верно резонней ждать.

– Вот и мы сперва думали – шпана. А только всех остальных крысят эти уже перегрызли – за порог или два. А про Кхад чем дальше, тем страшней истории рассказывают. Брехня, конечно, почитай всё, а только всё равно выходит та ещё тварюка.

– Как же – выходит, если брехня всё? – усмехнулся успокоенный Ошта.

– Всё, да не всё, – возразил Итхае. – Туноша помнишь? Туноша Немого, здоровый такой мужик, разговорчивый, что полено.

– Тот, что в Верхних казармах стену на спор кулаком проломил?

– Его да ещё троих ребят с ночного обхода как-то принесли холодными. В Серпном нашли, недалеко от Старой Храмовой.

– Ну?

– Подковы гну. У меня тесть в Серпном живёт. Так он мне тишком сказал, что видел он, как ребят порезали. Один малёк порезал, порогов двадцати, насвистывая. Потом из-за угла ещё трое детей вышли, да самая дохлая девчонка и сказала, что принят, мол. Такие вот крысята-шпана.

– И чем занимаются? – как-то безразлично спросил Ошта.

– Да всем по чуть, как обычно. Пылью⁹ торгуют, шёлком, людьми, кражи тоже. Заказы, вроде, берут. Осторожничают пока, видно, и сами не прочь, чтоб их пока шпаной считали.

– Дети, – пожал плечами Ошта, думая о том, что мальчишка был прав. Других таких учеников ему не найти. Хал, до чего любопытная работёнка намечается!

– Дети-то, оно да, – раздумчиво сказал Итхае. – Да только человеческий ребёнок – это такой зверёныш, из которого любая тварь вырасти может. Не только что человек.

– Да, – отсутствующе кивнул Ошта. Улыбнулся и протянул руку. – Спасибо, я пойду уже.

Хриссэ

2271 год, 21 день 3 луны Пнд

Лисья нора, Эрлони

– Отвяжись! Сгинь, хал тиргэ! – невнятно донеслось из-под одеяла. Хриссэ усмехнулся и сдёрнул шерстяную клетчатую ткань. Вчерашнее приобретение недовольно зажмурилось, ещё раз выругалось сквозь зубы и беззлобно отбрыкнулось от Хриссэ.

– Вставай давай, – рассмеялся тот, как раз когда уже не спящий илирец убрал чёрные волосы с открывшихся глаз.

– Сейчас позавтракаем, и начнётся самое интересное, – заявил Хриссэ, закутываясь в одеяло, как в мантию, и отворачиваясь к окну.

– Да пошёл ты! – илирец проснулся окончательно и теперь его голос перехватывало от злости, презрения и ещё чего-то от чего должно перехватывать голос у илирского дворянина небольших лет, но большого гонора, проданного в рабство в чужой стране, да ещё такому гаду, как нечесанный этот...

Что Хриссэ всегда нравилось в илирцах, так это именно обыкновение принимать за смертельное оскорбление и унижение простую затрещину. Впрочем, большинство из них предпочли бы терпеть затрещины, чем сарказм, так что Хриссэ с огромным удовольствием пренебрегал первыми в пользу второго. Он отчётливо вообразил, как лицо его «приобретения» каменеет в должном возмущении, и ухмыльнулся снова. Когда обернулся, илирец сидел на пятках на кровати, настороженный, как арбалет в траве. Даром, что ещё и тридцати порогов нет мальчишке (или пятнадцати лет, как выражаются в Илире), и комплекцией не лучше Хриссэ – всё равно впечатляет.

– Ты сколько в рабах ходишь? – спросил Хриссэ. Без издёвки, без сочувствия, без презрения, с толикой любопытства разве. Как равный спрашивает равного о пустяке. Интонация вышла настолько – вдруг – искренней, что илирец ответил. Не иначе как от неожиданности.

– Полгода.

– Тогда ясно.

– Чего тебе ясно? – ощерился илирец.

– Почему с тебя гонор ещё не слез, – объяснил Хриссэ. Просто объяснил, без вызова или угрозы. Просто. Илирец на всякий случай несуществующий вызов принял.

⁹ пыль – зд. дазаранский наркотик, галлюциноген; отсюда «пыльник» = наркоман; «пыльный» = под кайфом.

– Хоть двадцать лет старайся, – исподлобья и пафосно начал он, сразу как-то показавшись младше, – ты меня не сломаешь!

Хриссэ не выдержал и рассмеялся этой пышной серьёзности, за что удостоился взбешённого взгляда и странного горлового звука. Успокоился, складывая одеяло, и сел на него на пол, скрестив ноги.

– Знаешь, отчего-то я тебе почти верю, – доверительно сказал он, глядя на мальчишку снизу вверх. – Не буду я тебя ломать, передумал. Умойся и айда завтракать.

Илирец... послушался. По его лицу не понять было, поверил он или нет. Потому, вероятно, что и сам он этого не понял. В обоих чёрных глазах ночной водой стояло замороченное непонимание. Его пугала нелепость ситуации, этот безумец, который вчера купил себе илирского раба, и ничего этот илирец – не худший в драке! – не смог сделать, когда психу вздумалось разнообразить свою жизнь отработкой ударов по болевым точкам... Мальчишка ополоснул лицо, завязал волосы, неловко поводя плечами – руки ныли, – осторожно сел на край кровати и уронил глаза вслед за руками. Злость хороша, чтобы спрятать ужас: такой, что даже ужас остаться без тьё¹⁰ почти неважен. Нет, в нашада¹¹ так не превратишься – ведь не по своей вине терпел боль и не мог ответить, а только по слабости. Значит, касанием проклятие не передашь, но тьё мертво, потому что тьё умирает от бессилия и боли. И значит, Тиарсе не забудет и Кеил не простит, и со смертью умрёшь полностью.

А этот...

Илирец дёрнул ртом, словно чтобы усмехнуться, но только напомнил себе о вчерашнем кулаке в челюсть. Рука приподнялась тронуть – и легла обратно, на залитое жемчужным светом колено.

А этот, пепел ему в душу, и не соображает, что натворил. Память у имперцев избирательная, не помнят, крысиное племя, от чего душа умирает! Кипя от сознания своей правоты, мальчишка поднял бледное от этого сознания лицо, где на скуле расцветал мощный синяк, и чуть не отшатнулся. Этот серый – от волос до одежды и глаз – имперец смотрел и улыбался. Смотрел и улыбался так, что несомненно было: знает он, что творится в голове и лёгких его покупки. Знает, смотрит снизу вверх – и улыбается. И оттого ещё жутче стало, чем от мысли об убитом бессмертии. «Серая тварь!» – подумал он.

– Сын пепла! – это он уже сказал. И сквозь бледность на смуглом лице со всей отчётливостью проступило, что сперва он сказал, а потом уже понял, какое оскорбление.

Хриссэ с удовольствием потянулся, встал, бросил одеяло на кровать и чуть наклонил голову, по-птичь, искоса глядя на илирца.

– Зря ты лицом просветлился, как Орект перед колесованием. За слова я не убиваю.

– Только просто так? – вскинул «просветлённое» лицо мальчишка.

– Зачем же просто так? – ухмыльнулся Хриссэ. – Или для удовольствия, или для дела.

Пойдём уже.

Он повернулся спиной и вышел. Илирец догнал его на ступеньках вниз, где располагался главный зал кабака, в соответствии с его «подземным» названием. По случаю раннего времени зал был пуст, только у самой лестницы сидел перед камином хозяин, а на шкуре между его креслом и огнём – щеголяла толстой золотой косой девчонка лет шестнадцати, в которой илирцу почудилось какое-то неуловимое сходство с «серой тварью».

– ...ты взял, что именно игрушка¹²? – беспечно спрашивала девчонка. – Мало ли, кого там Хриссэ вздумал устроить на ночлег?

¹⁰ тьё, ил. – стержень души, истинное я, бессмертная часть человека. Считается, что тьё умирает от сильной физической или душевной боли, от сильного страха и/или унижений.

¹¹ нашада – неприкасаемые; вне социальной лестницы, отлучённые от Церкви. Как правило, клятвопреступники.

¹² игрушка – общепринятый эвфемизм для обозначения проституток.

Лысый хозяин «Лисьей норы» тихо усмехнулся в усы.

– Будто ты Хриссэ не знаешь, дочка. Или я ослеп и отупел под старость. Я сперва подумал, правда, что кто-то из ваших: ухватки самые подходящие. Но больше похоже, что этот умник опять игрушку себе прикупил. К тому же, илирца.

Девчонка рассмеялась, а илирец чуть не кинулся вниз с кулаками. Да и кинулся бы, если б Хриссэ не перехватил его левую руку так, что она чуть не выскочила из плеча.

– Доброго утра, – весело объявил Хриссэ, шагая к ним. – Клойт, завтрака у тебя не найдётся?

– Найдётся, – Клойт кивнул и встал. – Подождите немного.

– В кои-то веки я одобряю твой вкус, – задумчиво сказала Кошка, разглядывая илирца.

– А я не одобряю, – огрызнулся тот. Хриссэ хмыкнул и отпустил его руку.

– Он будет при мне, – серьёзно сказал Хриссэ.

– Да пошёл ты, – почти ровно сказал илирец, поводя злосчастной конечностью.

– Килре-насмешник! – протянула Кошка, разглядывая его. В отличие от илирца, она знала, что слова «при мне» среди кхад означают помощь и защиту, а может, Хриссэ и в кхад его хочет протащить через месяц-другой. – Чем он так отличился? Хотя то, что ещё огрызается, уже редкая доблесть!

Илирец набычился, но девчонка говорила безо всякой насмешки.

– Да я и не зверствовал, – отмахнулся Хриссэ. – Так, пару приёмов повторил... Очень уж удивился, когда он чуть не вырвался. Он об меня табурет сломал, – доверительно сказал Хриссэ вернувшемуся Клойту и расхохотался на пару с Кошкой. Илирец медленно наливался краской, как железо в горне. Клойт молча поставил на стол блюдо с пирожками и кувшин и сел, не вмешиваясь в разговор, но слушая с видимым удовольствием.

– Где ты его нашёл? – спросила Кошка, начиная жевать. Хриссэ последовал её примеру, потом ответил:

– В «Бесенятах», он там был танцор, жонглёр и Тиарсе знает кто ещё для любителей илирских игрушек.

– Прекрати! – мальчишка не выдержал, вскочил, сжимая кулаки и не зная только, на кого кинуться в первую очередь. – Не смей так говорить!

– Скажи спасибо, что я не стал так делать, – посоветовал Хриссэ, не отрываясь от еды. Илирец раскрывал и закрывал рот, но так и не сумел ничего сказать. Постоял ещё немного, чувствуя себя всё более глупо, сел.

Потом они молчали, пока Кошка не поблагодарила за завтрак, Хриссэ заплатил за убитый табурет и все трое вышли. Дорога илирцу не понравилась. Кошка и Хриссэ шли позади, иногда командуя свернуть, и между собой переговаривались тихо. Мальчишка, впрочем, слышал всё отлично: они не очень таились, а слух у илирца всегда был исключительный. Большую часть разговора понять всё равно не получилось, подслушивай или не подслушивай. К чему можно отнести новость о том, что безухие зарвались и надо бы с ними разобраться?

– К углежогам сворачивай! – сказала Кошка.

Или заявление, что коричневые звереют и вчера перед закатом вломились в «Маэтишеной» искать заговорщиков? То есть, тут всё понятно, но какие могут быть заговорщики в «Маэтишеной»? Туда же одни любители элитного чая ходят! И как это всё может быть связано с тем, что Тень уже полностью подготовил план, но Кхад говорит, что ещё не время?

– Увидишь, они ещё ворота повадятся запирать чуть не до заката, – хмыкнул Хриссэ. А Веройге закроют вовсе.

– И как тогда?..

– Как теперь, так и тогда. Кавалер-то будет из благородных. А танец с пьяным героем мы уже репетировали, ты разве не видела?

– Не. Но мне Лорд рассказывал, так что заранее предвкушаю. Надо будет спрятаться где-то неподалёку: посмотреть.

Илирец тряхнул головой. Со своей жизнью непонятно что происходит – самое время заморачиваться о чужих тайнах.

За время, пока они шли в Собачницу, илирец успел услышать ещё массу интересного. Например, что угадал верно: Хриссэ действительно знает о том, как убивать тьё. Очень обнадеживает. Не бог весть какой секрет, конечно, но кто ему рассказал?

Улочка, пропахшая дымом и старой золой, вильнула в последний раз и вынырнула на пустырь из-под арки с серой в мокрых разводах штукатуркой.

– А чего ты от него хочешь-то? – спросила Кошка, вальяжно усаживаясь на старое сухое бревно в мокрой траве.

– Проверить: вдруг пригодится, – Хриссэ пожал плечами, садясь рядом. – Всё-таки, чуть меня не прибил...

Кошка рассмеялась. Илирец в очередной раз вскипел.

– Что ж ты такой нервный? – весело спросил Хриссэ, заметив сжавшиеся кулаки. – Я тебя хвалю, между прочим. Думаешь, меня так легко прибить? Я что думаю, – он повернулся к девчонке, – Кошка, ты попробуй отрезать ему ухо, а я посмотрю. Если у тебя не получится – предъявим Кхад кандидата.

– Псих! – снова рассмеялась Кошка, шурясь на Хриссэ против солнца. – Но идея здравая.

Она встала, вынимая нож и поворачиваясь к солнцу боком. Илирец переводил взгляд с неё на Хриссэ и обратно. Особенного понимания на его лице не рисовалось.

– Держи! – Хриссэ протянул ему свой нож – рукоятку вперёд. Илирец медленно подошёл, взял.

– Это я с ней должен драться?..

Кошка кокетливо подмигнула.

– А если не хочу? – он повернулся лицом к девчонке и пару раз разрезал воздух ножом на пробу.

– Дело твоё. Не хочешь – прирежем по-быстрому и гулять пойдём, – деловито сказала Кошка.

– Зачем – по-быстрому? – не согласился Хриссэ. – У меня времени много...

И улыбнулся илирцу этак доверительно.

Видно было, что мальчишка растерян, что ещё больше он зол и что держит себя в руках, несмотря на это. Кошка ждала, он медлил тоже, но в конечном итоге ударил первым. Кошка легко увернулась, но не расслабилась: рекомендация Хриссэ дорогого стоила. Мальчишка ударил ещё: прямо, без затей, но так быстро, что Кошка едва успела отскочить. И снова не стала атаковать, нервируя илирца. Он явно увидел, что противник не из простых, но не мог понять, насколько. Переступил и чуть-чуть отвёл руку с ножом в сторону, приоткрылся, ровно настолько, чтобы умелый человек получил шанс. Кошка охотно «купилась»: поглядеть, как илирец перетечёт на шаг и попробует перехватить её руку. Не сумел, Кошка отступила, и Хриссэ сказал «хватит».

Встал, повёл плечами.

– Ну как? – спросил Кошку.

– По-моему, молодец, – весело сказала она. – Да я и не сомневалась: ты его так расхваливал...

– Так вот что у имперцев называется похвалой, – буркнул илирец, возвращая нож. В какой-то момент он так сверкнул глазами, что стало ясно, как ему хотелось вернуть этот нож лезвием, а не в ладонь рукоятку.

– Он по-другому не умеет, – пояснила Кошка. – Идём, Хрисс, предъявим твою находку!

– Как тебя звать, находка? – спросил тот. Илирец помедлил.

– Нар Къё.

«Трепещи, Кошка! Илирский дворянин позволил звать его малым именем!» Фраза была бы очень эффектна, а потому просилась наружу со страшной силой. Но Хриссэ рассудил, что этот козырь лучше пока придержать. Это в самом начале знакомства пыльник ещё сомневался, но то, как илирец обращался с ножом, выдавало дворянина и фехтовальщика, а не уличного бойца. Конечно, чего-то он нахватался в подворотнях чужой столицы, но в основе была классическая илирская школа воды. Мэтр Ошта будет счастлив.

– Куда мы идём, и что вообще происходит? – спросил Нар Къё, отводя рукой пучок камыша, пробившийся в щель между досок мостика. Хриссэ позади него молчал, и отвечать пришлось идущей впереди Кошке.

– Покажем тебя Кхад, порекомендуем, она присмотрится пару дней, а потом, скорее всего, примет.

– Кто примет? Куда примет?

Кошка переглянулась с Хриссэ и оба расхохотались.

– Мы – кхад, – сказала, наконец, девчонка. – А она – наполовину Вечная.

– Это кто говорит? – удивился Хриссэ.

– Теотта. Не слышал ещё?

– Уже слышал, – усмехнулся он.

– Это что, – неуверенно начал Нар Къё, – вы, как это называется, подводники?

Хриссэ снова рассмеялся.

– Слово дурацкое, – пояснил он обернувшейся Кошке. – Вроде как да, – это уже илирцу. – Но, я думаю, скоро всплываем.

Мост кончился и остался позади, коридор с деревянным полом, с саманными стенами и пронзительно синим небом вместо крыши уткнулся в гнилой забор.

– А если я не хочу с вами?

Кошка отодвинула доску, чтобы пролезть, но остановилась, придерживая её и ожидая ребят.

– Не хочешь – насильно Кхад никого не держит, – сказала девчонка и нырнула в щель.

Илирец стоял в нерешительности, когда сзади подошёл Хриссэ и сказал над самым ухом:

– А я вот иногда держу покупки насильно, если покупка с секретом.

Нар Къё резко обернулся при первых же словах, возмущённый, вышло почти лицом к лицу с Хриссэ. «Почти», потому что Хриссэ был лет на пять старше и выше на голову.

– Тебя подначивать – одно удовольствие, – сказал он. – На самом деле тебя никто не держит, Кошка верно сказала. В кхад не тащат силком, ей добровольно продаются умом, душой и всеми потрохами. А иначе она просто не примет. Потому я тебя даже убивать не буду, если откажешься.

Илирец только потом, дней через десять сообразил, почему Хриссэ действительно не стал бы его убивать. Мало того, что идти Нар Къё было некуда. Это только он, приехавший в столицу недавно и рабом, не знал, кто такая Кхад и кто такие кхад, а в «Бесенятах» Хриссэ узнали сразу. И если бы его покупка стала бродить по городу и искать работу... Не раньше, чем к концу луны, его либо притащили бы обратно к Хриссэ в знак уважения, либо просто так прирезали бы, от греха подальше... Серого психа из кхад в городе отлично знали. Но пока Нар Къё этого всего не знал, а только слушал, судорожно пытаясь что-то решить...

– Тебе предлагают хорошую работу, потому что ты – хороший боец, Нар Къё а-Нле-и-Шатта¹³.

¹³ Нар Къё а-Нле-и-Шатта – досл. с ил. «Нар Къё, ученик школы воды», уважительное обращение к ученикам воинских школ. Также допустимо в качестве обращения к благородному, если по какой-то причине нельзя использовать его полное родовое имя.

На лице мальчишки явственно читалось крайнее удивление. «Узкоглазым» его сейчас не назвал бы даже самый завзятый ненавистник илирцев.

Доска в заборе скрипнула, и из щели выглянула возмущённая Кошкина голова.

– Что вы застряли?! Два шага осталось – нет, надо здесь встать столбами и побеседовать!

– Идём, – отмахнулся Хриссэ. – Считай, что тебя просто нанимают на очень хороших условиях, – сказал он илирцу, – шагая в щель. – Пойдём, приглядишься и на месте решишь.

Тисса

2272 год, 15 день 3 луны Пнд

Глинянка, Эрлони

Лайя рассмеялась и в очередной раз подумала, что день будет замечательный.

– А чего ты? – с довольным видом возмутился Трепло. – Я серьёзно!

– Ага! – заливалась Лайя. – И в тот раз, когда про крылатую собаку рассказывал, тоже серьёзно было!

– И тогда серьёзно! – кивнул Трепло, взбегая между каменными драконами на мост. – Она просто улетела, пока я тебя звал.

Умник, Синий и Тисса несколько их обогнали и теперь остановились на той стороне, напротив кирпичного особняка с двумя клёнами у ворот. Тисса что-то тихо говорила, трогая мешочек для трав на поясе. Эта Тисса куда больше походила на себя, чем то привидение, которое бродило по дому последнее время.

Умник сказал что-то, и они с Синим громко рассмеялись. Тисса бледно улыбнулась.

– Бедная, – сказала Лайя вполголоса. Трое впереди увидели, что Лайя и Трепло нагоняют, и неспешно пошли дальше.

– Надо было, чтоб она со всеми драться училась, – сказал Трепло, поправляя альдзел у бедра.

– Что ж учиться, если у неё не получается? – возразила Лайя. Мост последний раз гулко стукнул под ногой и кончился.

– А то! – упорствовал Трепло. – Ты себе можешь представить, чтобы так Кошку коричневые арестовали и драли потом в казарме полночи?

Лайя передёрнула плечами и сердито ткнула его в бок локтем.

– Кошку! Ты б ещё «Кхад» сказал! Тиссе сколько ни учишь, никогда так не выучиться! Вон, Кошка как Чарека, безухого, в тот раз всухую сделала!

Трепло пропустил большие пальцы под пояс, подбивая ногой обломок корзины на мостовой.

– Первей всего, Кошку бы коричневые не заметили. И меня или тебя бы не заметили. И драться бы ей не пришлось, если б эта белобрысая хоть что-то умела, кроме как лечить.

– Ну, где вы там застряли? – обернулся к ним Синий и заорал дальше: – В носу свербит уже от этого весеннего смердэжа, тут бы скорей из города выйти, а вы еле ползёте!

Закончил он уже с нормальной громкостью, потому что двое прибавили шагу и догнали остальных. «Смердэж» действительно стоял могучий и многогранный: от всего, что зиму хранилось, а теперь оттаяло под первым весенним солнцем. Так что желание Синего удивления не вызвало.

Дальше они молча шли по кирпичным мостовым Глинянки. Умник снял куртку и повязал её на пояс. Ещё не было жарко, скорей, наоборот, но пока только светало, и в этой прохладе чувствовалось будущее тепло. Небо протянулось безоблачное и чистое, умытое вчерашним дождём, и в воздухе, наконец, пахло весной. Не той весной, что свербила в носу у Синего оттаявшей гнилью и дрянью. И не той весной, которая цветёт и гудит насекомыми. Поверх городской вони, делая её неважной, мерцало и таяло что-то безошибочно весеннее, хоть и не смог бы никто из кхадии определить, что это и из чего состоит. Но как-то притихли все. Даже Трепло

замолчал, поглаживая пальцами лаковый бок альдзела. Лайя глубоко вдохнула и тряхнула волосами – хорошо! Розовое небо набухло зарёй, и по черепице крыш слева потекло утреннее золото, сверху вниз, медленно крася рыжим мох на черепице и пятнами капая вниз, на стены и под ноги.

Синий принялся насвистывать что-то бестолковое, Умник вынул из чехла альдзел и на ходу трогал струны, увлечённо рассказывая что-то Тиссе.

Улица закончилась, и кхади взяли правой, через проулок на Ржавую улицу, к Кирпичному мосту и воротам из города. Нищий на углу оживился при виде прохожих, выставил босые грязные ноги с язвами и загундосил:

– Помоги-и! Помоги-и!

Обходя его, Тисса поскользнулась в грязи и упала бы, не подхвати её под локоть Синий. Лайя, может, ничего и не заметила бы, но она шла совсем рядом и обернулась на резкое движение: Тисса отдернула руку так, что чуть опять не потеряла равновесие, и побледнела.

– Ты что, Тисс? – удивлённо спросил Синий. Она кусала губы и молча покачала головой.

– Тебе плохо? – спросил подошедший Трепло. Теперь все уже остановились и смотрели на Тиссу. Она смотрела в землю.

– Ничего, – тихо сказала она. – Ничего.

– Идите вперёд! – сердито сказала мальчишками Лайя. – Давайте-давайте.

– Помоги-и! – гнусаво тянул нищий. Набирал воздуха в лёгкие и снова тянул: – Помоги-и!

Умник пожал плечами и пошёл вперёд, а за ним и остальные. Откуда-то мутно пахло тухлятиной. Лайя вдруг сообразила, что понятия не имеет, что делать.

– Помоги-и! – заунывно продолжал нищий с каким-то ожесточением.

– Тисса... Воды хочешь? – беспомощно спросила она.

Тисса покачала головой.

– Не хочу. Ничего.

Улыбнулась и сказала «Пойдём», но от этой улыбки Лайе почему-то стало жутковато.

До городских ворот они опять молчали. Солнце приподнялось над горизонтом и начало пригревать. Утро уже было теплей всех весенних дней, бывших в этом году, а день сегодняшний обещал быть почти жарким.

Лайя рассеянно смотрела по сторонам, вспоминая, что она знает о Тиссе. Выходило не очень много; выходило, что она вообще почти ни о ком из кхади не знает, кто они были до кхади. Наверняка Лайя знала только, кто пришёл раньше неё, а кто – позже. Вторых было куда меньше, чем первых. Лайю встретил Тень с полгода назад, сказал, что хорошие воры Кхадере нужны, и что Лайя не пожалеет. Она и не пожалела. Работы стало меньше, но более сложной и интересной... Впрочем, дело не в этом. Когда тебе не слишком много лет, и ты совсем одна... Город представлялся Лайе большим хищным зверем, ждущим, когда она ошибётся, чтобы сожрать её. Она всегда боялась. Коричневых, болезней, неудач и безденежья, охотников за рабами, пьяных дворян, подводников и уличной шпаны... Она сама была в подводниках, но мелкой рыбёшкой, и, исчезни она, никто бы не стал искать. От своих пьяниц Лайя ушла, наплевав на дочерний долг, другой родни не знала, а в друзей и церковников не верила.

Пятеро прошли через ворота, не останавливаясь. Стража не обратила на них внимания. Только один солдатик проводил взглядом компанию, но не из смутных подозрений, а из завистливого желания так же уйти из города в первый тёплый день.

Лайя улыбнулась солдатику, подмигнула и дождалась ответной улыбки. Трепло недовольно покосился, но ничего не сказал.

Главное, в кхади она перестала бояться. Из возможной добычи города она стала одной из загонщиков.

– Слушай, – она повернулась к Треплу, – а ты не знаешь, что Тисса до кхади делала?

Трепло немного приподнял брови, но ответил.

– Кажется, у неё дед был лекарь, она с ним и жила. А потом дед умер, Тисса без ничего осталась, а Кхад её почти сразу и нашла. В городе где-то.

– Ясно...

– Чего вы опять отстаёте, голуби? – опять окликнул их Синий. – В другой раз уединяться будете!

Лайя покраснела и прибавила шагу, а Трепло рассмеялся, показывая Синему кулак.

– Сворачивайте уже! – крикнул он вперёд. – Сколько можно по дороге переться.

– Давайте сразу вдоль реки пойдём, – тихо попросила Тисса, когда Лайя и Трепло догнали остальных. – Вам неважно, а лапка только у воды растёт.

Спорить никто и не подумал – хотя бы потому, что с обрыва открывался замечательный вид на город. И потому, что не сообразили, как сыро и слякотно окажется напрямик через лес. На глинистом склоне Тисса ушла вперёд, пока остальные оскальзывались и хватались за деревья и друг дружку, чтобы не укатиться к исходной точке. С наименьшими потерями в ельник выбрались (кроме Тиссы) Лайя и Синий. Синий избрал тактику «тише едешь – дальше будешь» и полз от дерева к дереву мелкими шажками, цепко держась обеими руками и чуть не по минуте обдумывая каждый шаг. Лайя беззастенчиво висла на Трепле, рассудив, что он сам напросился в кавалеры. Трепло, судя по лицу, разрывался между противоположными чувствами: с одной стороны, когда ещё будет случай облапить Лайю, а с другой – с девушкой в одной руке и альдзелом в другой лезть на скользкий склон крайне неудобно. Особенно, при учёте того, что девушкой вниз, равно как и альдзелом, падать нельзя, а очень хочется! Так он и смотрел: то счастливо – на Лайю, то – тоскливо – на Умника, несущего свой альдзел бережно, как святыню.

– Не смешно, Тисса! – почти всерьёз нахмурился Умник, выбравшись на ровное, в ельник. Здесь было зелено и тенисто, не в пример лысым берёзам и ясеням. Белобрысая снисходительно улыбалась, опершись о залитый солнцем ствол:

– Да вы же совсем бестолковые, – сказала она, наклонив голову (пряди мазнули по вискам). – И как ещё никто не упал...

– Да уж так! – гордо сказал Синий, отцепляясь от последнего дубка и ступая на хвою под ёлками. Мокрая хвоя не преминула съязвить, и нога Синего радостно поехала в сторону, опрокидывая мальчишку навзничь. Умник фыркнул, Лайя – следом, и рассмеялись все.

– Да ну вас! – сварливо буркнул Синий, садясь. – О! – тут же отвлёкся он, – гляньте: гриб! Давайте грибов наберём!

Тисса повернулась в указанном направлении, как и все. Из-под хвои действительно выглядывал гриб: огромный прошлогодний маслёнок, невесть как не съеденный зверьём, круглый, жёлтый и засохший в камень.

– Горожане! – заулыбалась Тисса. – Идём!

Пахло влажной землёй, начинающей прогреваться, лежалой листвой и хвоей и свежей смолой. «Знаешь, чем альдзел лучше девчонки? – вполголоса говорил девчонке Трепло. – Он если висит на мне, то висит себе смирно, а не дёргается и не ойкает то и дело!» Лайя залиристо смеялась, хваталась за его локоть и ойкала, отступаясь. Потом мальчишки обнаружили какую-то тропинку и ушли по ней вперёд. Лайя подумала, что с ними в лесу как-то сразу сталолюдно и шумно. Трещали под ногами ветки и шишки, громко шуршали отодвигаемые лапы елей, и сороки подняли гам, жалуясь на вторжение. («По-моему, нас матерят», – сказал Умник, глянув вверх.) Только Тисса шла легко и тихо, просачиваясь сквозь ветки и не наступая почему-то ни на что трескливое. Её лаолийский костюм – свободные мягкие штаны и короткая рубашка навывпуск без ворота – отчего-то выглядел куда уместней одежды остальных, на городской манер более пёстрой.

– Ты в селе жила, Тисс? – спросила Лайя.

– Ага, – кивнула та. – Мы с дедом только пару лет назад в Эрлони перебрались.

Она потеряла мешочек на поясе.

– Жалко, что он умер. Хороший он был, только пил много.

– Девчонки, идите сюда! – Синий махал рукой с бугра над овражком. – Красота – хоть вешайся!

Лайя рассмеялась... глянула на Тиссу: извини, мол, что не грущу о деде. Тисса как-то беспомощно улыбнулась и пожала плечами, сгоняя с них пятна солнца.

Девочки пошли на зов, и едва выбрались на бугор – как на них обрушились звуки реки. Великий Арн плескался о валуны и лизал глинистый берег, обдавал брызгами наглеющий ветер, синей чешуистой сталью переливался на солнце. И стрижи уже кричали под ногами и прямо впереди.

А чуть левей, вверх по течению, лежала столица, темнея причалами и сияя мрамором храмов и Белого острова. Зубцы массивных башен Веройге вырисовывались на фоне Светлого озера. И мосты, мосты, полоски кружева, связавшего большой остров с меньшим и оба их – с берегами.

– Красивый у нас город, – сказала Лайя и как будто разбудила всех.

– Тут и остановимся. Все за дровами; Синий, давай вон то бревно подтащим, чтобы сидеть...

Тиссу отправили по её прямой обязанности: собирать травы. Остальные быстро натаскали дров (хватило бы до вечера) и стали разводить костёр из сырых веток и ветоши. Прокашлявшись от первого дыма, попытки с пятой разожгли и сели на бревно с видом на реку и город, и дороги от города к востоку и югу, теряющиеся в тёплом и влажном мареве. Умник и Трепло расчехлили альдзелы и затеяли пение – на зависть менестрелям. Лайя зачарованно слушала струны и голоса, щурясь на альдзелдов против солнца. Потом ребята затеяли учить её свистеть. Главным свистуном оказался Синий: и по-простому, и с двумя пальцами, и мелодию высвистать... Лайи хватило только на сиплый и тихий свист, которому никак не удавалось протянуть хоть пять секунд.

А потом ветер донёс запах пролесков, Лайя решила, что их срочно надо собрать, и отправилась исполнять решение.

Букет спустя она вдруг увидела Тиссу. Светлые волосы, убранные назад по-лаолийски, чтобы на висках оставались прядки, золотисто светились на солнце. Тисса сидела на краю обрыва на пятках, бессильно опустив плечи и голову и уронив руки, и плакала. Беззвучно содрогаясь всем телом.

Лайя покусала губы, решила и подошла к ней, села рядом.

– Тисс... – она протянула руку тронуть подругу за плечо, но Тисса вдруг съёжилась и села иначе, обняв колени.

– Не трогай!

Всхлипнула, вытерла глаза рукавом.

– Не трогай меня, ладно? Я не могу... противно... так противно, ты не знаешь...

Лайя послушно отёрнула руку, только что за спину не спрятала.

– Лай... Тебе вот в кхадии нравится, да? – спросила Тисса, не поднимая лица от колен, из-за чего голос прозвучал глухо.

– Н... ну да... Ещё бы! – недоумённо согласилась Лайя.

– А мне вот нет! – с какой-то отчаянной решимостью сказала Тисса, поворачивая к ней лицо. – Я не хотела! Кто выдумал, что это надо и хорошо?! Это ей надо, а мне ничуть! Вы все хотите убивать, пока вас не убьют. Чего хорошего?!

Тисса говорила яростно, Лайя и не думала бы, что маленькая лекарка вообще так умеет.

– А я не хочу так, чего хорошего! Я не хотела, я вообще не хотела в кхадии, не хотела так страшно! Это неправильно, люди не должны так жить, нельзя так! Я не хотела... Тем более, чтоб со мной – такое...

Она прерывисто вздохнула, помолчала и продолжила.

– Кошка успокаивает: их Кхад за меня кастрировала... а чего тут мне успокаиваться? И такая вся Кхад хорошая, за нас горой... А ей плевать на нас, она не за меня, а чтоб её все боялись, а больше ничего ей не надо! Ей на всех нас плевать, какие мы, что мы хотим – лишь бы делали, что ей нужно! Я ей не нужна, ей надо кто-то, чтоб лечил, а я бы умерла лучше! – выкрикнула Тисса в ветер над рекой. Стрижи сочувственно кричали что-то в ответ.

– Она, знаешь, мне что сказала? – тихо сказала Тисса. – Сказала, что если я себя убью, она меня у Кеила¹⁴ найдёт. Думаешь, правда?

Лайя молчала. Близнецы ей рассказывали, как Тиссу вытащили и как она просила, чтоб её убили. А Кхад показала ей то, чего она больше всего боится, и Тисса расплакалась и кричала «нет». И понятно, потому что Кхад умеет, Лайе случилось видеть один раз. Кхад подняла руку, показала ладонь человеку, и ничего не делала, просто сказала, что хочет посмотреть, чего он больше всего боится. И смотрела, а человек упал, и корчился, и кричал, и лицо было такое, что на него смотреть было страшно, и глаза совсем дикие. Лайя раньше никогда не думала, что можно умереть просто от страха, а оказывается, можно...

Но Тиссу Кхад не стала убивать, а только напугала, и сказала потом (Близнецы рассказывали), что самоубийцу с того света достанет.

– Я думаю, правда... – едва слышно сказала Тисса, опять утыкаясь в коленки.

Теотта

2272 год, 27 день 5 луны Пни

двор «Лисьей норы», Эрлони

– Жил когда-то бог. Это был молодой бог, и он очень хотел чего-нибудь совершить или создать, или разрушить – не важно что, главное, чтоб громко и все услышали. И вот однажды почувствовал он, что изнутри рта что-то в зубы стучится. Выплюнул – оказалось слово. Подумал бог, поразглядывал слово, пощупал и понял, что это имя реки. А если есть река, должны и берега быть. И исток, и устье, и города на реке, и люди, чтобы жить в городах. И сам бог не заметил, как создал Центральную равнину и Великие горы.

– Постой! – влез Нар Къё, уже откликающийся на имя «Нарк¹⁵», тряхнул головой. («Э-э!» – возмутился Воробей: чёрная волнистая грива хлестнула его по лицу) – Ведь монахи не так рассказывают! Ты откуда это взяла? Рассказал кто?

– Никто не рассказал! – обиделась Теотта. – Я сама так знаю, – и замолчала. Народ зашумел. Кейя дала Нарку подзатыльника, Воробей стал громко требовать продолжение. Кошка шикнула на всех и стала выжидательно смотреть на Теотту. Нейех почесал плечо и снова замер. Теотта обвела неблагодарных слушателей взглядом, сощурилась от солнца и продолжила.

– Всё получилось хорошо, просто мир был неживой. Мёртвый был, – зачем-то пояснила она. – Бог и так уже старался, и этак, а толку – пшик. Совсем уже бог выдохся, и понял вдруг, в чём дело. Жизнь в мире была всего одна, божья, и не у мира, а у бога. И бог понял, что чтоб мир ожил, ему надо умереть. И умер.

– Так я эту легенду знаю! – снова перебил Нарк. – Это дазаранцы рассказывают. У них бог всего один, да и тот мрёт накануне каждой весны, чтоб назавтра ожить...

Теотта зашипела, как вода на сковороде, и потянулась к ножу.

– Ша, – скучно сказал Лорд, заступая между ними. – Нарк, учись молчать у Нейеха. Теотта, драки запрещены с позапрошлой луны.

Теотта по-звериному оскалилась, сверкнув белыми зубами с чёрного лица, и села на место.

¹⁴ у Кеила – на том свете

¹⁵ нарк – кад., танцор.

– Он не ожил, – неохотно сказала она. – Он совсем умер, навсегда, даже души не осталось.
– Но ведь боги навсегда не умирают? – осторожно спросил Воробей. Бережно накрывая ладонью своего крылатого тёзку, которого нашёл где-то мокрым и полумёртвым пару дней назад.

– А этот умер. А то что ж это за жертва такая: умереть на пару дней, отдохнуть – и обратно? Он хотел, чтоб мир по правде ожил, вот и умер по правде.

– Странно это, – сказал Воробей, ковыряя в ухе.

– Но честно, – неожиданно поддержал Теотту Нейех.

Хриссэ

2272 год, 27 день 1 луны Пнд

лог у правого берега Арна, над Эрлони

– Теотта, это что будет? – спросил Воробей, приседая на корточки рядом с ней. Теотта следила за своими пальцами, быстро нырявшими между цветных шнурков. Крупные, хищноватого вида кольца на чёрных пальцах постукивали одно о другое.

– Дайте мне шнурочек, шнурочек, верёвочку, – спела Теотта, не оборачиваясь на Воробья. – Я сплету вам ленточку, ленточку, ленточку...

Воробей мысли свои озвучивать не стал. С какого-то подзатыльника он выучил, что эту психованную трогать нельзя: маньячка – хуже Хриссэ, который хоть через раз, но помнит, что драки Кхад запретила. А эта как заедет своим кастетом из колец – ходи потом с залысиной над ухом!

– Кусай её! Куси! – завопил Трепло. – За ухо!

Воробей обернулся. Птаха на его голове качнула крыльями и вцепилась ему в волосы, удерживая равновесие. Последняя пара на турнирке сошлась так близко, что Хриссэ дышал Кошке в ухо.

– Кто выиграет, тому и будет тесёмка, – сказала Теотта, глядя, как у Кошки не получается вывернуться. Хриссэ продолжал придушивать её её же посохом. Кошка дёрнулась ещё раз, вдруг повернулась лицом к Хриссэ и вдумчиво поцеловала. Тут уже Хриссэ дёрнулся от неожиданности, как будто плеснули кипятком, Кошка развернулась – соломенная коса змейй завилась вокруг, – девчонка посохом подбила Хриссэ оба колена, уходя на два шага и облизываясь под радостное улюлюканье публики.

Хриссэ хлестнул плетью, Кошка приняла удар на посох – продолжая ухмыляться, довольная собой, – и попыталась перетянуть плеть на себя. Мэтр Ошта, стоявший под старой вишней рядом с Кхад, неодобрительно свёл брови. Хриссэ дёрнул плеть, дождался ответного рывка, подскочил, выпуская рукоятку, и ударил сперва в живот и тут же – в лицо снизу. Изобразил добивание локтём и гордо пошёл на круг почёта.

– Козёл ты, – сказала Кошка, выпрямляясь и трогая кровавые губы. Её было плохо слышно за скандирующими:

– Хриссэ! Хриссэ!

Тисса подошла, Лорд – остальные были заняты чувством героя. Кошка пнула валяющуюся плеть и отмахнулась от Тиссы: тоже мне травма. «Пойдём, сядем».

– Ну? – восклицал герой, потрясая обоими кулаками. – Кто здесь лучше всех?

Кхад шагнула вперёд от дерева. Все – кроме Хриссэ – притихли.

– Я, разумеется, – спокойно сказала она. Хриссэ остановился. Сверкнул глазами.

– С магией, – презрительно сморщился он. Тишина натянулась такая, что стало слышно стрижей, сновавших над Арном. Кхад усмехнулась.

– Обещаю тебе, обойдусь без магии.

И вышла в круг.

Ошта удобнее оперся на дерево и сложил руки на груди. Он не поручился бы за ведьму. Без особой уверенности, уж точно.

Хриссэ подобрал плеть и медленно пошёл по кругу. Кхад снова усмехнулась – и согласилась, пошла тоже, небрежно держа ножи на кадарский манер: один прямым хватом, другой – обратным. Усмешка на лице так и осталась. Хриссэ вглядывался почти нервно: он вовсе не представлял, как дерётся Кхад. Она же его стиль знала, как и всех остальных. Она сразу начала так: сама занималась отдельно, а на их тренировки смотрела. На первом же отдельном занятии с ней Ошта увидел причину. Она не умела драться. Совсем. Непохоже было, чтоб ей вообще когда-то доводилось. Задатки – дай Таго каждому, а не умела. Двигалась, падала, уворачивалась – по-звериному. Когда Ошта прижал её к краю площадки, вынуждая нападать, девчонка замерла, скалясь, а потом его накрыло чем-то горячим, липким и мерзким до кошмарности. Когда глаза удалось открыть, Кхад сидела на земле рядом и хмуρο прижимала ледяные пальцы к его виску. Ни объяснять, ни извиняться не стала. Только дальше мэтр атаковал осторожней и ждал, когда временами ведьма застывала с гримасой на лице и старательно заготавливала обратно магию. Магией она лупила наотмашь, бездумно, с тем же звериным инстинктом, с каким перекатывалась и вскакивала, упав.

Выжидание, снисходительность мэтра её бесили, подстёгивали – ей многое было, как вожжа под хвост. Главная причина, почему она так быстро училась. Она отказывалась злиться – просто; её злость всегда оказывалась направленной, не растрчивалась зря. Оште не соврали: таких учеников он не нашёл бы нигде. О такой ученице, как Кхад, мечтал бы любой фехтовальщик. Она занималась остервенело, с тем фанатичным упорством, какое бывает у людей, давно наметивших цель и знающих, что им по дороге к этой цели пригодится.

Но она начала чуть ли не с нуля. А Хриссэ, крупнее, выше на полторы головы и года на три-четыре старше, был неплох и до встречи с мэтром. Откуда взялся этот сероволосый пижон, не имел понятия никто. Лорд рассказал мэтру, что однажды Хриссэ просто пришёл в Логово и заявил, что уйдёт, если кто-то сможет его выгнать. Не смогли, и Кхад пустила его сперва на испытательный срок, потом на общих правах. Среди кхадии он смотрелся так же нелепо, как смотрелся бы в любой другой иерархии. Явный одиночка с манерой переходить границы, бравирующий пыльностью, любитель драк и садист... Иногда Оште казалось, что этот парень может заразить бешенством. Иногда – что всё это – такая же детская поза, как отказ умываться.

Однако что-то, а драться этот позёр умел. Проиграть же одному из своих людей на глазах у них всех... Ошта не видел, зачем Кхад вздумалось так рисковать. В то, что это ребяческий вызов, верилось с перебоями. Когда смотрел на Кхад со спины, видя неровно стриженный затылок девчонки двенадцати-тринадцати лет – верилось. Когда встречал взгляд или отмечал, как девчонка двигается...

Нервы раньше не выдержали у Хриссэ.

Он ударил первым, Кхад, уходя, сделала резкое движение рукой – Хриссэ оторопело уставился на замерший нож – в пальце от кожи между его бровей.

– М-магия... – сказал парень.

– Не надо было останавливать? – спросила Кхад, протягивая руку и ловя вернувшийся нож. Хриссэ зыркнул на неё, зло и дёргано свернул плеть, сунул за пояс и пошёл прочь, взбивая ногами пыль.

– Отдашь ему тесёмку, когда вернётся, Теотта, – сказала Кхад. – Мэтр, вы не разьясните, у кого какие были ошибки?

Учителя

2272 год, 12 день 3 луны Пнд

Логово, Собачница, Эрлони

Ветеран перебирал копытами так вяло, а дорожная грязь так неприлично чавкала на каждый шаг, что мэтр чувствовал себя подлым злодеем: мало того, что сам в такую погоду попёрся из дому, так ещё и неповинное животное мучает. Ошта и без того смутно представлял, как можно проводить урок в такой густой мороси – ещё и смеркаться вот-вот начнёт... Осенние дни пошли на убыль, погода чем дальше, тем хуже, а знаменитые здешние туманы – всё чаще и плотнее. Второй тагал мэтр разглядел, только подъехав почти вплотную. У камня ребят не было.

– Хал тиргэ, – вполголоса высказался Ошта. Подобное разгильдяйство учеников он полагал не просто дурным тоном, а законченным хамством. И оно совсем не вязалось с той дисциплиной, которую мэтр успел приметить за ведьминими.

Ветеран потянул повод и переступил передними ногами, намекая, что неплохо бы повернуть назад.

Из тумана слева от тагала послышался плюх, и к Оште подбежал мальчишка лет одиннадцати, босоногий, в заляпанных до колен штанах. За ним следом трусил, дружелюбно скалясь, здоровенный пёс неопределённого цвета. В сухом виде пёс, вероятно, был крайне лохматым и в целом очень напоминал помесь лвирского волка с юкелским волкодавом.

– Вечер добрый, мэтр!

– Кгм, – сказал Ошта, не спеша соглашаться с таким смелым утверждением.

– Кхад извиняется, – торопливо заговорил мальчишка, – ребята задержались, но можно прямо у нас, я дорогу покажу, если ты не это, не против. А деньги, это, больше будет, раз уж так вышло.

– Что можно «прямо у вас»?

– Урок сегодня! – нетерпеливо объяснил мальчишка. – У нас можно, в Логове. А то сюда не успевают никто. Давай поедем в город, а там я в Собачнице дорогу покажу, а? – он дёргано переступил босыми ногами. – Холодно!

– Залазь, – скомандовал Ошта, и мальчишка охотно послушался, сверкнув пятками.

Мэтр дождался, пока он перестанет ёрзать, и тронул поводья. Пёс пристроился рядом. События развиваются, да. Очень неприятное ощущение, когда не понимаешь, в каком направлении они развиваются. По крайней мере, если давно привык понимать, а сейчас не понимаешь. Лорд сам не знал, насколько верно заявил при знакомстве, что других таких учеников Ошта нигде бы не нашёл. Во всех отношениях. Например, никогда при других обстоятельствах он не позволил бы ни нанимателю, ни, тем более, ученикам, перехватить инициативу. Нет, что вы: никаких оскорбительных выходов не было («До сих пор», – мрачно поправил себя Ошта) никакого неуважения – всё очень пристойно и почтительно, как в лучших столичных домах. Но – ещё одно неприятное ощущение – Ошта всё чаще чувствовал себя идиотом, вспоминая, с какими мыслями брался за это дело. Шпана, крысята, уличная ребятня, из которой великий мастер фехтования сделает настоящих людей! Килре-насмешник, что за сумасшедшие ветра нагнали такую самоуверенность? Как будто не Ошта вбивал в головы ачаро: лучше переоценить незнакомого противника, чем недооценить. Слишком привык, наверное, что сам – мэтр, а дети – подчиняются, просто потому, что и сами не сомневаются, что учителя надо слушать. Эти ученики вовсе не устраивают бунтов; таких дисциплинированных ачаро у мэтра тоже ещё не было. Но послушны они не мэтру Оште ол Туаверу, а Кхадере, которая вздумала пригласить мэтра. Да и то с какой оглядкой! Ни у подводников, ни в воинских школах, нигде, где есть дисциплина, нет такой свободы действий. Как ей это удалось, этой девчонке едва тринадцати лет от роду? Не на коротком поводке держать, не отслеживать каждый поступок, а приручить их так, что и поводок никакой не нужен.

Мальчишка почесал голову. Если бы волосы отмыть, они оказались бы красивого медного цвета. Ошта подумал, что это первый из кхади, кто с виду босяк босяком: все остальные выглядели куда состоятельней.

– Ты кхади? – спросил мэтр.

– Не, ещё нет, – без удовольствия признался мальчишка. – Меня Шонек зовут. Но я скоро уже кхади буду, я пишу лучше всех, а она говорит, что ей нужен, кто хорошо умеет бумаги рисовать. Скоро уже принимать будут, вот дорисую, что нужно, и если получилось, то будут принимать. А твою лошадь как зовут? Красивая!

– Ветеран. Это конь.

– Здорово! А я верхом почти не умею, лошади неоткуда взять, а то бы конечно... Дед меня только читать-писать учил, а полезного ничего. Но я ещё драться умею, меня это Лорд учил, немного... Вон там налево, где дерево!

Дорогу до настилов мэтр запомнил, а в самой Собачнице после восьмого поворота запутался. Доски гулко подавались под копытами, звук робко тыкался в стены, не находя сил отразиться. Здесь, над Арном, морось сделалась ещё мельче, окончательно стала туманом и загустела. Разглядеть что-то дальше, чем в десяти шагах, было сложно. Стена из кривоватого кирпича, потому, подпустила всадника к себе почти вплотную, прежде чем проступить из белёсой мути. Дом казался узким и вызывающе высоким для этого района. С одной стороны дома была полоска настила, обрывающаяся в реку. С другой – тянулся высокий забор, почти частокол.

Пока Ошта оглядывался, пёс успел подойти к узкой двери и толкнуть её плечом. Дверь не открылась, пёс сел под неё и обернулся к мальчишке. Шонек спрыгнул.

– Давай, я лошадь отведу, а ты...

На уровне головы Ошты качнулся наружу ставень, открывая обзор чёрному лицу в обрамлении нескольких косичек. Девочка лет пятнадцати кивнула Шонеку, остановила глаза на мэтре. Потом одним движением перекинула ноги наружу и спрыгнула; косички взметнулись; когда она мягко приземлилась на настил, по левой руке обратно к запястью скользнули несколько узких браслетов. Ветеран недовольно фыркнул на неё и отшагнул назад.

– Мэтр Ошта? – уверенно сказала девочка. Невысокая, плотно сбитая, со странным взглядом огромных глаз. В первый момент этот взгляд показался рассредоточенным, направленным куда-то в пространство, сквозь предметы. Потом как-то вдруг оказалось, что девочка в упор смотрит на мэтра. А в следующий миг оба впечатления наложились друг на друга, и стало ясно, что взгляд направлен внутрь мэтра и дальше...

– Да, – кивнул он, спешиваясь.

– Это Теотта, – сказал Шонек, принимая поводья. – Она... – и запнулся.

– Они думают, что я чокнутая, – пояснила Теотта. – И думают, будто я злюсь, что они так думают.

– Ага, «будто»! А кто Воробью башку чуть не пробил? – крикнул Шонек из-за коня, уводя его во двор. Крикнул и прибавил шагу, пригибая голову. Пёс почесал ухо и потрусил следом.

– Идём, – сказала Теотта, приглашая последовать их примеру. Дверь, в которую они прошли, вела под узкий навес; между стеной длинного дома и пустым двором тянулась дорожка, чтобы уткнуться прямо в сарай у дальнего забора. Крыша дома выдавалась над стеной примерно на метр, демонстрируя проходящим дранку поверх почти чёрных от времени потолочных балок. Шонек вёл коня через мокрый двор, зябко поднимая плечи, а мэтра Теотта ввела в дом.

– А почему тебя считают «чокнутой»? – любопытствовал Ошта, заходя в дом следом за девочкой.

– Потому что я про Вечных знаю, и будущее иногда, и всё такое. В общей комнате тут посиди пока. Ужинали сегодня кто когда, тебя тоже угостим, хоть и поздно.

Общая комната, через высокую ступень от крохотной прихожей, оказалась просторной, хоть и сильно вытянутой в длину. Вдоль двух стен – короткой с окном на улицу и длинной глухой, – тянулся буквой «Г» стол. На скамьях вдоль стола, на самом столе, на шкафах в даль-

нем углу комнаты, между двумя дверьми, расположилось человек пятнадцать, всё – подростки, не старше сорока порогов. Мэтра они заметили сразу, и теперь старательно делали безразличный вид. Теотта быстро растворилась где-то. Ошта усмехнулся в усы, подошёл к скамье у окна и сел, пожелав доброй ночи своим ближайшим соседям; в первую очередь, – усталому старику в одежде бродячего учёного, а потом уже – разнополой компании из пяти подростков и двух альдзелов.

– Вы учите грамоте этих оболтусов, почтенный? – предположил Ошта.

– Верно. Неужели они вспоминали меня на уроках фехтования? – улыбнулся старик.

(Компания с альдзелами пошутукалась и откочевала на шкуры. Один из ребят по дороге перемахнул через стол, задев кого-то ногой, и получил предупредительный тычок в ребро: «Умник, хал тиргэ!»)

– Грамотные люди иначе изъясняются, – ушёл от прямого ответа Ошта. – К тому же, мальчик, который проводил меня сюда, упоминал, что должен подготовить для Кхад какие-то бумаги...

Учёный как-то заметно сник.

– Верно, так я их и учу. Я учу их понимать гимн Верго, а они спрашивают про интриги ол Ратхо против Аджонигатш. Я преподаю каллиграфию, а они учатся подделывать почерки.

Он говорил так устало, что даже горечи в голосе не слышалось. Ошта поспешил увести разговор в сторону, не позволяя себе задуматься над последней репликой.

– Откуда вы, почтенный?

– Из Сейнледа. Янек из Сейнледа. Работал в тамошнем храме, покуда не выставили за дверь с пустым мешком да с внуком. Уже бы Кеила повстречал¹⁶ где-то на дороге, если бы сюда не забрёл. Обязан, выходит, Кхадере жизнью и благополучием...

Старик рассмеялся кашляющим смехом, Ошта решительно отправил ближайшего мальчишку за водой; тот быстро вернулся.

– Выпейте, почтенный.

Янек послушался, стёр каплю с бороды, потом продолжил.

– Своими глазами увидите то же, если ещё не успели. Я, помнится, как пообвыкся, возомнил Тиарсе знает что, будто вот оно: истинное призвание учёного, открыть свет для детей, указать им верный путь... Много ещё такого думал, да всё возвышенным слогом. Что ж, учить я их учу, оно так. А учатся они ещё быстрее, чем я учу. Таких учеников у меня никогда не было. Да вот выходит... – он приподнял руку для какого-то жеста, остановился, глядя на тонкую кожу на тыльной стороне ладони, вздохнул и положил руку обратно.

– Шонек – внучок мой, – как-то безнадежно тихо сказал он. – Ночами не спит, чтобы только в кхади поскорее приняли.

Старик говорил дальше, что Кхад их подчиняет полностью, что они до мельчайших деталей послушны, что и воли своей у них нет, а она играет, как неживыми куклами. Ошта думал, как учит ребят равновесию, контролю и умению понимать противника, а они все учатся только убивать.

– Неправда! – почти возмущённо раздалось совсем рядом. – ...почтенный, – добавил Лорд, немного стушевавшись под двумя взглядами. – Доброй ночи, мэтры.

– Здравствуй, Дзойно, – не сдержал улыбку Ошта: очень уж серьёзно обиделся мальчишка. А больше почти никого в комнате не осталось, кроме ребят с альдзелом в дальнем углу.

– Угу. А только неправда. Кхад нас не использует, и своя воля у нас есть. Только вы же сами говорили, почтенный Янек: правитель – голова, а вассалы – тело. Если бы мы вместе не были и ей бы не подчинялись, мы бы не были кхади. Мы – за неё, а она – за нас. Вы же и сами видели, да хоть когда Тисса попалась коричневым, как Наркафу влетело, что он её бросил?

¹⁶ Кеила повстречал – зд. умер.

И Кхад же тогда её сразу выручать пошла! Или когда за выходки Ютши безухие мстить хотели, а Кхад сказала, что за своих людей она отвечает? Или когда... тётку мою... Рашек...

– Прямой вассалитет получается, – усмехнулся Ошта.

– Ну да, – не смутился Лорд. – И будет прямой вассалитет потом, если всё получится.

– Ну-ка, объясни вкратце, что такое прямой вассалитет, – предложил Янек ученику.

– Вкратце – мы её не предадим никогда, а она – нас, – с вызовом сказал тот.

– Похоже, будто ты и не слышал тот урок, – укоризненно сказал старик.

– Вы напрасно стыдите мальчика, почтенный, – вступился Ошта. – Он очень верно уловил суть.

Янек смолчал, но выражение лица не сменил. Лорд вздохнул.

– Да помню я, – уныло сказал он. – Прямой вассалитет – род отношений между вассалом и сюзереном. Со стороны сюзерена характеризуется полной защитой и покровительством, а со стороны вассала – полным подчинением и преданностью. За все проступки прямого вассала несёт ответственность сюзерен. Прямой вассал не попадает ни под чью юрисдикцию, кроме юрисдикции своего сюзерена. И налоги платит только ему. И в суде не выступают друг против друга. И... ну не в этом же дело!

– Ты забыл сказать про способы титулования и гербовые знаки, – напомнил старик.

Ошта рассмеялся.

– Оставьте, почтенный! Дзойно очень верно уловил суть: главное в прямом вассалитете – это абсолютная верность. А остальное – мишура.

Янек посмотрел на него укоризненно, покачал головой.

– Пойду-ка я, пожалуй, спать.

Да и альдзелды утихомирились, и все остальные, только откуда-то из глубины дома слышалась придушенная возня.

– А вы тоже думаете, что Кхад нас заколдовала? – спросил Лорд, когда старик ушёл.

– Я думаю, что если бы отказался тогда вас учить, сейчас бы жалел. Ты мне скажи, что у вас сегодня приключилось, что на урок прийти не смогли?

– Да так... – Лорд хмуро смотрел в сторону. – Ребята одного клиента ловили...

– В каком смысле – «клиента»?

– Ну... – мальчишка ещё больше насупился. – Пацана одного, илирца, у него отец умер на днях, так он теперь глава дома. А они богаче Нактирра, кажется. Ну и Кхад решила, что они должны поделиться, потому что нам скоро много денег нужно будет. А Танте этот сегодня по всему городу по делам мотался, а завтра уезжать должен был. Так что ребята бегали тоже по всему городу и искали. Кошка с Нарком и Теотта с Хриссэ. А сейчас, значит... обрабатывают.

– Всей дружной компанией?

– Да нет, так-то вообще обычно Кошка и Хриссэ, а сегодня ещё и Нарк, сам вызвался. Он вообще-то не любит такие задания, но раз уж нашла Танте – Теотта, он точно вызвался бы, это и заранее ясно.

– Почему?

– Ну как... Они с Теоттой друг друга терпеть не могут. А тут Теотта отличилась, а он что же, хуже, что ли? Их Кхад потому и поставила в разных командах искать, что они и город, и всю Равнину перевернут, только бы не отстать от друг дружки.

– А Кошка и Хриссэ – по зову души «обработкой» увлекаются? – полюбопытствовал Ошта. Вспомнил, что именно эти двое с особенным интересом относились к болевым приёмам. Оживившийся было Лорд снова нахмурился.

– Ну... да. Кошка, она с кхади замечательная, её мелюзга обожает, а когда до посторонних дело доходит, то она тоже... увлекается. А Хриссэ – вообще какой-то... Его и наши некоторые побаиваются, даром что между своими драки запрещены. Но, знаете, он странный какой-то

просто. Как-то ограбил в порту одного купца, чуть ли не до нитки всё забрал, избил, а потом его к нему же домой отвёз, на его же лошади. Мол, как бы тот иначе домой добрался, избитый и ограбленный. Это мне Нарк рассказывал, они вместе тогда бродили. Да и Нарк: он же купил его, Хриссэ – Нарка, чтоб поиздеваться, он говорит, что илирцев ломать интересней. А тут передумал и в кхад его протащил. Перед Кхад его отстаивал, как брата, что ли. Говорит, любопытно ему.

Ошта качнул головой и усмехнулся. Упускать случай повыспрашивать было бы верхом глупости.

– А Теотту за что чокнутой считают? За то, что она на беззащитных воробьёв кидается?

– Это вам кто рассказал? – рассмеялся Лорд.

– Шонек.

– Ну, Воробей её сам постоянно дёргал: за то, что браслеты плетёт, песни какие-то странные поёт, а истории рассказывает ещё страньше. Правда, она и в самом деле кидается. Воробью пару подзатыльников дала, а вот Нарка то и дело прирезать норовит, а мы с Кошкой разнимаем. Хриссэ иногда помогает, но чаще только посмеивается: мол, это так, не всерьёз всё. У него всё не всерьёз. А Теотта, она просто будущее иногда видит, и считает, что менять его нельзя. А если всё равно так должно случиться, выходит – она всегда права и всё можно. Да вон, – Лорд очевидно боролся со сном; пока получалось, – позавчера рассказывала: шла где-то на Глинянке, а ей навстречу – парень с девушкой, гуляли, наверное. Может, что-то спросили у неё, а может, она так просто разозлилась, а она если разозлится, то дерётся не хуже меня, а может, и лучше, хотя не училась, вроде. В общем, девушка сбежала, а парня она ногами пинала, да так, что сапоги разбила себе. Домой потом как пришла, рассказывала, как обидно за сапоги, и как она от злости за сапоги этого парня чуть вообще не убила... – мальчишка широко зевнул. – Ох, вы простите, мэтр, но я тоже спать уже пойду, а то мне завтра вставать рано нужно. А вы там на шкурах ложитесь спокойно, там и укрыться есть чем, и вообще хорошо. Это для вас нарочно место освободили.

Лорд зевнул, улыбнулся и пошёл к двери. Ошта по его совету направился к постели. Сел, и спросил прежде, чем Дзойно вышел:

– Я одного не понимаю, зачем всё-таки меня сюда сегодня пригласили?

– Это Кхад спрашивать надо, – развёл руками Лорд.

– Если уж на то пошло, зачем было вообще показывать мне ваш дом? А если я вас однажды сдам? – лениво спросил Ошта. Ответ Лорда на его провокацию огорошил мэтра больше, чем провокация – Лорда. Тот пожал плечами:

– Так ведь ясно же, что вы, во-первых, настоящий дворянин, а во-вторых, – наш учитель. А это похлеще любого прямого вассалитета. Хорошей вам ночи, мэтр.

– Хорошей ночи, – автоматически повторил Ошта. Он лёг, повозился, устраиваясь. Шкуры пахли сухо, тепло и чуть кисловато, очень по-домашнему. Мэтр глядел в высокий балочный потолок и думал: но в самом деле, зачем? Единственный ответ, который приходил на ум, был совершенно нелогичен: чтобы услышать слова Лорда о связи учителя с учениками, которая «похлеще любого прямого вассалитета». Но ведь не по приказу же он это сказал? Слишком искренне. И не могла же маленькая ведьма знать, что об этом вообще зайдёт речь? Или могла?

Нохо, герцог ол Баррейя

2272 год, 28 день 3 луны Пнд

Зелёный мост, Глинянка, Эрлони

В «Маэтишеной» говорили о том, что здравые мысли приходят иногда в любую голову, и в этом Кошка склонна была со здешними завсегдаятами согласиться. Нактирра то ли околдовали, то ли ударили по голове, то ли подменили на время, но Его Величество император

умудрился за один вечер напакостить всем столичным подводникам так, как не напакостил за всю предыдущую жизнь. Он сменил тэрко. Прежнего, мирного пьяницу, состарившегося от избытка радостей к тридцати годам, в голос благословляли все: от кхади, безухих и лис, до любой мелкой рыбёшки, – и сквозь зубы проклинали все законопослушные горожане. Нынешний за пол-луны зарекомендовал себя так, что шипеть сквозь зубы впору стало подводникам.

За вечер, потраченный на элитный чай, Кошка замечательно отдохнула, выяснила, что о новом тэрко говорят с уважением, но немного... А полезной информации – пшик: слабых мест у лорда Нохо, герцога ол Баррейи выявить не удалось. Брак по расчёту, все силы на карьеру, образцовый порядок у подчинённых, налоги платит честно, в интригах и интрижках не замечен, взятки не даёт и не берёт, не пьёт, пыль не употребляет, в дуэлях не участвует, в азартные игры не играет. Любит игру в шаги да хороший чай, а потому бывает в «Маэтишеной». Где его очень уважают, за стратегическое мышление и гениальную игру в шаги.

– Хоть сейчас в кхади принимай такого безупречного, – пробормотала Кошка, ступая на ступеньки под Зелёный мост. Проблема состояла в том, что ол Баррейя с кхади собирался не сотрудничать, а бороться, как с крысами во вверенном ему амбаре.

Раздражённо перебирая пальцами воздух, Кошка свернула на тропинку под мост и вдоль реки, вниз по течению. Коса зацепилась за что-то, девчонка обернулась – и как раз успела заметить тусклый блеск и метнуться в сторону, перехватывая и заламывая руку с ножом.

– Хал! – коротко выругался нападавший, валясь набок. Кошка пнула его сбоку в колено, доворачивая вывернутую руку и отпуская его упасть в воду. Слишком долго получилось, и кто-то из остальных поджидавших со спины ударил в плечо, целя под лопатку, пока другой тянулся схватить за руки. Кошка ушла от удара – кубарем в просвет между нападающими. Зашипела, когда распоротое плечо попало на камень, и вскочила уже с этим камнем в руке.

Первый, длинноносый, выбирался на берег, матерясь и отплевываясь. Его Кошка не знала. Ещё один, илирец, был из безухих, но имени Кошка и его не помнила.

– Доброй ночи, киса, – сказал третий, Чарек, неспешно доставая второй меч, покороче, под левую руку. Чарек был не только правой рукой Джито Безухого, но и дворянином, хоть и бездомным, так что мечи в городе носил вполне законно и не привлекая к себе лишнего внимания.

«Хал тэгарэ!» – подумала Кошка и обворожительно улыбнулась.

– Как здоровье? – спросил Чарек, шагая вперёд.

– Не дождёшься, – сказала Кошка, на столько же отходя. Дальше была стена – хоть не окружат...

Безухие медленно подходили, Кошка выжидала. За миг до того, как они начали атаку, она без замаха метнула невидимый в темноте камень, Чарек дёрнулся и пропустил пинок с пятки в пах, а Кошка обзавелась мечом, которым, отходя, полоснула длинноносого по руке. Получилось удачно, почти до кости. Оброненный нож отскочил к стене, взвизгнув по камню.

Краем глаза Кошка заметила на верху лестницы силуэт мужчины в арнакийской одежде, и тут же про него забыла: прохожие в драки не вмешиваются, а от атаки одновременно с трёх сторон защищаться надо.

Безухие явно решили не давать ей передышки. Чарека Кошка ранила, ещё раз задела длинноносого, но и сама, неловко уходя от удара, получила порез на боку.

За спиной илирца вдруг нарисовалась тень, безухий дёрнулся и едва не упал, роняя кинжал. Чарек бросил быстрый взгляд на новоприбывшего и резко скомандовал уходить.

Кошка обернулась... и перехватила меч как можно глупей и нелепей. На краю тротуара вытирал меч высокий дворянин в арнакийской одежде, недавний прохожий и сегодняшней предмет Кошкиных раздумий: Нохо, герцог ол Баррейя, тэрко Эрлони.

– Ты цела? – осведомился герцог, забирая у неё меч. Кошка кивнула.

Пока одна Кошка отметила приятную наружность герцога и не менее приятную бархатистость голоса, другая уже всю вжилась в давно разученную роль служаночки-Вейсы, бойкой и сообразительной, но робеющей при незнакомых и солидных господах. Эта Кошка успела и поклониться, и поблагодарить, и суматошно поойкать о троих разбойниках, хотевших честную девушку ограбить, снасилить и невесть что ещё, потом опять стала благодарить...

Ол Баррейя выслушивал эту трескотню стоически.

Потом обе Кошки совместились и вспомнили, что у Вейсы плечо болит страсть как, не говоря уж о боке. Обморок, поразмыслив, Кошка сочла художественным излишеством, а изобразила помутнение зрения, покачнувшись.

– Что случилось? – ол Баррейя шагнул поддержать её.

– Плечо... – жалобно сказала Вейса.

Губы мелко подрагивали.

– Ты где живёшь? – спросил тэрко, осторожно трогая её плечо.

– В Новом городе, – печально сказала Вейса.

– Рана неопасная, но болеть будет, – заметил герцог. – Я перевяжу.

Перевязал плечо, оторвав кусок от подола рубашки, и повёл к ступенькам.

– Переночуешь...

Брошенный нож блеснул у стены. Ол Баррейя остановился, подобрал. Кошка успела заметить выжженный на рукояти знак «лис» и качнула головой с некоторым уважением: это завтра обнаружили бы, что Кошку убили люди Лиса Загри. А Джито молодец, кто бы мог подумать!

– А можно, я возьму? – Вейса просительно наклонила голову набок. – Вам он ни к чему, а ко мне вдруг ещё кто пристанет? Я от брата штукам набралась, вы не думайте, с ножом я могу...

Ол Баррейя повертел ещё нож в руках – дешёвка, таких на рынке на каждом втором столе, – и отдал.

– Переночуешь у меня, а домой утром вернёшься. И врач тебя посмотрит.

Кошка согласилась со сложнообъяснимой надеждой. Образ ол Баррейи складывался пока до приторного идеальным и светлым. Это раздражало. А если он, скажем, грубо и безапелляционно потащит бедную Вейсу в спальню или хотя бы в тёмный угол, то сумеет хоть отчасти упасть в Кошкиных глазах. Практической пользы никакой – так хоть моральное удовлетворение...

Чем ближе к дому ол Баррейи на Глинянке, тем сильнее Кошка подозревала, что морального удовлетворения ей не светит. Ол Баррейя был предупредителен, вежлив и светски безупречен, но не более того, несмотря на некоторую кокетливость, проявившуюся в голосе осмелевшей Вейсы. Кошка ушла в глубокую задумчивость, оставив Вейсу без присмотра, и та потихоньку наглена и скоро уже трещала без умолку, всё чаще сбиваясь на арнакийский диалект. Ол Баррейя слушал всё так же стоически. И было у Кошки странное ощущение, что не она разговаривает с лордом Нохо, а Вейса – с тэрко, в отсутствие и Кошки, и ол Баррейи.

С Глинянки Кошке уйти не дали, а потому до «Башен», подворья рода ол Баррейя в столице, оказалось совсем близко. Подворье походило на миниатюрный замок с прочными стенами, узкими окнами (высоко над землёй и редко поставленными) и с двумя башнями по сторонам ворот. И с внутренним двором, как выяснилось вскоре, когда ол Баррейя, прихватив бодрого старичка из слуг (Ёнта его звали), вёл Вейсу по крытой галерее на втором этаже по периметру этого двора.

Вейсу отвели в людскую, промыли и перевязали плечо и уложили на почти новый топчан между дверью в чулан и стопкой пустых корзин. За перевязкой ол Баррейя наблюдал лично. Кошка хотела было занести это наблюдение в пустующий список пятен на его совести, но с сожалением вынуждена была признать, что герцог смотрел на раненое плечо и порез

на боку, а не на её грудь под тонкой рубашкой. Старые шрамы на её руках и плечах тоже заинтересовали его, Кошка успела заметить два ли три быстрых взгляда, но вопросов не последовало.

Она глядела на сплетение ивовых прутьев в корзинах, лёжа на неповреждённом боку, и обдумывала, как бы поизящней разыграть промах Безухого против него. Как бы подать информацию так, чтобы Загри поверил, что Джито хотел его подставить перед кхади...

Дверь распахнулась, пропуская сначала три звонких голоса, а потом – троих девушек в арнакийских передниках. Все три тут же устремились к Кошке.

– Ох, это ты же Вейса?

– Ой, бедная, ужас какой!

– Я б на месте умерла б, чесслово!

Одна из девушек села на край кровати, другая стала рядом, третья, рыжая, стала ободряюще гладить Кошку по плечу.

«Хал тэгарэ!» – в очередной раз с досадой подумала Кошка, а Вейса уже причитала и охала со всеми: ей, видите ли, всё равно не уснуть после такой жути, а срочно надо поделиться...

– Страсть, как больно, да? – жадно спрашивала та, что присела на кровать. – А ещё когда промывали – это ж смерть! – продолжила она, дождавшись утвердительного ответа. – Я б визжала, как поросля!

«Ой, дура!» – подумала Кошка, внутренне напрягаясь. – Идиотка! Сидела она, интриги интриговала всю перевязку! А охать нам не по статусу: старшие кхади, пример для малолеток...» Она поразмыслила ещё, и решила, что сойдёт. Может, у Вейсы с перепугу боль прошла. Бывает. Ступор от пережитого.

Разговор, тем временем, скатился на достоинства хозяина, недостатки низкого жалования и недостачу приличных женихов в пределах досягаемости, откуда вновь вернулся к хозяйину, который не то что на служанок, а и на жену свою внимания не обращает. Всё в делах, всё по городу мотается, а домой приходит только чтоб кого-то в кабинете принимать.

– ... так с ним и заперся, теперь, чего доброго, всю ночь просидят.

– С кем заперся? – переспросила Кошка рыжую девчонку.

– Да пришёл какой-то, вроде зангца: серьга в ухе, шапка ихняя, и глаза зыркают. Сам неприметный такой, бесцветный какой-то, а на левой руке пальцев не хватает. К хозяйину то и дело всякие шастают – ух, какие! Так бы и спряталась в чулане, да поглядеть любопытно ж... – охотно продолжала разговорчивая девушка, хоть Кошка уже не слушала, обдумывая любопытный вопрос... Что делать в доме тэрко наёмному убийце Нхарию по прозвищу Призрак?

– Это что же, вам всю ночь не спать? – сочувственно сказала Вейса. – Вдруг лорду герцогу чего понадобится?... Он голосом кричит, или звонок какой есть?

– Да он до нас не кричит, – махнула рукой одна из девушек. – Там Ёнта, старый хрыч, караулить будет в каморке рядом, если вдруг чего надо. Потому что до нас и не докричатся: кабинет – это ж наверху, на третьем этаже, аж за большим залом...

– А вот я в одном доме видела такой звонок, – сказала Вейса, – что за шнурок дёрнуть, а шнурок протянут до людской, и там к колокольчику привязан. Хозяева за шнурок дёрнут, а у слуг звенит...

Беседа пошла было о достоинствах и недостатках разных способов вызова слуг, а потом Вейса с мученическим лицом села и попросилась в отхожее место. От проводников отказалась, три раза выпросила дорогу («А потом направо? А, направо лестница наверх? Значит, налево...») и нет ли во дворе собак, взяла свечной огарок побольше и ушла плутать.

Планировка оказалась очень простой: квадрат с двориком в центре, а по сторонам квадрата – по два ряда комнат с коридором посередине. Лестница справа оказалась на месте, и Кошка бодро зашагала вперёд. Ступенек через двадцать пошла не так бодро, потом стало холодно, будто от сквозняка, потом бросило в жар, и ноги налились неожиданной тяжестью.

«Жар – это хорошо, – подумала Кошка, чувствуя горячую пульсацию в плече и боку. Широкая колонна у края лестницы покачивалась перед глазами. – Если кто увидит, буду бредить».

До кабинета она дошла с передышками, никого не встретив, даже пресловутого Ёнту, который должен был торчать где-то здесь. Видимо, не выходил из упомянутой каморки.

Кошка бесшумно подошла к двери, из-под которой сочился свет, и стала слушать. Толстое дерево гасило почти все звуки, и расслышать удавалось только обрывки.

– ...любые сведения... – это ол Баррейя. – ...пыль, налоги, контрабанда – что угодно...

– ...доказательства, чтобы их взять?.. – всё верно, действительно Нхарий. Кошка потёрла ладонью лицо. И ладонь, и лицо были мокрыми и липкими.

– ...«Стрижах»... – сказал герцог, заставляя вслушиваться внимательней: «Стрижи» были имуществом кхади. – ...доказательств нет... («И не будет, – подумала Кошка. – Уж где-где, а в „Стрижах“ отродясь никаких доказательств не было».) ...подозрения, что это кхади...

Потом было ещё что-то неразборчиво, потом Нхарий сказал что-то утвердительное, но этого Кошка не слушала, потому что бок и плечо прострелило такой болью, что пришлось разогнуться и встать, держась за стену и стискивая зубы...

Дверь открылась, и Кошка тупо подумала, что не надо изображать мутный взгляд. Думать не тупо уже не получалось, а взгляд и так был вполне мутным, и в этой мути колыхался ол Баррейя.

Вейса мякнула что-то про отхожее место, плутания и ещё что-то, пока ол Баррейя что-то спрашивал. Потом в голове прояснилось немного.

– Идти можешь? – повторил герцог, но ответа уже не стал ждать, а поднял на руки и понёс куда-то. Вероятно, обратно в людскую, поскольку проснулась Кошка уже там и уже под вечер.

Нарк

2272 год, 1 день 4 луны Пнд

Логово, Собачница, Эрлони

Начинался вечер замечательно. Общего торжественного ужина не случилось; хоть почти все были свободны, но сидеть в четырёх стенах в такую звёздную ночь казалось кошунством. Кто-то забегал, кидал что-то в рот (или, наоборот, на стол) и убегал снова. Нар Къё сидел на окне, куда сегодня почему-то не уместился Воробей, и глядел то за окно, то в дом. Он уже привык, что кхади называют его «Нарк», но сам о себе думал по-прежнему как о Нар Къё а-Тис-а-Вья, илирском дворянине. Пусть и не бывшем дома уже почти год, пусть и шестом сыне без права на земли и титул, пусть и заштатного обедневшего рода...

Мальчишка почувствовал, что ещё одно «пусть и...» – и жалость к себе начнёт изливаться двумя солёными ручьями. Отвернулся от узкой улочки, где на чёрном настиле желтела полоса света из окна, на которой пятном лежал силуэт с вытянутой головой – Наркова тень. В комнате было веселей. В углу на шкарах, на любимом Кошкином месте, она самая играла с Хриссэ в шаги. Сначала Кошка вздумала обучить игре Тиссу, которая до сих пор ходила сама не своя, но лекарка не увлеклась, хотя и послушно заучила правила. А потом пришли Близнецы, пошептались с Хриссэ и утащили лекарку гулять над ночным Арном. А Хриссэ остался с Кошкой играть в шаги. Набор фигурок принёс Тень, причём вор клялся, что не помнит, как набор попал к нему в сумку. Тень в тот раз посылали шпионить за ол Жернайрой, так что логично заподозрить хозяина в злополучном лорде, но кто теперь что докажет – да и зачем? Вещицы сменили хозяина, и к старому уже не вернуться.

«Можно сказать, как я!» – подумал Нарк и уставился исподлобья на ставень. Ставень когда-то был выкрашен в зелёный, но теперь отливал сизым, а на углах краска и вовсе начала кучерявиться.

Нарк задумчиво колупнул краску. Отец дал бы ему хорошее образование, не сложись всё так, как сложилось. Не потому, что всерьёз заботился о судьбе «пятого», а просто по инерции, что ли. Отец считал себя знатоком искусств и образцовым аристократом, так что на приличное образование денег не жалел. Этим охотно пользовались местные мудрецы-недоучки, так что из всей учёбы по-настоящему приличной оказалась только Школа воды. А танцевать Нар Къё умел и любил всегда, и заслуги учителей в этом не видел.

Так или иначе, ни техника Школы воды, ни незнание поэтических трактатов никак не повлияли на исход драки между командой «Яшмы», за право везти пассажиров дальше, – и пиратами, за право сильного присвоить себе молчащее, мычащее и говорящее содержимое трюмов и кают.

Нарк злобно ковырнул очередной кусочек краски, тот не обломился, а подло ткнулся под ноготь, до крови. Нарк сунул пострадавший палец в рот и отомстил чешуйке краски второй рукой. Дверь открылась, вошла Теотта, как обычно, что-то напевая. Нарк тут же отвернулся, чтобы не психовать лишний раз: эта адептка сложных узлов и стихийной магии невзлюбила Нарка моментально и без объяснения причин. Мальчишка старательно изучал звёзды, но затылком чувствовал, как Теотта обдала его презрительным взглядом, проходя в дальнюю комнату. Отворачиваться было, наверное, трусостью, но встречать этот взгляд значило бы лезть в драку. А это форменное безумие: в соседней комнате с дедом Янеком сидит Кхад, изучает что-то-там-тику, а прямо под носом – Хриссэ и Кошка. Из блюстителей порядка только Лорда и не хватает, хоть и одной Кхад хватило бы за глаза. Как и положено приличным наёмникам, к числу которых Нар Къё а-Тис-а-Вья намеревался примкнуть после школы, мальчишка вскидывался и закипал мгновенно. Потом пришлось терпеть и молчать – связанный и в трюме работорговца много не навоеешь, как и на рынке рабов. Молчать получалось плохо, результаты чего немилосердно саднили. От побоев работорговцев следы не оставались, но это сомнительное утешение. Кто знает, может, тьё погибло ещё там, на корабле?

Нарк снова отвернулся на улицу. Там всё равно никто не ходит в такое время, а если и пойдёт, ничего не разглядит против света, хоть ревмя реви.

Кошка говорит, что не знает, есть у людей тьё или нет, но точно знает, что Нарк рехнётся, если не бросит об этом думать. Хриссэ только смеётся, но он всегда смеётся – смеялся же и тогда, когда купил Нар Къё а-Тис-а-Вья, илирского дворянина и имперского раба-танцора, чтобы, как он выразился, «поиграть и поломать». А Лорд говорит, что ни у кого из кхади души нет, потому что нет маэто¹⁷, а без маэто душа истаивает и умирает, и люди без маэто со смертью умирают навсегда. А Кхад ничего не говорит, потому что Нарк не кхади, а только «при Хриссэ», то есть, вроде его ручного щенка, как псина Шонека, а Кхадере до такой шушеры дела нет. И это почему-то обидно.

Нарк сосредоточился на краске, насупившись и колупая её дёргаными, резкими движениями. Старый ставень пах сухо, терпко и чуть сладковато, как в галерее вокруг дома в Сао. Нарку было лет шесть, когда он повадился прятаться в дальнем углу галереи, рядом с «праздничным» залом, где встречали Новый год и юбилеи. В обычное время туда никто не заходил, даже слуги, позволяя комнате свободно пылиться. Там Нарк и устраивался, прекрасно понимая, что за порчу перил его не похвалят. А иначе как порчей это назвать сложно: мальчишке до умопомрачения нравилось строгать дерево. Не вырезать фигурки, а именно строгать: срезать углы, делать зарубки, ронять пахнущие деревом и лаком стружки на пол галереи и сметать ладонью с края вниз, в сад...

– Чего ставень мучаешь? – раздался вдруг насмешливый голос. Нарк моментально окрысился:

– Тебя не спросил!

¹⁷ маэто – истинное имя, так называемое «имя души»

Хриссэ неожиданно зло и холодно сощурился; так, что илирец удивлённо моргнул, почувствовав себя неудобно.

– Именно не спросил, – процедил серый, отрываясь от игры. – Я тебя купил, чтобы ты ставни колупал? – Хриссэ всего лишь осведомился, но так, что мальчишке захотелось съёжиться.

– Д-да пошёл ты... – выдавил Нарк.

– Подойди, – брезгливо обронил Хриссэ, возвращаясь к фигурам.

Нарк сначала спрыгнул с окна и сделал два шага, а потом уже снова начал соображать, замер, стиснул зубы и принял героический вид. Кошка покосилась скептически, но смеяться не стала.

– Хриссэ, не мучай ребёнка, – лениво сказала она, двигая игрушечную пехоту. Хриссэ пожал плечами и нагло шагнул оборотнем прямо за спину Кошкиным пехотинцам.

– Он и без моей помощи отлично замучается.

Нарк взял со стола какую-то кружку, делая вид, что за ней и спрыгивал, и вернулся на окно. Хриссэ продолжал тише, он говорил с Кошкой, словно не зная, что Нарк слышит в разы лучше кого угодно. Хотя, может, и правда не знал.

– Сам себя крысой считает – и удивлён, что другие соглашаются. Не жалеешь ты свою пехоту, как я погляжу.

– Это ты своего оборотня не жалеешь. Ну, зачем ты его дразнишь постоянно? Он же почти уже кхад!

– Оборотень? – хмыкнул Хриссэ. Нарк их не видел, отвернувшись в пахнущую сыростью ночь.

– Хриссэ! – а это Кошка, укоризненно говорит.

– Да какой он кхад? (стукнуло) Твоя пехота умирает во младенчестве. «Ах, у меня нет тьё! Ах, я не человек, а ничтожество!» Прагэ, да тут чуть ли не все через такое прошли, что ему и в кошмарах не снилось!

Нарк стиснул зубы и сжал ладони вокруг кружки. Что может быть хуже? Что ты-то можешь знать об ужасе, безнадёжности, унижении?! Ты-то, самовлюблённая серая тварь!..

Мальчишка бездумно хлебнул из кружки – там оказалась огнёвка. От душевного глотка глаза чуть не выпали в ту же кружку, а горло от ужаса отказалось принимать даже воздух. Нарк замер, радуясь, что сидит спиной в комнату, и попытался дышать и не закашляться. С какой-то попытки удалось. Мальчишка сообразил, что всё ещё держит кружку у рта, и спешно поставил её рядом с собой. Потом спохватился и стал подслушивать дальше.

– Да не я его унижаю, а сам он! – досадливо говорил Хриссэ. – Причём, перед собой, а не передо мной. Ну, нельзя, невозможно унижить того, кто не унижается. Тебя, например. Или меня. Не думал, что ты этого не понимаешь.

– Спасай своих знаменосцев, Хриссэ.

Хриссэ помолчал.

– А, пусть сами спасаются. А мы пока...

Снова молчание.

– Если пинать собаку, она не научится летать от этого, – Кошка сказала так тихо, что пришлось вслушиваться.

– А если пнуть птицу, да так, чтобы она упала с края обрыва?

Со двора в дверь влетели – иначе не скажешь – Умник и Лайя. Вломились так, что Нарк обернулся сразу, чуть не опрокинув кружку с остатками огнёвки. Умник казался белым, как напудренная дама перед праздником, а Лайя почти висела на нём, глядя невидящими глазами.

– Кхад! – крикнула Кошка, вставая. Хриссэ тоже встал.

– Что случилось? – резко спросил он. Кхад вышла в комнату как раз к началу рассказа. Говорил Умник, потому что усаженная на шкуры Лайя только безучастно смотрела перед собой.

Трое отправились сегодня за каким-то совершенно удивительным кольцом, которое столичные ювелиры собирались подарить Его Величеству. Это был массивный перстень, на котором самоцветами выложили имперский герб: алмазами, рубинами и чёрными сапфирами. Слухи об этом чуде ходили по городу давно, и Кхад решила, что кольцо должно достаться не Нактирру, а ей. Нарк плана не знал; знал только, что его продумывали не только Умник, Трепло и Лайя как исполнители, а все старшие. И ещё знал, что Кошка выяснила: в доме главы ювелиров – подделка, а настоящее кольцо – у зангского банкира с непроизносимым именем. За подделкой на всякий случай отправили Тень, он успешно вернулся пару часов назад. А на Глинянку за настоящим и направились сегодня трое хитителей, а вернулись вдвоём...

Нарк перебрался ближе и узнал, что...

Так не бывает!

Мальчишка обернулся к Хриссэ, Кошке, Кхад...

Они молчали, тоже оглушено, потому что так действительно не бывает, такого никогда не было! Лайя дёрнула плечом под рукой у Кошки и разревелась, уткнулась в Кошку лицом, услышав, как Умник сказал: «Трепло убили». Кхад сжала губы.

– Кто и как?

Умник тупо посмотрел на неё, но стал рассказывать.

– Внутри мы пролезли через крышу, по плану. Прямо туда, где кольцо. Охрана была коричневая, трое. Мы их убили, Трепло нашёл тайник, я взял кольцо. Потом ворвалось десятка три, из сотни ол Тонро. И тэрко. Он дерётся ещё лучше вас. (Умник ни на кого не смотрел, и Нарк не сразу догадался, что «вас» – это Кхад, Хриссэ и Кошка). Я думал, всё. Ол Баррейя нас один бы сделал. Он предложил отдать кольцо и сдать. Трепло сказал, что не дарит кольца кому попало. И швырнул что-то в окно, которое выходит на канал. Все посмотрели туда, а мы кинулись к другому. С третьего этажа на крышу первого, там нас ждали. Мы пробились как-то, и оттуда – на стену. Я сначала подумал, что Трепло оступился, а у него стрела в спине...

Умник запнулся, потом быстро закончил:

– Он упал наружу, мы спрыгнули и ушли.

Умник замолчал. Лайя тихо всхлипывала, Кошка бездумно гладила её по голове. Нарк сидел на краю стола и таращил глаза.

– Хриссэ, идём со мной, – решительно сказала Кхад. – Кошка, возьмишь Тиссу, как вернутся, и займитесь ими.

– Я Нарка возьму? – спросил Хриссэ, вставая. Упомянутый вздрогнул и уставился на него.

– Бери, – равнодушно сказала Кхад, направляясь к выходу. Нарк пристроился рядом с Хриссэ, на ходу пытаясь попасть руками в рукава отвязанной с пояса куртки. Попадать в рукава головой получалось лучше, но в конце концов он справился. Старшие молчали, и Нарк тоже молчал, хоть и очень хотелось засыпать их вопросами: куда, зачем... Шли куда-то и шли, к востоку, из Собачницы, по тёмным улицам, где кроме них и ветра – никого. Даже луны. Звёзды красивые и холодные, яркие, но света от них никакого. Только для красоты и нужны, как парадный меч рыхлому придворному.

А куда, всё-таки? Забирать тело Трепла? Убивать ол Баррейю?

Нарк понял вдруг, что ему почти не жаль Трепло, только страшно, что кхад, оказывается, тоже умирают. Он с Треплом и знаком-то не был почти, это старшие...

«Старшим», к слову сказать, выглядел только Хриссэ. Интересно, сколько лет на самом деле Кхадере? Не тринадцать же, хоть она на столько и выглядит! А Хриссэ лет восемнадцать или девятнадцать, он из всех кхад самый старший... А вообще-то, почему именно Лорд

и Кошка – старшие? Близнецы не младше их, да и Умник или Теотта, даже Тисса, кажется. Но ведь не перепутаешь: Лорд, Кошка и Хриссэ – старшие, а остальные – остальные...

Нарк прозевал момент, когда Кхад остановилась, и едва успел затормозить на краю небольшой площади. Трое стояли в устье узкой улочки, впадающей в освещённый пятак перед казармой. Вернее, за казармой: напротив злоумышленников темнела кирпичная задняя стена.

– Хриссэ, стой на стрёме, – тихо скомандовала Кхад. – Я ничего не буду видеть и слышать. Упаду – подберёшь, – неожиданно усмехнулась она, на миг повернувшись к Хриссэ. Тот кивнул и положил руки на оружие. Нарк непонимающе вертел головой от него к ней, но задавать вопросы не решился. Кхад замолчала и стала смотреть на казарму.

– На месте, собаки, – пробормотала она с нехорошей лаской в голосе.

Нарк смотрел на неё, окончательно перестав что-то понимать. Кхад стояла молча, щуря глаза. На виске блеснула капля. Ещё одна... Как будто Кхад взмокла, как будто жара, а не холодный осенний ветер. Со стороны казармы что-то зарычало, забрехали собаки и заржали лошади. Нарк обернулся туда, хватаясь за нож. Здание дрожало, как от землетрясения, про которые рассказывал знакомый горец, ещё дома. С крыши посыпалась черепица, раскалываясь о мостовую и брызгая черепками. Внутри закричали, зашумели, стена пошла волной и стала осыпаться внутрь, быстрее и быстрее, рушась целыми кусками, в казарме кто-то взревел, рёв быстро оборвался...

– Пепел!.. – тихо выругался Хриссэ, выдернув Нарка из ступора. Мальчишка снова перевёл взгляд на Кхадеру. Она свела брови, на освещённом виске дико билась жилка, и её трясло от напряжения. А губы кривились усмешкой. Нарк сглотнул и повернулся к казарме. Последние куски стены, углы, ухнули вниз, промяв облако пыли. Кхад выдохнула сквозь зубы; Нарк обернулся, чтобы увидеть, как она пошатнулась и Хриссэ её поддержал.

– Это мой мир! – сказала она и посмотрела с такой яростью, что Нарк на месте Хриссэ не то что отшатнулся – отпрыгнул бы. Серый покладисто кивнул.

– Твой. Сейчас коричневым подкрепление примчится, и все посмертные миры тоже наши будут, если не успеем удрать.

Близнецы

2272 год, 3 день 4 луны Пнд

«Лисья нора», Эрлони

Со стороны «Лисья нора» производила чуть ли не большее впечатление, чем изнутри. Правда, внешнее впечатление было совсем иного рода, чем внутреннее. Когда-то давно приземистое зданье состояло из пары комнат; правда, довольно больших. Тогда кирпичный дом был неприятно квадратным и безо всяких архитектурных излишеств. Потом к нему прилепливались саманные, деревянные, кирпичные и даже каменные пристройки, в результате чего дом вдвое прибавил в росте и чуть ли не столько же в площади, растолкав острыми боками менее расторопных соседей. Кроме аккуратного каменного домика слева – с ним «Лисья нора» срослась. Форма того, что получилось в итоге, не поддавалась никакому разумному определению: будто кто-то сгрёб в неровную стопку десятков отдельных домиков, да так и оставил.

Одним из достоинств заведения Лысого Клойта считалось то, что дверь, запрятанную в конце изгибистого прохода между разномастными стенами, можно было и не найти. Причём, не только потому, что требовалось угадать с проходом. Дверь сливалась со стеной, помимо прочего. Не сказать, что Клойт нарочно прятал «Нору». И городской низ, и коричневые о ней знали, и дверь бы найти не затруднились. Но от случайных посетителей вход в «Нору» был спрятан надёжно, а планировке служебных помещений позавидовали бы многие лабиринты. Коридоры и комнаты сообщались самым причудливым образом; лестницы соединяли два надземных этажа и подвальный в самых неожиданных местах, то обнаруживаясь под завалами в кладовке, то стыдливо прикрываясь портьерой, то проступая в полутьме из стены...

Входная дверь открылась, пропуская двоих подростков: крепкого паренька со светлыми почти до белизны волосами и щуплую девчонку с неровно стриженной коричневой головой и недобрый взглядом. Потом ещё троих: близнецов с одинаково стянутыми в низкие хвосты волосами, и красивую девчонку с косой чуть ниже пояса. Потом ещё, ещё... Вышибалы приветливо здоровались, как со старыми знакомыми, пока кхадиды спускались по вихлястой лестнице и проходили в глубь первого зала, чтобы там в углу свернуть в коридорчик, ведущий во второй, куда уже не всяких пускали, и где было потому тише и малолюдней. В первом зале Лысый Клойт принимал всех, кто мог войти в дверь и платить за стол. Во второй зал пускали крупных рыб вроде Лиса Загри и Джито Безухого, а с некоторых пор – Кхадеру. И их людей, разумеется. Для остальных высокая узкая дверь в дальнем углу зала оставалась закрытой. Впрочем, в первом зале была ещё дверь, в другом углу, в нише справа от входа. За ней неравными ступенями тянулась на второй этаж лестница в комнаты, которые Клойт сдавал. Из второго зала тоже вела вверх лестница, не скрытая дверью, а явная, с коваными узорными перилами, застеленная сукном цвета тёмного дерева. Такой же кованой решёткой был забран камин во втором зале, а таким же сукном – столы и кресла. Не в пример голому дереву столов и скамеек первого зала. Да и сказочной мягкости илирские ковры на полу – это вам не крашенные доски. В первом зале мало что отличалось от любого другого столичного кабака для не самых богатых. Во втором – от столовой в хорошем доме, хозяева которого не кичатся своим богатством, но и не жалеют денег на то, чтобы уходить из дома не хотелось. И комнат над вторым залом было меньше, чем над первым, зато какие!

Кхадиды, впрочем, не собирались на этот раз оставаться здесь. На этот раз они шли дальше...

– Мне слабо? – возмутился Нарк, перекрывая вполголоса говоривших Воробья и Шонека. Подпрыгнул, оттолкнулся ногой от подлокотника, рукой в повороте – от спинки кресла, и оказался с другой стороны стола, сделав в воздухе над столом двойное сальто. Потом с места ласточкой вернулся обратно, приземлился на руки, так что чёрные волосы свесились вниз и наполовину легли на пол. Потом мальчишка вытянул одну руку в сторону и повернул голову к друзьям, отбрасывая волосы в сторону.

– Это вам слабо! – торжествующе заявил он снизу вверх, вернулся в нормальное стоячее положение и рассмеялся, растрёпанный.

Кейя, которой трое младших загородили дорогу, улыбалась до ушей. Нейех смотрел, как обычно. Разбираться в выражениях его лица только Кейя и умела, кажется. Подошедшая Кошка потрепала за ухом Шонекова пса, отсмеялась и заметила, что представление будет внизу, а не здесь, так что стоит пройти дальше. Ребята послушались, направляясь к ещё одной двери, слева, где прятался спуск в нижний, подвальный этаж «Норы». Представление на сегодня намечалось знатное. Вплоть до знати в числе зрителей. Церковь, конечно, на такие развлечения смотрела косо, но сквозь пальцы. Азартные игры – грех, но не слишком большой. Особенно, если устроители поединков часть доходов платят в церковную казну. А о сегодняшнем поединке говорить начали ещё дней за десять. Каджа – известный боец, сделавший уже и репутацию, и состояние, – почему-то согласился принять вызов от какого-то Роске, приехавшего недавно то ли из Сойге, то ли из Тиволи. Поговаривали, что таких, как этот Роске, из одного Каджи можно троих налепить, и ещё сверх останется. И ещё поговаривали, что у себя этот бритый выскочка известен не меньше, чем Каджа здесь, на двух островах. Потому, хотя ставили преимущественно на Каджу, но и чужак-Роске нашёл немало сторонников. Среди кхадиды тоже кто-то с кем-то заключал пари, хотя до безоглядного азарта того дворянчика, например, что с искажившимся лицом орал что-то на арену, где уже появились поединщики, приглядываясь пока друг к другу; – до таких игроков кхадиды всем вместе взятым было очень далеко. Ещё и потому, наверное, что для них начинающийся поединок был только первой половиной представления. Вторая половина начнётся после, когда в одном из залов безразмерного под-

вала «Лисьей норы» соберутся кхад, лисы и безухие, чтобы разобраться, кто, кого, перед кем и для чего пытался подставить. Потому что нападение на Кошку оставить без внимания нельзя, и потому что Джито сразу стал всё отрицать, что и понятно. И потому ещё, что Джито давно пора если не отправить с Кеилом, то хотя бы приструнить и нарядить в намордник. Нельзя же, в самом деле, выставлять себя таким идиотом, когда новый тэрко, в отличие от старого, идиотизмом не отличается.

Но это всё потом, потом, а пока – вечер, праздник, кривляние младших вниз по широкой лестнице, яркие факелы на стенах, яркие шпалеры в проёмах между факелами, полированное дерево перил между зрительскими рядами и ареной. Толстые квадратные столбы, поддерживающие свод, через равные промежутки, толпа зрителей. Синий, мрачный и почему-то один, без Умника и без Лайи; Кошка, поглядывающая на него с лёгким беспокойством, шумные Воробей, Нарк и Шонек; ехидный Хриссэ, не замолкающий в попытке развеселить сумрачную Тиссу; здоровяк Наркаф, шевелящий бровями в раздумьях...

Нейех, как всегда, молчаливый и невозмутимый, с безмятежностью утёса под ветром смотрел, как растворяются в толпе кхад, группками. Правильно, зачем толпой ходить, лишнее внимание привлекать. А собраться вместе они всегда успеют, стоит только кому-то позвать, если вдруг случится что непредвиденное. Но это вряд ли. У Клойта непредвиденного не случается.

Рядом с Близнецами осталась Кошка, ведя оживлённую беседу. Беседа выглядела немного странно, потому что Кейя только изредка вставляла реплики, а Нейех и вовсе молчал. Впрочем, Кошке было не привыкать. Как-то так всегда выходило, что для общения с внешним миром у Близнецов была Кейя. Нейех знал, что многие из-за этого сначала и вовсе не принимают его во внимание, замечая только его сестру. Она постоянно что-то делала, что-то говорила, чем-то возмущалась... Эмоции и внешняя энергия бурлили только у неё, но их, по мнению Нейеха, с лихвой хватало на двоих. Нейех, впрочем, знал и то, что эмоциональной и светливой Кейя кажется только ему, а вовсе не остальным. Что ж, эти остальные всегда были отдельно. Так уж получилось: есть Кейя, которая понимает всё и которая вся понятна, и есть остальные, которые понимают не то и не так. По сравнению с этими остальными сестрёнка действительно была верхом спокойствия. Но это не её заслуга, просто среди людей настоящему спокойствию мало кто знает цену. Из всех кхад, кажется, только Лорд что-то понимает, да и то как-то странно. Он не столько спокойный, сколько серьёзный и постоянно чем-то озабочен. Даже на отдыхе. Не спокойный, а напряжённый. Наркаф и малолетняя тройка – Воробей, Нарк и Шонек – вон, чуть за ограду не выпрыгивают, болеют душой за исход поединка. А Лорд как с самого утра к Кхадере подошёл, так и не отходит. Кхад, правда, почти не видно отсюда за столбом, но Лорд – вот он, сидит слева, снизу до плеч скрытый изгибом ограды, что между рядами и ареной, и немного – носом Кейи. Говорит что-то Кхадере, наклоня спокойную светлую голову. Серьёзный, как церковник, читающий отходную. Наверняка снова обсуждают, что и как будет говориться на сходе. Один раз посмеялись чему-то, и снова. Лорд напоминал Нейеху старшего тех артистов, которые вырастили близнецов. Такой же обстоятельный, надёжный и твёрдо знающий, что правильно и что надо сделать. Правда, старшой умел быть не только таким. Старшой на площадях смешил людей, вмиг превращаясь в нелепого и неуклюжего растяпу, который казался ещё бестолковей из-за невзрачной внешности: маленький человечек на непомерно длинных ногах. Ничуть не похожий на обычного старшого, рассудительного, степенного. Артисты поговаривали, что старшой – оборотень, может перекидываться разными людьми, какими ему удобней. Когда ставили что-то и старшой играл, Нейеху в разговоры верилось. Старшой менялся весь. Фигура, лицо, повадки, голос... Лорд так не умел. Лорд всегда был один и тот же. Во всяком случае, так казалось всем. Все считали, что лицо Лорда никогда не меняется. Разве что улыбаться умеет, в отличие от Нейеха. Нейех разницу замечал; видел, когда неподвижность этого лица делается напряжённой или весёлой, или уста-

лой. Он не смог бы сказать, где прячется это настроение: в глазах и бровях, в интонациях или в уголках губ. Но читать Лорда было очень интересно, интересней, чем большинство кхади. С остальными слишком просто, у них всё так прямо и видно на лице и в голосе и жестах, а Лорд почти так же мало показывает эмоции, как Кхад, и даже меньше, чем сестра. Но Кхад отсюда не видно, а сестру Нейех и так знал наизусть, чего уж её читать! А Лорда он знал меньше, и это было интересно. Интересней, чем с Кошкой; Кошка уже который день подряд говорит про ол Баррейю, и сейчас тоже, нашла себе слушательницу в Кейе...

– Это же и обидней всего, что Трепло ни за что убили. Под замком лежала подделка. Это медь, а камни – цветное стекло, как на витражах. У ребят не было времени приглядываться. Ол Баррейя не сомневался, что мы и туда пойдём, потому меньше людей поставил у ювелиров, куда ходил Тень с Джаньей, а больше – у Аджувенгора, банкира, куда пошли Умник, Трепло и Лайя. И сам там устроился ждать. Хал тэгарэ, да я уверена, что ему ещё заранее донесли, что ребята идут! Наверняка заранее так дозорных расставил, что пока не споткнёшься об них – не заметишь, а они весь квартал просматривают!

– Ну уж... – недоверчиво высказалась Кейя. – Ребята тоже не дураки, чтобы дать себя заметить кому попало.

– Одно дело – кому попало, а другое дело – лорду тэрко, пепел ему в душу, – возразила Кошка. – А ты сама посуди: они же сразу ворвались, как только ребята схватили кольцо. Чуть раньше или чуть позже – никого бы коричневые там не застали. Выходит, знали, когда врываться. А услышать Трепло, Умника или Лайю... Ну, сама знаешь, как они ходят: пока на голову не наступят, не заметишь. Значит, кто-то должен был лорду тэрко отмашку дать, что, мол, залезли уже. Знаешь, что его горничная сказала зеленщице на Малом рынке? Что лорд ол Баррейя ещё дней за десять начал запирается с банкирам и ювелирами в кабинете. И в людской поговаривали, что затевается что-то с фальшивыми кольцами, чтобы заманить на эту наживку кхади. Знаешь, что из этого следует?

Кейя помотала головой. Для неё из этого следовало только, что в голосе Кошки при имени ол Баррейи сквозь неприязнь проглядывает невольное, но отчётливое восхищение.

– Из этого следует, что я дура, каких поискать, – заключила Кошка. – Надо было сразу заводить дружбу с его прислугой. Ничего, всего четыре дня прошло, ещё не поздно. Тлатта меня ещё помнит, да и та вторая, рыжая, как же её...

– А зачем ему нас ловить? – не поняла Кейя. – Почему не лис? Ему проще, а Нактирр всё равно не разберётся и награждать будет так же.

– Лис ему ловить неинтересно, – объяснила Кошка. – К тому же, мы его пару раз обули, с контрабандной радугой¹⁸ и с выкупом за ту кадарскую невесту. По-моему, он посчитал это прямым вызовом.

– Правильно, из-за нас ему от Нактирра выволочка, – заметила Кейя. – Карьере препятствие.

Кошка задумчиво покачала головой.

– По-моему, он не карьерист. По-моему, он игрок. С лисами или, тем более, с безухими, ему играть неинтересно, потому что они слабей. А с нами интересно.

– Лучше бы ему с нами было неинтересно, – тихо сказала Кейя. – Трепло был бы жив.

Кейя замолчала и положила предплечья на перила, сцепив руки в замок. На арене гигант весело тузил бритого. Бритый бычил голову и целил порвать гиганту нос. Болеть не хотелось ни за того, ни за другого. Трепло уже всюю комментировал бы: «Куси ему пятку! Плюнь ему в ухо!» – на радость Умнику и Синему, а Лайя смеялась бы и пихала его в бок. Девчонка чуть повернула голову вправо. Нейех тоже смотрел вправо, где, чуть поодаль от Наркафа с Воро-

¹⁸ радуга – общее название самоцветов из горной системы Джеречел в Дазаране. «Джеречел» по-дазарански означает «радуга».

бъём, Нарком и Шонеком стоял Синий, поблёскивая в факельном свете серьгой, на зангский пиратский манер продетой в ухо. Парень подпирал столб и смотрел куда-то под ноги, наклонив скрытое волосами лицо. Нейех смотрел – и наверняка думал, что Трепло читать было неинтересно: и так весь нараспашку.

– Интересно... – сказал Нейех себе под нос.

– Сейчас, – кивнула она и встала.

– Ты чего? – удивилась Кошка.

– Я сейчас.

Кошка, конечно, молодец, но она – из остальных, из внешнего мира, а потому для общения с ней нужно что-то говорить, разъяснять, жонглировать словами. Жонглировать Кейя любила, но не словами. Бестолковое занятие, потому что слова скользкие и увёртливые, как живые, и вечно оказывается, что остальные слышат не то, что ты говоришь, и понимают не так или вообще не понимают. Ну как объяснишь, например, что Умника брату читать всегда было интересней, чем Трепло или Синего, потому что Умник для себя, наверное, придумал, каким надо казаться и каким он хочет быть, и теперь старается изо всех сил, чтобы соответствовать. И пока разберёшь, что он думает на самом деле, а о чём только думает, что думает, потому что на самом деле только хочет думать, что он это думает... Кейя заблудилась в бестолковой мысли и щелчком отправила её подальше, прочь из головы. Нет, объяснять такое бесполезно. А кроме того, ведь пришлось бы объяснять, что и так понятно, что Умник остался дома и почему он там остался. И Кейе понятно, и Нейеху, но интересно же посмотреть, как Синий будет говорить, почему он не остался вместе с Умником. И ещё пришлось бы объяснять, как она догадалась, о чём спросил Нейех. А что тут гадать, если всё и так ясно? А потом ещё объяснять, почему не надо Нейеху пересказывать, что Синий ответил. Будто Нейеху с его места плохо видно! Самое интересное – это же не что говорится, а как, а это брат и без пересказов рассмотрит...

Кейя протиснулась между последним креслом и отгородкой, выбралась из толпы почти вплотную к Синему и его столбу.

– А Умник где? – спросила Кейя.

– А? – обернулся Синий и неумело сделал беспечный вид.

– Умник где?

Синий помрачнел, махнув рукой на безуспешное притворство:

– Дома остался. Говорит, зуб разболелся, – угрюмо говорил он, глядя в сторону. – Обложился двумя альдзелами с боков, и сидит. То на своём одну и ту же струну дёргает, то за трепловский берётся. От такого у кого угодно зубы заноят.

Кейя сердито уставилась на Синего.

– Чего ты его одного оставил?

Тот неловко отвернулся.

– Синий!

– Да не один он... – неохотно ответил Синий. – Там Лайя...

– Ещё того лучше! – возмутилась девчонка. – Ты головой думаешь?

– Да отвяжись ты, Кей, честное слово! – сделал тоскливую попытку возмутиться Синий. –

Ну не могу я с ними сидеть!

– Это ещё почему? – строго нахмурилась Кейя.

– А потому! – взорвался Синий. – И так тошно! Умник хоть говорит что-то, на вопросы отвечает, обедать зовёт. А Лайя вообще сидит, как неживая, и не трогайте её никто. А я что? Я с ним ругался дней пять назад, что струны надо было у Грахейша брать, у него самые лучшие, а он на меня окрысился: не лезь, сам играть не умеешь, а лезешь... Поспорил с ним, что впарю Грахейшевы Умнику, и что у Умника струны дольше протянут. Пять дней назад, понимаешь?! А теперь его даже не сожгли по-человечески! И за что?! За какое-то грёбаное кольцо, чтоб его ол Баррейя сожрал и отравился, скотина!

Он прекратил орать и снова отвернулся.

– Не могу я с ними сидеть. Хоть сюда, думаю, сбегу. А тут то ты, то Воробей, то ещё кто... То и дело: «Где Умник?» Дым и пепел!.. Веселье – хоть вешайся...

Кейя вернулась на своё место молча. Молча села и молча стала смотреть на арену, только кивнув на заинтригованное Кошкино: «Ну, что?». А ничего, чего уж теперь. Теперь уже ничего. Нейех чуть сжал руку, Кейя повернула голову. На Синего брат уже насмотрелся и теперь смотрел на Хриссэ, которому что-то шептала на ухо оживлённая Тисса. Кейя толкнула Кошку, та посмотрела в том же направлении. Парень стал что-то рассказывать, ехидно скалясь, Тисса слушала и улыбалась. Потом лукаво глянула и спросила что-то; видимо, неожиданное, потому что Хриссэ оторопело уставился на неё, явно не находясь с ответом. Тисса рассмеялась, прикрывая рот пальцами. Пряди на висках подрагивали и золотились в ярком факельном свете. Потом внимание Тиссы снова привлек поединок, но сидела она так же близко с Хриссэ, так что плечи почти соприкасались.

Девчонки изумлённо переглянулись.

– С ума сойти: Тисса в состоянии заткнуть Хриссэ рот! – покачала головой Кейя. И задумчиво добавила:

– Он ей медовых орехов сегодня купил.

– А вчера водил за город гулять, – ещё добавила Кошка. Повернулась к арене, где художничек Роске впервые с начала поединка делал что-то разумное: вывернулся из захвата и, отходя в сторону, умело ткнул Каджу в плечо: вроде несильно, но Кажда взревел от боли.

– Тисса в последнее время почти совсем, как была, – продолжила Кошка. – Смеётся, разговаривает, не дёргается от каждого шороха и не отпрыгивает, если кто-то возьмёт за руку. Не нравится мне это, – неожиданно закончила она. Кейя удивилась.

– Почему? – она повернулась к Кошке. – Чем плохо?

– А ты представляешь, что будет, когда Хриссэ надоест эта игра? – почти прошипела Кошка, по-прежнему глядя на арену.

– Думаешь?..

– А ты думаешь, он влюбился? – сердито сказала Кошка, косясь на предмет обсуждения. – Ох, допросится у меня этот пыльник!

Теперь уже Кошка решительно встала и направилась в обход рядов. Кейя некоторое время с интересом смотрела ей вслед, потом зрители заорали на тон громче, указывая на то, что события на арене развиваются стремительно, и внимание Кейи переместилось туда. Нейех счёл, что в зале показывают кое-что поинтересней, и смотрел, насколько это удавалось сквозь спины и головы. Сначала Кошкиного лица видно не было, потом она подошла к Хриссэ, что-то сказала. Видимо, отозвала на минутку, потому что потом они отошли в сторону, выбрались из толпы. У Кошки было то ласковое выражение лица (сюда у неё обычно прилагался такой же ласковый голос), которое у неё означало крайнюю злость и с трудом сдерживаемое желание перегрызть пару-тройку глоток. Она выговаривала Хриссэ, глядя снизу вверх: сказывалась разница не столько в росте, сколько в возрасте. Хриссэ ехидно скалился и отвечал. Кошка бросила резкую реплику напоследок и повернулась уходить. Хриссэ её окликнул, посерьёзнев, и добавил что-то. Кошка косо посмотрела на него и пошла обратно, хмурясь по-прежнему раздражённо, но и немного растеряно. Нейех легонько тронул руку сестры, указывая на это глазами. Кейя отвлеклась от боя и едва не начала подпрыгивать от нетерпения. Впрочем, это нетерпение тоже мало кто посторонний заметил бы. А вот раздражение и растерянность в Кошке бурлили вполне очевидно.

– Ну что? – спросила Кейя, едва она села рядом.

– Смеётся, – пожалала плечами она. – Говорит, что ломать точно умеет, и что интересно, умеет ли выправлять поломанное.

Задумчиво потарабанила пальцами по скамейке. Пожаловалась:

– Чучело какое-то. Он хоть что-нибудь всерьёз воспринимает?

– Не настолько же он... – начала Кейя и запнулась, подбирая выражение.

– Настолько, – мрачно сказала Кошка. – Псих – он и есть псих. Сказал, что, мол, правда хочет ей помочь. Хал тэгарэ, хочет он! А если завтра перехочет? Только одного счастья нам не хватает: чтобы между собой пересобачиться. Самое время. То-то ол Баррейя будет рад!

Кошка мрачно зыркнула, усмехнулась и продолжила, всё больше входя в раж.

– А ол Баррейя – слишком хороший игрок, чтобы ему поддаваться. А если перецапаемся – как раз ему подарок. Кхад зря затеяла сейчас избавляться от Джито и Загри. Лучше было бы объединиться против ол Баррейи, пока он новую ловушку не придумал. Килре беспутный, я уверена, он нарочно подсунил это кольцо, чтобы мы клюнули! Рыбак, хал тэгарэ, пепел ему в душу! Одну фальшивку ювелиру, другую – банкиру, а само кольцо – себе за пазуху. От греха подальше. Хал, да он заранее спланировал, откуда ждать гостей! С других-то сторон к дому вовсе не подобраться, только через крышу. Может, он для того и разместил ларец с фальшивкой на верхнем этаже. Окон там нет, а через двери как пройти, если столько охраны? Только крыша и остаётся. В «Маэтишеной» поговаривают, что дозорный сидел на крыше в заколоченной голубятне. А снизу от той голубятни – ход прямо в комнату, где сидели засадой коричневые...

Со всех сторон заорали, кто возмущённо, кто восхищённо. На арене Роске вывернулся из медвежьих объятий Каджи, как змея, и ужалил – ребром ладони пониже уха. Каджи удивлённо замер, нелепо мотнув головой от удара, и рухнул. Бритый чужак коротко поклонился и пошёл на круг почёта, вдруг напомнив Кейе этим поклоном и этим кругом – Хриссэ. Первая половина представления закончилась, кхади, переговариваясь, потянулись обедать. Шонек едва уселся, пренебрегая едой, вытащил откуда-то тушь с кистью и бумагу и, высунув кончик языка, с головой ушёл туда, в белый лист. Пёс сидел рядом, высунув язык совершенно так же. Нарк и Воробей тоже не отвлекали.

Кейя не поленилась по дороге спросить Хриссэ, на кого тот ставил и почему. Тот бродил уже в одиночестве, потому что Тисса отправилась спать, благо кхади Клойт размещал бесплатно.

– На Роске, конечно. Он же из Сойге.

– Откуда ты знаешь, что из Сойге, а не из Тиволи?

Хриссэ рассмеялся.

– Чтобы я сойгы¹⁹ не узнал?

Кейя отстала, а когда поглядывала потом в его сторону, Хриссэ смотрел куда-то вдаль с непривычным на остром насмешливом лице выражением мягкой и немного грустной задумчивости. Словно надеялся в крупном тёсаном камне подвальных стен увидеть гладкие поля и ковыльные холмы самого южного из имперских герцогств. А может, вовсе не надеялся, а просто задумался о сходе с безухими и лисами, а мягкость и грусть примерещились. Надо бы Нейеха спросить, что он заметил...

Лис Загри

2272 год, 3 день 4 луны Пнд

Лабиринт, Эрлони

«По 1 сребрику за штуку – 12 шт. (12 ср.)

По 37 рыжих за шт. – 5 шт. (3 ср. 5 р.)

По 30 р. за шт. – 21 шт. (10 и 1/2 сребрика)

По 25 р. за шт. – 18 шт. (7 и 1/2 ср.)

Детей 13 шт. – 1 и 1/3 ср. за всех».

¹⁹ сойгы – родительный падеж от «Сойге»; т.е., житель герцогства Сойге.

На писчей бумаге из Сейнледа Лис Загри писал, вопреки правилам, не кистью и тушью, а пером и чернилами. Лис предпочитал чёткость и порядок; буквы, написанные кистью, казались ему излишне вычурными и декоративными. Кисть годится для рисования или стихов, не для серьёзных документов. Лис поднял голову (лысина тускло отразила рыжеватый свет лампы), бережно окунул остро заточенное перо в чернильницу и вернулся к письму.

«Итого: 69 шт. – 34 ср. 25 р. (без учёта кормёжки)», – мелким чётким почерком вывел он, пошевелив губами в тени длинного прямого носа. Недовольно покачал головой: предыдущая партия обошлась на два сребрика и пятьдесят семь рыжих дешевле. На кормёжку, жалование матросам и аренду сарая в Вернаце, чтобы было где держать рабов, уйдёт ещё пятнадцать полновесных имперских серебряных монет. Это если брать один корабль. Но в трюме одного корабля из почти семи десятков рабов до Вернаца доживут хорошо если сорок. Значит, либо взвинчивать цены на оставшихся, либо брать два лёгких судёнышка на полтора десятка матросов каждое, какие плавают по восточным рекам. В трюме одного легко поместится партия из трёх с половиной десятков рабов, и до места не доплывут не больше пяти-шести из каждой партии.

Загри оживился и зачёркал по бумаге снова, прикидывая размер наценки, чтобы покрыть расходы и заработать сверх того хотя бы треть сребрика с каждого затраченного. От этого занятия его оторвал стук в дверь и последовавший за стуком Треной. Подручный, наследник и почти сын Лиса сегодня отчего-то сменил обычный костюм недорезанного зангского контрабандиста на щегольской наряд для верховой езды, сделавший бы честь любому из столичных дворян. Дворянский лоск едва ли обошёлся тому меньше, чем в два сребрика с четвертью, – если Треной догадался обратиться к портным Нового города, а не Старого. Потом Лис заметил шитый золотом пояс, который один стоил больше всего костюма вместе взятого (три сребрика двенадцать рыжих – если разгильдяй догадался поторговаться), и настроение окончательно испортилось. Треной это явно заметил, но смущения и раскаяния не выказал.

– Джито чего-то хочет.

– Все всегда чего-то хотят, – не проникся Загри, возвращаясь к записям.

– Это по поводу схода, – не отставал Треной. – Джито хочет заранее тебя на свою сторону перетянуть.

– Последняя партия рабов для Вернаца будет на тебе, – сказал Загри, промокая перо и убирая его обратно в подставку. – Я начал высчитывать, ты закончишь. На всё – полторы луны, с сегодняшнего дня. Привезёшь меньше шестидесяти сребриков – самого продам.

– Пожалеешь – продавать! – сверкнул зубами Треной. – Потому что я больше семидесяти привезу!

Лис скептически поджал губы, но говорить ничего не стал. Разгильдяй Треной умел не только транжирить деньги, но и делать их – на чём угодно. Чтобы потом было, что транжирить, как он уверял. Потому что богат не тот, кто мало тратит, – как он уверял, – а тот, кто много зарабатывает.

– Так что с Безухим? – настырно спросил Треной. – Он брызжет слюной и уходит не намерен.

Лис задумчиво провёл рукой по лысине. Треной уходить был намерен не больше, чем Безухий, судя по всему.

– Вот ты с ним и побеседуй. Успокой, но ничего конкретного не говори. На сход ты тоже пойдёшь, так что подумай, когда займёшься рабами для отправки в Вернац.

В «Нору» лисы пришли как раз к сходу: тратить время на поединок Загри счёл расточительным. Лысый Клойт встретил их со всем возможным почтением, но порадовало Загри другое: в комнате, предназначенной для схода, их ждал накрытый стол с лёгкими, но совсем не дешёвыми закусками. Да и вина трёх имперских цветов – зангское чёрное, аксотское крас-

ное, куненское белое – не отличались дешевизной. Гостям всё это предлагалось бесплатно, так что, при всей нелюбви Загри к винам, удержаться и не попробовать он не мог.

Джито вышел первым и, как обычно, говорил много и путано. Суть его выступления сводилась к тому, что кхади клеветуют, потому что здоровой конкуренции не выдержат, вот и придумывают всякие подлости. Лис не слушал: многословность Безухого утомила его ещё при первом знакомстве; а к тому же, ничего нового в речи Джито не было. Ту же тираду он вывалил на Треноя ещё днём, и основные положения Треной передал Лису тогда же. Загри отметил только, с какой истовой ненавистью Безухий смотрел на кхади в целом и Кошку в частности. Насыщенная такая ненависть целеустремлённого трудяги к выскочке, которому даром даётся то, к чему трудяга шёл годами.

Кошка вышла на середину, явно этой ненавистью не стесняясь. Лис, памятуя о женской болтливости, откинулся в кресле удобней, планируя подремать.

– В двадцать восьмой день третьей луны пополудни под Зелёным мостом на меня напали трое Безухих: Чарек, Нларре и Суо, – начала Кошка. По сравнению с пафосной риторикой Джито Безухого её голос казался ещё суше и невыразительней. – Меня хотели убить, оставив на месте преступления нож со знаком «лиса» на рукояти.

Лис понял, что подремать не удастся. По большому счёту ему уже и не хотелось.

– Брехня! – багровея, выкрикнул Джито. – Бред пыльной собаки! (Кто-то из кхади отчётливо фыркнул.)

– Меня ранили в бок и в плечо, и убили бы, если бы не вмешался прохожий. Прохожий убил Суо и оказался лордом тэрко, – Кошке явно хотелось насмешливо сощуриться, но она сдержалась. – Желающие могут навести справки. В «Башнях» наверняка эту историю расскажут. С появлением лорда тэрко Чарек и Нларре сбежали, забыв нож.

Нож она передала Лису. Знак «лиса» действительно украшал рукоять. Из чего вовсе не следовало, однако, что этот знак выжгли на ноже безухие, а не кхади. Из суетливо забежавших глаз Джито это следовало с большей очевидностью.

– Сами и выжгли! – со всей возможной небрежностью заявил Безухий. – Я этого ножа и в глаза не видел, и люди мои не видели!

Тут он не соврал. За время схода разглядеть, что «лиса» на рукояти именно выжжено, а не, к примеру, вырезано, Безухий не мог. Загри из-под полузакрытых век посмотрел на Кошку. Та явно думала о том же, потому что жёлтые глаза так и светились.

– До того, – продолжила она, – я успела ранить Чарека в левую ногу повыше колена и два раза задела Нларре. Длинный довольно глубокий порез на правом предплечье и небольшой – на рёбрах слева.

Названных безухих Джито предъявить отказался. Кошка, довольно шурясь, села к остальным кхади. Кхад так ничего и не сказала за весь вечер, да и остальные её люди больше слушали и смотрели. Безухие вели себя громче всего, мешая Лису сосредоточиться. Вопросы правосудия, впрочем, волновали его в последнюю очередь. Безотносительно к правосудию, поведение Безухого не выдерживало никакой критики. Не потому, что он делает подлости, а потому, что делает их бездарно.

– Думаешь, разумно поддерживать кхади? – спросил Треной, когда кхади ушли, безухие тоже, а из лис в комнате остались только они двое. Загри задумчиво провёл ладонью по гладкой столешнице.

– Я думаю, неразумно поддерживать Безухого.

Треной встал и прошёлся по комнате. Остановился у ширмы с изображением морского порта. Море на пейзаже бесновалось о скалы, дробя свет маяка. На входе в бухту смутная тень боролась с ветром: корабль был написан так, словно ветер и волны вот-вот расплескают его, как воду из мелкой чашки.

– Думаешь, она упустит шанс избавиться от лис при первой же возможности?

Загри задумчиво смотрел в начищенный медный чайник.

– Лис! – Треной обернулся, окликая его ещё раз.

– Я думаю не дать ей такой возможности, – неспешно сказал Лис. – И, думаю, мне есть о чём поговорить с лордом тэрко. Займись организацией.

Треной покосился на него.

– Ол Баррейя разве станет вмешиваться в наши дела с кхади?

– Станет, как не стать, – усмехнулся Загри. – Кхади ему не меньше, чем нам, мешают. Пожалуй, что и больше.

Треной покачал головой, трогая витки проволоки на рукояти ножа.

– Не слишком рискованно? Если он решит не проводить переговоры, а избавиться и от нас заодно?

– Лорд тэрко не производит впечатления глупого человека, – мягко сказал Загри, снова растягивая губы в усмешке. – Старый, знакомый враг, даже если это враг сильный, лучше, чем десяток новых, неизвестных. Даже если они будут слабые.

Треной недовольно нахмурился:

– Вечно ты туману напустишь! Это к чему?

– К тому, – сказал Загри, сдвигая чернильный набор так, чтобы его край был точно параллелен краю стола, – к тому, что нас лорд тэрко знает. И знает давно. И знает, как с нами можно договориться. А если он переловит всех крупных рыб Эрлони, с мелочью не разберётся и за всю жизнь.

Шонек

2272 год, 5 день 5 луны Пнд

Глинянка, Эрлони

Город пах дождём и близкой зимой, и в воздухе тихо мерцала искристая предморозная свежесть. Лужи на улицах столицы подёрнулись ледком и глянцево поблёскивали в ожидании часа, когда утренний морозец сгинет, спугнутый солнцем, и сменится туманом. Одним из последних туманов в той череде, которая проходит над двумя островами осенью. Туманы ластаня к стенам, ставням, к опорам мостов, гладят брусчатку непрочными пальцами, путаются в ногах прохожих и наматываются на спицы каретных колёс. Заглядывают в карету, безо всякого уважения к герцогскому гербу с когтистой лапой на празднично-жёлтых занавесках и дверцах. Человек в карете поморщился, поднял воротник и спрятал руки в широкие рукава. Человеку не нравился туман, мелкими капельками оседающий на бровях и длинных усах, придавая усам непарадный обвислый вид. Человек считал туман мерзкой, никчёмной погодой. Туман отвечал ему взаимностью. Брезгливо выронил край занавески и позволил карете уйти вперёд, на крутой взгорок Ласточкиной улицы. Внизу, у канала, туман нашёл развлечение получше. Здесь были три человеческих детёныша с собакой и воробьём. Эти против такой погоды ничего не имели. Мёрзнуть им некогда, а в туманниц верить – интересно, а не страшно. Лохматый пёс лениво мотал ушами, порываясь ловить туманные ленты.

– А ты, Воробей? – спросил рыжий мальчишка, рядом с которым держался пёс.

– Я? – Воробей пожал острыми плечами. Встрёпанный птенец на его плече недовольно расправил крылья, удерживая равновесие.

– Хотел бы, наверное.

– А не страшно? – усомнился третий, илирец. – Голову задурят, заморочат, в реку утащат...

– Тю! – пренебрежительно свистнул Воробей. – Чего бояться! Ты что, плавать не умеешь?

– Я слышал, они могут из тумана целую улицу составить, как в садах Эиле, – не сдавался Нарк. – Идёшь, идёшь, и не заметишь, когда уже всё вокруг ненастоящее. А ещё говорят, что

так можно и на тот свет зайти. Особенно, если мосты в тумане переходить. Будешь думать, что это – через Арн, а он – тот самый, смертный.

– Они красивые очень, – задумчиво сказал рыжий Шонек. – Я вчера, кажется, видел одну. Гибкая такая, как ивовая ветка, и волосы серебристо-зелёные, как листья у ивы. Как будто её тушью написали прямо в воздухе...

Мальчишки помолчали. Улица свернула, идя уже не вдоль канала, а через него, по узкому пешеходному мостику. Под мостом словно бы текла не вода, а туман, выюном поднимаясь по опорам. Та сторона канала терялась из виду; будто сами доски мостового настила истончаются и светлеют, становясь туманом.

– Кудлаш, иди сюда! – звонко позвал Шонек и положил руку на голову пса, когда тот подбежал. Рыжий жадно смотрел на растающий в туман мостик, стараясь впитать в себя, запомнить каждую линию, каждый столбик перил и каждую прожилку досок. Нарк рядом смотрел со сдержанным недоверием, тоже остановившись.

Воробей пренебрежительно хмыкнул и уверенно шагнул на мостик.

– А я бы хотел увидеть туманницу, – сказал он. – Просто, чтоб знать, что они правда есть.

– Как это, «чтоб знать»? – возмутился Шонек, шагая следом. – А что я говорю – тебе недостаточно? И Трепло их видел!

– Трепло много чего видел, – отмахнулся Воробей, накрывая свободной рукой своего пернатого тезку. – То Слепого²⁰ под видом пьяницы, то собак крылатых. На то он и Трепло.

– Был.

– Что? – переспросил Воробей, оборачиваясь.

– Был он, – повторил Нарк и тоже ступил на мостик.

– Ну уж! – сказал Воробей. – Душа-то не умирает, значит, где-то он и сейчас есть. Со Слепым, которого видел.

– Если туманницы есть, то и душа есть, – сказал Шонек куда-то в сторону.

– Душа... – проворчал Нарк.

Воробей обернулся опять.

– Ты что-то говоришь?

– Душа не у всех есть, – громче сказал Нарк, настороженно косясь вправо: там ему помешало какое-то движение. – У нашада нет. Лорд говорит, у людей без маэто тоже души нет. И мы навсегда умираем. Целиком.

– Ты чокнутый, Нарк! – оскорбился Воробей.

– Да нет, всё правильно, – поддержал илирца Шонек. – Мне дед тоже говорил: душа вначале у всякого есть, но если не дают маэто, она улетучивается, потому что границ нет, ничего её не держит.

Воробей сердито оглянулся.

– Тебе легко всякое такое повторять! У тебя-то маэто есть!

– Нет, – покачал головой Шонек.

Воробей споткнулся от удивления и снова обернулся:

– Ты же при храме рос! И дед у тебя есть. Что ж он, тебе имянаречение не устроил?

Воробей сошёл с мостика и остановился, поджидая остальных.

– Он мне не совсем дед. Я подкидыш, – пояснил Шонек. – А подкидышам имянаречение не устраивают.

Он стал рядом с Воробьём и обернулся к Нарку.

– А у тебя?

Нарк зябко повёл плечами.

– А я... меня в рабство продали, пираты. А от унижений тьё умирает.

²⁰ Слепой – эпитет Кеила, бога смерти

– Тьё? – не понял Воробей.

– Ну, душа.

– Так нечестно, – сказал Воробей, помолчав. – Не может быть, чтобы люди умирали навсегда и целиком. Это как-то... слишком...

– Жалко, что туманницу на мосту не видели, – сказал Шонек. – Я их нарисовать хочу. Идём, чего мы стали!

Они пошли дальше, сворачивая от канала в подворотню. Между Нижним городом и Глинянкой стояли преимущественно двух- и трёхэтажные дома мелких ремесленников. Эта часть Эрлони была пронизана ходами, как изъеденный жучками кусок дерева. Над узкими проулками внутри кварталов срастались вторые этажи зданий. В получившиеся улочки-коридоры вливались подворотные проходы, выходящие на улицы или во внутренние дворы. Где-нибудь в нишах прятались двери в дома или в другие переулки. То здесь, то там перетянутый балками и сыплющий сором потолок исчезал, стены по сторонам неожиданно расходились дальше друг от друга, вверху прорезывалось небо, и коридор превращался в обычную улочку. Чтобы через несколько десятков шагов снова нырнуть в подполье. Именно здесь и обосновался Лис Загри, и как-то сразу становилось понятно, почему лисы и не думали бояться облав. Лорд тэрко тоже не дурак – ловить лис в их же норах. Ещё пару лун назад кхадиды сюда не сунулись бы, но после недавнего скандала с Джито у лис с ними отношения были самые тёплые и дружеские... Правда, вглубь лезть всё равно не стоило. Объясняй потом, чего тут вынюхиваешь. Сначала бдительным лисам объяснять, потом своим же старшим... Ну его в пепел, такое счастье! А вот угол срезать по краешку лисьих лабиринтов – милое дело.

Очередная подворотня закончилась. Впереди, в устье одной из улочек, темнела застава коричневых и влипшая в неё, как в паутину, давешняя карета с герцогскими гербами ол Жернайры. Сам владелец лично ругался с офицером, которого Нарк с удивлением узнал.

– Ол Баррейя! – выпалил он, толкая Шонек в бок.

– Послушаем? – сказал Воробей и тут же направился к месту спектакля.

Происходило всё на углу, где Ласточкина улица, вволю нависавшая вдоль канала, сходилась с улицей Хада Великого и образовывала треугольник. Третий угол этой площадки примыкал к Старой Храмовой улице, напротив храма Таго. Одна из белокаменных усадеб Старой Храмовой как раз нависала над коричневыми, преградившими дорогу ол Жернайре, и её широкая угловая башенка резко выделялась привозным белым мрамором на фоне кирпичных домиков Ласточкиной.

– Вы напрашиваетесь на серьёзные неприятности! – фальцетом грозил ол Жернайра.

– По храмовой площади запрещено ездить верхом или в экипажах, – говорил лорд тэрко. Судя по интонации – примерно в десятый раз за четверть часа. Стражники откровенно скучали. Только трое церковников-белых изображали живейший интерес. Ол Жернайра жестикулировал и, кажется, брызгал слюной. Лорд тэрко терпел с каменным лицом. Только где-то в складке у рта крылось брезгливое отвращение. – На храмовой площади можно появляться только пешими. Вы можете объехать или пройти пешком.

– Много воли забрали, лорд герцог! – сквозь зубы процедил ол Жернайра. – Что-то не припомню, чтобы при старом тэрко такие ограничения касались высшего дворянства.

– Что-то не припомню, чтобы при старом тэрко из дома можно было выйти безоружным и вернуться живым, – зло бросил ол Баррейя, но тут же вернул на лицо прежнее выражение. – В моём городе, – отдельно продолжил он, – перед законом и Вечными все равны.

– И вы лично караулите, чтобы никто не проехал? – почти сплюнул ол Жернайра.

– Хоть это и не ваше дело, лорд герцог, я лично обходил посты. И не зря: помог вот одному высокопоставленному лицу не навлечь на себя гнев Вечных и Его Святейшества.

Ол Жернайра сверкнул глазами.

– За спину Мастера Джатохе прячетесь? Разве городская стража – не светское учреждение? Я доведу это до Его Величества!

– Не сомневаюсь, – буркнул тэрко.

Ол Жернайра нехорошо улыбнулся и сказал тихо, так что кроме лорда тэрко расслышал только Нарк с его феноменальным слухом:

– Как вы полагаете, Его Величество поверит, что Святейший Мастер готовит заговор, переманивая стражу и армию под белые знамёна?

Ол Баррейя сохранил невозмутимое лицо, но не без труда. Нарк быстро повторил услышанное для друзей, когда ол Жернайра продолжил.

– Джатохе, конечно, выкрутится. А вот его прихвостней...

Что именно ждёт прихвостней, присутствующие не узнали. В затылок ол Жернайре метко вляпался комок подсохшего конского дерьма. Воробей удивлённо оглянулся на Шонек – тот уже нагибался за второй порцией. Герцог в бешенстве повернулся – как раз, чтобы получить в лицо сразу от двоих, под ехидное пение Нарка:

– Сверх камзола голова
нахлобучена,
жалко, думать голова
не обучена...

Ол Жернайра со сдавленным рыком кинулся к нему, одной рукой вытирая лицо, а другой выхватывая меч. Мальчишки бросились врассыпную, продолжая горланить с разных углов площадки старую песенку, ходившую среди ачаро и подмастерьев ещё с прошлогоднего скандала, когда ол Жернайра едва не потерял место в Совете за то, что слишком нагло путал городские деньги со своими:

– Лапа в герцогском гербе
загребущая:
всю казну гребёт к себе,
проклятущая!..

Никого он не догнал, разумеется.

Собрались запыхавшиеся и довольные ребята на пустыре возле Серпного переулка. Глухо пахло дымом от ям углежогов.

– Чего ты, Шон? – смеясь, спросил Воробей. – Ты ол Жернайру так не любишь?

– Ну... – Шонек задумчиво потрепал Кудлаша за ухо. – Это тоже. Ол Баррейя, он, просто, вроде как наш...

– Это как?

– Ну... Кошка говорит... и Лорд тоже... Он достойный человек и достойный противник.

– Тоэ на дзоэ лэ,

Доэ на тойтэ мэ, – певуче сказал Нарк. – В смысле, «Дайте мне, Вечные, достойных врагов, а достойных друзей я сам выберу». Или «найду». Как-то так. Это из «О Дзи», – он смутился и замолчал.

– Правильно, – сказал Шонек. – Ол Баррейя – хороший человек, хоть и герцог. И чего это какой-то ол Жернайра на него твякает!

Воробей рассмеялся. Перепрыгнул бревно, выглядывающее из кустистой сухой травы, которую прибило к земле утренними морозами. Его тэзка вспорхнул, укоризненно чирикнул что-то и сел ему на голову, зарываясь лапками в волосы.

– Не щипайся! – сказал мальчишка, расплываясь в улыбке. – Шонек, ты с нами, домой?

– Нет, – тот мотнул головой. – Я к Мийгуту.

Квартал художников располагался на Глинянке. Во всяком случае, та его часть, которая интересовала Шонек. Впервые мальчишка забрёл туда несколько лун назад, за бумагой для

рисования; зашёл – и застыл, не зная, какой из сотен сортов бумаги выбрать. До того у внука нищего монаха никогда не было достаточно денег, чтобы покупать какую-то другую бумагу, кроме дешёвой лыковой, в которую и рыбу заворачивают, и долговые расписки на которой пишут. А тут, в наглухо законопаченной, душной и пахнувшей книжной пылью лавке можно было заблудиться между полками.

– Доброго дня... Тебе чего? – спросил мальчишка-подмастерье, выглядывая из-за шкафа в глубине лавки. Подмастерью было не больше лет, чем Шонеку, и он не так давно приехал из одной из северных провинций, судя по выговору.

– Мне это... Бумага нужна... – тихо сказал Шонек, зачарованно любуясь напольной бронзовой вазой с эмалевым узором. Казалось, что зелёная и жёлтая эмаль не нанесена на старый металл художником, а сама проступила сквозь поверхность.

– Писчая? Обёрточная? Для ширмы? – деловито спрашивал мальчишка, подойдя ближе. Пальцы у него были длинные и тонкие, с цветными пятнами и въевшимися в ногти чернилами.

– Не, – помотал головой Шонек. – Для рисования.

– Рисовая? Бамбуковая? Папирус? Прошлихтованная, непрошлихтованная или наполовину? Рулон, свиток, листы? Цветная или белая? Или позолоченная?

Шонек потерянно молчал.

– Ты чего? – удивился продавец.

– Я это... Не знаю. Мне чтобы рисовать. Тушью.

– Наброски делать?

– Да, – оживился Шонек. – Наброски.

Продавец скрылся между шкафами, стукнул дверцей, пошуршал чем-то и вернулся с несколькими стопками бумаги.

– Вот, смотри. Это, значит, илирская, «цуа» называется. Это если надо, чтобы рисунок расплывчатый был, нешлихтованная. Эта наполовину прошлихтованная, чтобы воду хуже впитывать. Чтобы почётче, значит, рисунок получался. Эта цуа обычная, по два рыжих за пачку. А вот эта – сам глянь! – мальчишка показал бумагу на свет, гордо демонстрируя похожие на облака разводы. – И вот! – он встряхнул лист, который возмущённо захрустел от такого обращения.

Шонек послушно глядел, ничего не понимая.

– А что это значит? – неловко спросил он. Продавец одарил его снисходительным взглядом сверху вниз.

– Ты чего, совсем в бумаге не разбираешься?

– Не, – сказал Шонек, отводя глаза.

– А чего ж тогда тебя послали покупать?

– Меня никто не посылал, я для себя! – обиделся Шонек. – Я рисовать люблю. Сам.

– Ну уж! – рассмеялся продавец. – Сам себе мэтр, сам себе ачаро?

Шонек сердито посопел, а потом взял да и потянул из-за пазухи рисунки, которые сегодня утром делал, на последних оставшихся листах. Что рисует он хорошо, Шонек был уверен, и очень уж хотелось доказать это насмешливому подмастерью. А то что он себе думает? Можно подумать, если он у художника в ачаро ходит, так самый умный тут?

А не оценит таланта – всегда можно в глаз дать.

Мийгут оценил. Потом свои показывал, рисованные втайне от мэтра Астиваза. Объяснял Шонеку разницу между илирской бумагой «цуа» и зангской «низганой», рассказывал, как бумагу пропитывают овсяной кашцей, чтобы сделать глянцевою. Для чего годятся чернила, а для чего – тушь, и как нужно разводить тушь для разной бумаги и разных рисунков.

В их дружбе только одна деталь вызывала у Шонекса смутную неловкость: он не мог рассказать, где живёт и как. Сказав, что дед устроился учителем в одну богатую семью, Шонек обрёк себя на путаницу недоговорок, и невразумительно мычал с пол-луны подряд, пока не ска-

зал прямо, что не может рассказывать. Мийгут обиделся, но не настолько, чтобы прекратить общаться.

Шонек удирал в лавку художника при каждом свободном случае, и после концерта народной песни в честь ол Жернайры побегал туда же. Мий был на месте, растирал краску к приходу мэтра. Шонек устроился на сундуке за ширмой, отделявшей угол Мийгута от лавки, Кудлаш улёгся на полу в ногах и задремал. Мальчишки начали с разных стилей рисования, перешли на великих художников прошлого, а с прошлого – на мечты о будущем...

– Ты художником будешь, Мий? – спросил Шонек с лёгкой завистью в голосе.

Мийгут помотал головой.

– Не, каллиграфом. Мэтр Астиваз – он же и художник, и каллиграф, но за то и другое платить дорого очень уж. А батька говорит, у каллиграфов заработок верней, а художнику ещё как повезёт.

– Угу. Каллиграфом лучше, – убеждённо сказал Шонек. – Они всегда нужны.

– Вот и батька так говорит, – вздохнул Мийгут, возвращаясь к растиранию. – Дай-ка воды; вон та чашка, с ирисами. Ага. А мне скучно. Одни и те же знаки чертить, скучища! А художником – что хочешь, то и рисуй...

– Кто ж тебе платить станет, если рисовать, что хочешь? – рассудительно сказал Шонек. – Художники портреты рисуют...

– Ага, без бородавок только, – рассмеялся Мийгут. – Глаза поярче, плечи пошире...

Дверь тихо открылась, прерывая его. Мальчишка отложил тушь, вскочил, выбрался из-за ширмы. Шонек видел через щель, как Мий кланяется вошедшему дворянину. Дворянчику было лет шестнадцать, и он казался Шонеку смутно знакомым. Лица Шонек запоминал мгновенно и навсегда, а потому это «смутно» его насторожило, заставив вглядываться в пришельца. Дело было не в русых волосах, стянутых в солдатский узел, не в овале лица... То ли в посадке головы, то ли в манере придерживать меч на ходу...

Шонек продолжал изучать гостя, пока тот спрашивал о почтенном Астивазе, о заказанном портрете. Потом гость ушёл, а Мийгут умчался куда-то наверх, на второй этаж. Шонек оторвался от щели, поморгал, заново привыкая к полутьме закута. И вдруг замер, затаив дыхание. Протянул руку и едва-едва прикоснулся пальцами к старому холсту. На переплетениях суровых ниток когда-то давно, когда ширма была новой и белоснежной, кто-то несколькими смелыми мазками сильно разведённой туши изобразил на ширме дракона. Старый, как пепел, мотив. Но Шонек не мог оторвать взгляд от простой до аскетичности картинке. Дракон не был ни Хофо, ни Таго, он не был и тем Оа²¹, которого рисуют церковные художники: с одним белым крылом и одним багровым. Таким, наверное, был Дракон, когда только поднялся из предначального пепла, но ещё не встретил праматерь Айо и не стал отцом Вечных. Таким он носился над пеплом, создавая воздух и играя в первых порывах ветра. Серебристой, полупрозрачной гибкой лентой, похожей на струйку дыма. Дракон строго поглядывал на Шонеку одним глазом. Когда Мийгут вернулся, Шонек ещё восторженно трогал пальцем драконовы лапы; так осторожно, словно боялся спугнуть.

– А?.. – обернулся он.

– Что делаешь, спрашиваю, – повторил Мийгут. Он сел на край сундука, поставил чернильный камень себе на колени и взял в левую руку брусок чернил – растирать, готовить краску к возвращению хозяина.

– Дракон... – сказал Шонек и замолчал: слов не хватало. – Кто рисовал?

Мийгут заглянул другу через плечо.

²¹ Хофо-философ и Таго-воин – ипостаси Оа-Дракона, отца Вечных. Хофо, белый дракон, – его левое крыло, Таго, багровый, – правое.

– А, это. Не знаю, она тут уже давно. Давней меня. Я спрашивал мэтра – он не знает. Говорит, хлам, никто не купит. Ширмы, говорит, должны быть яркие.

– Ничего себе, хлам! – возмутился Шонек. – Ты видел, как пасть выписана? А лапы? Он как будто улетит сейчас! О клыки порезаться можно!

– Люди покупают яркое, – пожал плечами Мийгут.

– В «Маэтишеной» купили бы, – буркнул Шонек. – Я бы купил.

Мий засмеялся, снова принимаясь шуршать чернильным бруском о камень.

– А я бы не продал. Только мэтр – не я. А в «Маэтишеной» – куда им ещё одна ширма?

Шонек вздохнул и взъерошил рукой волосы. От нарисованного дракона чудился слабый запах свежести и еловой хвои.

– А этот лорд чего хотел?

– Какой? А, что сейчас вот был? Он миниатюру заказал, копию с портрета отца. Кучу денег выкинул.

– А кто это? – спросил Шонек, роясь в сумке.

– Дхонейдо о-Баррейя. Носится с этим портретом, как будто живьём отца не видит... Это у тебя что? – Мийгут потянулся к листкам, которые достал Шонек.

– Это я тебе наброски принёс показать. Недавно поединок был, вся столица гудела: Каджи и этот приезжий, Роске... Посмотришь?

– Спрашиваешь!

Кошка

2272 год, 29 день 5 луны Пнд

район Нижнего порта, Эрлони

Кошка сидела на крыше и скучала. Город нахохлился и замер, сердито вздыбив крыши под холодными порывами ветра. Ветер рваными наскоками бросался на дома и стены Эрлони. Холодный до того, что потоки воздуха делались бритвенно-острыми. На двух островах обычным был другой ветер, влажный и мягкий, промозглый, обволакивающий. Только иногда, когда заморозки студили небо и воду до искристой голубизны, а солнце накануне марало западные пирсы пылающе-алой кровью, – тогда с северо-востока, с озера, прилетает это злое и беспокоящее горе, которое столичные арнакийцы называют «хриссэ». Кошка удобно устроилась у печной трубы, находя в положении двойную выгоду: кирпич трубы не только прикрывал от ветра, но и охотно отдавал тепло. Уютно пахло дымом, перебивая всегдашний запах воды и рыбы.

Стриж пролетел совсем близко, шевельнув движением воздуха прядку на Кошкином лбу. Девчонка со вкусом потянулась и убрала волосы в капюшон замшевой куртки. Можно было, конечно, решить вопрос обогрева проще: спуститься вниз, в «Нору», поболтать с Клойтом, пощуриться на огонь... Это не решило бы главной проблемы – скуки. От этой проблемы Кошка хотела избавиться с помощью Хриссэ: попробовать вместе вспомнить ту связку, которую мэтр Ошта показывал на прошлом занятии. Но Хриссэ под утро явился домой со свежедобытой где-то пылью, и теперь не меньше чем до вечера для общества потерян. Занял одну целую комнату, ловит бабочек и во всеуслышание радуется жизни. Когда к нему было сунулся Лорд, Хриссэ его вежливо попросил: «Если ты мне мерещишься, помахай правым хвостом. Если нет – левым». Лорд вежливости не оценил и долго читал пыльному нотацию о вреде дурманящих смесей. Тот слушал, кивал, скорбно вздыхал, а под конец разрыдался и сказал, что для такого замечательного человека ему даже пыли не жалко... Лорд от предложенного угощения отказался, психанул и хлопнул дверью. А Кошка ушла на крышу, выведя из этой истории печальную мораль, что всякое развлечение быстро заканчивается.

В последнее время она всё больше сидела в людской «Башен», у лорда тэрко: терпела Тлатту и выуживала из её трескотни крупинки здравого смысла. Здравый смысл и Тлатта, судя по всему, сходились редко и ненадолго. Лорд тэрко забредал домой ещё реже, душевно огорчая

этим Кошку. К тому же, проводить в «Башнях» все дни было бы глупо, последний раз Кошка была там вчера, и потому сегодня сидела на крыше, смотрела на город и скучала. В голову лезла история с кольцом, история с Джито и прилегающий к историям ол Баррейя. Обе истории, вроде, уже теряли актуальность. Кольцо лорд тэрко торжественно вручил Его Величеству Нактирру три дня назад. А Джито, не получив поддержки Лиса, боялся высунуть нос наружу. По поводу первого Кхад бесилась, по поводу второго – радовалась, и одно другим было отлично уравновешено. Впору бы беспокоиться о более злободневных вещах. О разговоре с Призраком, например.

О Призраке думать не хотелось почти так же сильно, как общаться с Тлаттой.

Кошка подтянула ногу под себя, зацепив осколок черепицы. Подобрала глиняный кусочек, подбросила его на ладони, размахнулась и кинула его в полосу дыма, стелющуюся по краю крыши – и вниз по улице, по направлению к Глинянке. Что бы ни вышло из разговора с Призраком, – думала Кошка, – серьёзных проблем не будет. Нхарий, конечно, посильней кого угодно из кхади, но он один, а кхади три десятка. С другой стороны...

Кошка снова переменила позу, подтянув к себе вторую ногу. С другой стороны, если ол Баррейя убедит Нхария работать на рыбаков, это будет... неприятно. Неприятней будет только если лорд тэрко продолжит так же тесно сотрудничать с белыми. Куда как лучше, если ол Баррейя и Святейший Мастер Джатохе перецапаются, а нка-Лантонц с ол Жернайрой их грызню поддержат и присоединятся. Тогда на рыбалку у лорда тэрко времени точно не будет. Но усиление охраны храмов и смешанные бело-коричневые отряды на улицах пока наводят на мысли о гражданской сплочённости сынов отечества, а не о гражданских склоках. Кошка вздохнула и поёрзала спиной о трубу, умащиваясь.

Можно, конечно, понадеяться на императорскую осторожность и здравомыслие, понадеяться, что Нактирр напугается призраком заговора и поспешит вмешаться в излишне тёплые отношения лорда тэрко и Святейшего Мастера. Тут, правда, ещё проблема. Нактирр, конечно, император, но власти у него немногим больше, чем у Тлатты. Да и догадливости тоже. Вот если бы кто-то из кхади вращался в высшем свете, подали бы Нактирру светлую идею...

Задумавшаяся Кошка вздрогнула, когда на её крышу выбралась Ани.

– Тебя лис этот ищет, – жизнерадостно заявила она.

– Какой? – удивилась Кошка. И почти тут же сама поняла. Мученически вздохнула. –

Вайеш?

Ани кивнула, поёжилась, постаралась спрятать голову от ветра в острые плечи.

– И охота тебе на таком холоде сидеть?

– Скажи ему, меня тут нет, – сказала Кошка. – Я уплыла в Дазаран. Ушла в храмовую прислугу. Умерла от старости. Вышла замуж.

Ани укоризненно посмотрела на неё.

– Тебе же всё равно скучно.

– Не настолько, – отрезала Кошка.

– Он тебя уже час ждёт, – не отставала Ани.

– И завтра подождёт, – успокоила её Кошка. – Чего ты прицепилась, Ань?

– Жалко его, – Ани пожалала плечами. – А если он обидится и уйдёт? Ладно, тебе он не нравится, а шпионить за лисами как будешь?

Кошка с удовольствием зевнула.

– Так же. Не обидится.

– Как знаешь. Я думала, тебе же всё равно делать нечего...

– Есть чего, – решительно сказала Кошка и встала. – Пойду, с Призраком поговорю.

– С призраком?..

– Нхарий Призрак, – весело пояснила Кошка. – Наёмник.

Она встала, потянулась ещё раз, подхватила сумку и направилась вниз, оставив Ани позади.

Хотя лестница, ведущая в главный зал «Норы», и по длине, и по крутизне выгодно уступала чёрной, Кошка выбрала вторую. Рыжий Вайеш выглядел в её глазах неким стихийным бедствием, частично управляемым, но от этого не менее бедствием. Это в какой-то мере испу-палось пользой, которую он приносил как источник информации о лисах. Но в промежутках между шпионажем Кошка всеми силами сводила общение к минимуму. Сил приходилось прилагать немало, так как парень проявлял чудеса влюблённого героизма. Числя Кошку в «норной» прислуге, он был способен часами торчать у Клойта с букетом и с томлением в очах. Иногда вместо букетов он оставлял для неё целые поэмы, увечные на все строчки разом. Кошка с удовольствием зачитывала особо выразительные отрывки вслух и с комментариями. В общем хохоте Лайя и Ани укоризненно хмурились на неё и жалели парня за щенячье-побитое выражение глаз. Кошка к укоризне и поэмам оставалась глуха в равной степени. Влюбленность в неотразимую себя она полагала естественным состоянием всего мужского населения Равнины, и причин жалеть Вайеша, соответственно, не видела. Как и лицезреть лишний раз его медный затылок, гладко блестящий в свете норного камина.

Сбежав по узкой лесенке чёрного хода, Кошка толкнула дверь в вечер. Быстро оставила позади захламлённый тупичок и зашагала к «Шулеру», где Призрак в последнее время повел себя тратить время и деньги. От рождения «Шулер» звался прямо противоположным именем «Честной игры», но картёжник с вывески глядел в город с таким хитрым прищуром, что всякие сомнения в его честности таяли ещё с дальнего конца улицы. Впрочем, даже туда Кошка дойти не успела, хоть «Шулер» и отстоял от «Норы» на какую-то четверть часа неспешной ходьбы. В этот вечер Нхарий Призрак решил подышать свежим до озноба северо-восточным ветром, а заодно – разнообразить Кошкину жизнь пробежкой. Она едва успела заметить наёмника, когда тот сворачивал от «Шулера» в ближайшую подворотню. Недобрым словом помянув Отца лжи и ветров, Кошка поспешила следом, на каждом углу заново ища компромисс между не засветиться и не упустить. Нхарий тем временем уверенно, хоть и не напрямик, двигался к югу, пересекая остров. Кошка совсем уж было решила, что они идут в Новый город, когда Нхарий свернул направо, к порту. Потом, сразу за рыбным рынком, отыскал какой-то проход, больше похожий на пролом в стене, и нырнул туда. Кошка выждала чуть и заглянула.

Вид сквозь пролом открылся эпический. Не то просторный тупик, не то маленький пустырь, не то посольство потусторонних болот на брэнной земле. Границами эпического служили три стены, образуя незамкнутый треугольник, явственно окосевший на одну сторону. Кошка замерла в одном из углов, в то время как Нхарий целеустремлённо приближался к дальней стене. Под ногами наёмника подозрительно вздыхали гнилые доски и битый кирпич, вымо-стившие узкую тропку через пустырь. Тропка вилась между сногшибательно ароматных луж, взбиралась на груды щебня, огибала древний гнилой пень в чёрной, как дёготь, луже. И убедила Кошку в превосходстве высоких ирлгифских сапог над всеми прочими видами обуви. Паче всего же – над грохочущими сапогами кадарскими и тряпичными – тиволлийскими.

Нхарий (тоже ценитель восточных сапожников) миновал скрипучий остов ивы, за которой побрезговали лезть даже углежогги, перешёл по доске канаву и свернул вправо, удивив Кошку: выход из треугольника зиял левее. Наёмник бесшумно скользил вдоль стены – серой тенью на фоне небелёного самана. Последние лучи заката выбились из-под облака и высветили слюду в щебёнке, позолотили паутину в ивовых ветках, и редкие соломинки в самане зажглись рыжиной, а поверхность луж вспыхнула глянецом. Наёмник оставался матов и мрачен, как вьюжное предрассветное небо.

Эттей²² «Призрак» сейчас подходило ему как нельзя лучше.

²² эттей – зд. прозвище

Чавкнула грязь, когда Нхарий шагнул в жижу до середины голени. Кошка досадливо поморщилась, как если бы оступилась она, а не наёмник. Нхарий положил руку на стену, сделал какое-то движение, скрытое сумерками и расстоянием, и потянул дверь на себя. Поднялся в дверь и прикрыл её за собой.

Кошка стояла в нерешительности, катая на языке начало истории, которой Теотта пугала младших пару дней назад.

Призрак новолуния
над болотом стелется...

Закат потускнел, а потом угас вовсе. Изрезал ослабшие руки о края битой черепицы на крышах, вымазал ладонной кровью ватные одеяла туч, не удержался и обречённо скатился за край земли, в смерть. «Призрак новолуния...»

Кошка переменила позу, переплела косу потуже и скрутила в узел на затылке. «Призрак новолуния над болотом...» Скептически принюхалась и пошла по тропке. Обидней всего, если из Призракового схрона есть ещё один выход. Из Кошкина – был бы непременно. Однако Нхарий явно устал, спешил и слезки не чаял. Значит, должен был идти короткой дорогой.

Кошка неприязненно покосилась на мёртвую иву.

Если это – короткая, то длинную лучше одолевать верхом и с запасом еды. А значит, обратно он пойдёт тоже короткой. Нет – значит, просто будет Кошка завтра сонная, вонючая и злая, как тридцать весенних котов в одной карете.

Доске Кошка доверять не стала, через канаву перескочила (берег канавы издал под ногой неприличный звук), скользнула вдоль стены. Дверь отыскалась сразу, секрет открывания упорствовал. Кошка выбрала себе кочку посуше и села в тень с тем царственным видом, с каким только кошки умеют сидеть даже в помойке. Мышь в норе, нора – вот, времени – до послезавтрашнего вечера. Еды, правда, на один обед, ну так что ж – абсолютное счастье, как известно, недостижимо.

Не в упрёк ей будь сказано, думала Кошка не о деле. Какое-то время она следила за тем, как темнеет небо, бездумно вслушивалась в отдалённые звуки шагов, колёс, копыт – всё более редкие. Пара часов прошла. Потом в паре дворов от тупика о чём-то забрехала собака, её поддержали товарки, и концерт продолжался с четверть часа. Потом Кошкины ноги затекли, поза переменилась, а мысли сползли на «Призрак полнолуния», откуда естественным образом перешли на ол Баррейю. Естественным потому, что лорда тэрко числили в тех, кто и у Прагэ²³ требует уважительное обращение. В пример обычно приводили одну историю из того времени, когда ол Баррейя, в бытность ещё сотником, ездил с инспекцией на западную границу, шерстить тамошних таможенников. На обратной дороге лорд герцог остановился как-то в брошенной часовне у дорожного тагала, хотя местные в один голос называли часовню проклятой. Говорили, что в пасмурные ночи там просыпается призрак монаха, убитого разбойниками, голодный до чужих жизней. Ол Баррейя пристыдил своих сопровождающих замечанием, что не встречал ещё призрака, который не боялся бы меча в умелых руках. А ночь была дождливой, и, конечно, в самый глухой час из-под земли вышел призрак, напугал герцогских спутников до полусмерти и рассеялся от меча ол Баррейи. Сам лорд (по словам слуг), говорил, что не призрак, а пыльный илирский наёмник, не из-под земли, а из-за алтаря, и не рассеялся, а упал зарубленный. На то, какая из версий правдива, Кошке было плевать. Она ясно себе воображала заброшенную проклятую часовню, где алтарь загадили крысы, а на грязном полу сквозняк шевелит листья и солому. Ясно воображала шум грозы и предутреннюю мглу и холод; и смутную тень, с руганью встающую то ли из алтаря, то ли из-под земли. И белые лица сопровождающих. И ол Баррейю, шагнувшего с мечом навстречу. Понятия не имея, кому или чему – навстречу.

²³ Прагэ – персонификация хаоса

Кошку вообще мало волновала такая абстракция, как «самое дело». Правда – это то, что сейчас выгодно считать правдой. Правда о человеке – это та правда, в которую верит сам человек. Ол Баррейя говорит, что зарубил пыльного наёмника-илирца. Но вставал навстречу – не наёмнику, и рубил – не наёмника. Неизвестность и возможного злого духа. Этой правды Кошке было вполне достаточно. А вот Нхарию нужна будет другая правда о лорде тэрко: не менее правдивая, но более выгодная для кхади. Если, конечно, этот «призрак новолуния» явится раньше, чем Кошка уйдёт с Кеилом²⁴, прожив долгую жизнь и вырастив внуков.

Она потянулась, зевнула и прикинула, сколько ещё до рассвета. Часа четыре уже прошло. Или призвать его, как в Теоттиной истории?

Призрак новолуния,
появись на голос мой,
именем Слепого!

Дверь едва уловимо шорхнула и открылась. Кошка от неожиданности дёрнулась, беззвучно хмыкнула, встала. Сказала «Доброй ночи, Призрак» как можно мягче.

Нхарий замер и медленно повернулся. Кошка вежливо поклонилась.

– И тебе доброй, – согласился наёмник, помедлив. Кошка с удовольствием отметила его досаду: проморгал.

– Могу я попросить о разговоре? – продолжила она.

Нхарий с сомнением огляделся.

– В этой выгребной яме?..

– Или в любой другой, – легко сменила тон Кошка. Нхарий задумчиво тронул недостающие пальцы, быстро глянул на дверь, скользнул взглядом по терпеливой Кошке и шагнул обратно. Кошка могла бы поручиться, что наёмник прикидывает, где искать новый схрон, и досадует и на себя, и на кхади. На себя в большей степени. Он небрежно открыл дверь и придержал, пропуская девчонку.

Внутри оказалось почти пусто. Толстые стены (голый камень), камин. Лежанка с несколькими пышными шкурами, стол без чернильницы, но с воском для печатей. Полки со свёртками, в которых под промасленной бумагой угадывалось оружие. Второй выход был скрыт, но явно был, потому что камин ещё тлел, а подвозить дрова через треугольный пустырь никак невозможно.

– Поджидала меня? – спросил Нхарий, зажигая лампу на столе. – Прикрой дверь.

– С заката, – сказала Кошка, прикрывая. Наёмник остро глянул на неё, усмехнулся.

– Не иначе, влюбилась: столько высидеть в этом болоте!

– Я то и дело в кого-то влюбляюсь, – безоруживающе улыбнулась Кошка. – Жаль, от дел это не освобождает.

Нхарий присел на край стола, всем видом показывая живой интерес к упомянутым делам. Кошка осталась у дверей, но как-то сумела принять вид непринуждённый и даже кокетливый. Может, дело было в кошачьем изяществе позы, а может – в расстёгнутой куртке, живописно сползшей с одного плеча.

– Кхад могла бы предложить тебе задание. Разумеется, ты можешь отказаться, если теперь ты отдаёшь предпочтение заданиям лорда тэрко...

Нхарий прервал её:

– В каком смысле – предпочтение?

Кошка с очень качественной небрежностью пожала плечиком.

– Последние четыре раза ты работал на ол Баррейю.

Нхарий шевельнул губами, потом сказал с некоторым раздражением:

– Я пока ещё наёмник, а не коричневый. Что у тебя за дело?

²⁴ ушёл с Кеилом – т.е. умер.

Кошка мысленно поздравила себя.

– Съездить в Ньюрио и забрать оттуда некоторые бумаги. За пять золотых, не считая дорожных расходов.

– Какие бумаги?

– Ты возмёмся?

– Между вами и тэрко я лезть не стану. Какие бумаги?

Кошка мысленно поздравила себя ещё раз.

– Об имянаречении герцогов ол Ньюрио. Род заглох, их может быть не очень просто отыскать, но очень просто забрать.

Нхарий пристально смотрел на неё, отыскивая в Кошкином лице подтверждение тому, что задание с подвохом. Кошка излучала искренность и обаяние.

– Если я отказываюсь? – вслух предположил он.

– То в Ньюрио поедет кто-то из наших и мы сэкономим пять золотых, – качнула головой Кошка. – Жаль, конечно: нам здесь людей не хватает. Это лорд тэрко может опытных людей отправлять даже на заведомо бесполезный обыск в каких-нибудь «Стрижах», только чтобы показать: война началась. А нас мало, да и со стороны стараемся никого не брать, только когда совсем рук не хватает...

Кошка подумала и поздравила себя в третий раз. На «заведомо бесполезном обыске» взгляд у Нхария определённо сделался жёстче. О заведомой бесполезности ол Баррейя ему явно не говорил. А наёмник сильно не любил чувствовать себя тем волшебным мечом из пословицы, которым дурак рубил капусту. Сильней он не любил только заказчиков, которые скрывают от наёмника существенную информацию.

– И ты не думай, – добавила Кошка, – что кхади станут тебя преследовать за отказ. Кто согласится иметь с нами дело, если мы не будем чтить подводные законы?

Нхарий помолчал. Провёл рукой над едва заметно чадающей лампой. И стал спрашивать подробности заказа.

Лис Загри

2272 год, 18 день 6 луны Пнд

«Чайная», Новый город, Эрлони

Гость от Лиса, передавший предложение встретиться, застал ол Баррейю за отдыхом: лорд тэрко в кои-то веки читал для души, а не для дела. Нельзя сказать, чтобы приглашение от подводника шокировало или возмутило лорда Нохо: из всех подводников он резко отрицательно относился только к паршивке, а к Лису Загри никаких особых счётов не имел. Подводники – обязательная часть любого крупного города, и лорд тэрко никогда не ставил целью искоренить их полностью. Кроме того, централизованные подводники – это куда более удобно, нежели разрозненные стайки. Лис Загри спокойно делал деньги, не всегда используя для этого легальные методы, но ол Баррейя казалось бы странным его за это упрекать: кто в грешном мире безгрешен? Да и не слишком серьёзными были эти грехи. Лорд советник ол Жернайра, например, приносил столичному бюджету куда большие убытки.

А кроме того, мотивы и цели Лиса были совершенно понятны, прозрачны и ни в малейшей степени не угрожали государственному спокойствию. Чего нельзя было с полной уверенностью сказать, например, о целях паршивки.

Словом, ол Баррейя не видел, почему двум умным, уважающим друг друга людям не поговорить о делах в приятной обстановке. Вот о месторасположении приятной обстановки у тэрко и Лиса несколько разошлись мнения. Знатоки и любители изысканного досуга, приятной беседы и дорогого чая ходили в «Маэтишеной», зная за этим домом славу самого утончённого места в столице на двух островах. О «Чайной» Нового города не вспомнил бы ни один из них; так и Нохо ол Баррейя впервые узнал о ней из письма Лиса Загри. Приглашение

несколько удивило ол Баррейю. Впрочем, удивление в данном случае шло только на пользу Лису: лорд тэрко был слишком заинтригован, чтобы не пойти на назначенную встречу. И уже на пороге «Чайной» понял, что встреча будет удачной, даже если не удастся разговор. Это заведение, безусловно, стоило того, чтобы в нём бывать. Оно отличалась от «Маэтишеной» не меньше, чем «Маэтишеной» от прочих заведений столицы, но между этими двумя местами было несомненное сходство. Пожалуй, какой-нибудь историк искусств из Арнера или Норри-ол-Те стал бы умно и многосложно говорить о тонком чувстве стиля, объединяющих эти два места, и об умении видеть неброскую красоту простых вещей вкупе с поистине императорским пренебрежением к их рыночной стоимости. Лорду Нохо не доводилось ни бывать в Тиволи, ни интересоваться историей искусств, так что он не распознал источник, из которого черпали создатели «Чайной». Он просто наслаждался. Иллирские полированные панели стоимостью в целое состояние соседствовали в «Чайной» с голой кирпичной кладкой. Тончайшей работы лампы свисали с тёмных от копоти грубых балок. Тяжёлые столы вблизи обнаруживали резьбу под тёмным лаком, а в дешёвой глиняной посуде было что-то, отчего пальцы сами тянулись ещё и ещё осязать их шершавую поверхность. Иллирская утончённость сходилась здесь с тяжёловатой кадарской основательностью на той зыбкой грани, где высшим изяществом оказывается безыскусность.

Едва ли Лис Загри был завсегдаем здесь, но он очень точно угадал, что именно может согдиться на роль хорошей взятки лорду тэрко, с его страстью к подобным местам.

Ол Баррейя позволил слуге провести его за раздвижные двери в отдельный кабинет. Лис уже ждал. При звуке открывающейся двери он отложил в сторону какой-то документ, с шорохом свернувшийся на столе, и встал, приветствуя.

– Впечатлён твоей смелостью, – сказал ол Баррейя, садясь напротив Лиса в кресло с плетёным сиденьем. – Не знать наверное, что лорд тэрко не приведёт рыбаков – и явиться...

Загри улыбнулся крупными бесцветными губами и покачал головой. Сцепил руки перед собой на столе, так что широкие рукава скрыли их полностью. Иллирский жест, как и иллирская одежда, были у Лиса естественней, чем у иного иллирца.

– Не обижайте старика, лорд Нохо. Пусть он останется при своей осторожности, а смелость отдайте мальчишкам. Дело не в моей смелости, а в вашей репутации.

– Хорошая вещь – репутация, – согласился ол Баррейя. – Если с умом её копить и с умом расходовать, многие подлости удастся сохранить в тайне. Но к делу. Насколько я знаю твою репутацию, ты не любитель пустых церемоний.

Загри склонил голову.

– Я полагаю, – сказал он, – для вас не тайна, что не все доходы удачливого торговца – плоды удачной торговли.

– Безусловно, – сказал ол Баррейя. – Более того, мне крайне любопытно, с кем я сейчас разговариваю: с почтенным купцом и банкиром Загиршем Ченгой или же с Лисом Загри.

– В этом деле у них общий интерес, – прикрыл глаза Загри. – А дело в том, что у обоих этих людей та же проблема, что у лорда тэрко. Эта проблема зовётся Кхадерой.

Загри сделал паузу, следя за собеседником. Ол Баррейя не шевелился; но Лис ясно видел, как тот напрягся.

– Уверен, вы и сами думали об этом. Кхадри слишком быстро забрали слишком много силы. Я поставлю всё своё имущество против черепка: ещё немного, и они захотят пойти выше. Им уже сейчас тесно в подводниках.

Ол Баррейя молчал, глядя пальцами бок глиняной чашки. От чая поднимался мягкий пар.

– О том, как нестабильна Империя, вы знаете лучше меня. Если так пойдёт дальше, нас ждут беспорядки. Если не гражданская война. Самое время для авантюристов.

– Не вижу, чем это плохо для тебя, – усмехнулся ол Баррейя. – Разве не о вашей братии сказано: «богатеют в войну и наживаются в недород»?

– Я бы не прочь заработать на чужой войне, – спокойно кивнул Загри. – Но жить при этом надо в мирном крае. К тому же, в войну убивают. А на что мне деньги, если я уйду в тот мир, а они останутся в этом?

Ол Баррейя ещё задумчивей тронул глину. Загри молчал.

– И чего ты хочешь? – спросил герцог.

– Избавиться от кхади.

– У тебя есть определённый план? – ол Баррейя чуть прищурился с явным скепсисом.

– Нет. У меня есть деньги, у вас есть закон. Если мы выждем удобный момент для удара, план на этой основе разработать можно.

*Дхонейдо о-Баррейя
2272 год, 26 день 1 луны Пин
«Баини», Эрлони*

На резную деревянную панель падал мягкий рыжеватый свет, обещая скоро ослабеть и смениться сумерками. Свет не подчёркивал грани предметов, а мягко облегал их, сглаживал, смазывал, делая нечёткими. Тени в резьбе казались живыми и осязаемыми, словно домовая родня туманниц, словно тихо дышали и ждали прикосновения.

Дхонейдо о-Баррейя отвёл глаза от стены и заставил себя взглянуть на широкий прямоугольник окна. Отец не скупился на отделку «Башен», и в окне было настоящее стекло в частом бронзовом переплёте. Не слюда – стекло; и заоконный мир проступал почти чётко, позволяя различить не только цветовые пятна с неясными контурами, но и некоторые детали. Тем не менее, разобрать, что это за тень дробится у левого края окна, Онею не удалось. Мальчишка завозился на высокой подушке, потом взял себя в руки и отвернулся, лёг на бок, спиной к окну, игнорируя тени.

«Я не трус, не трус, не трус...» – повторял Оней, стискивая зубы. Плечо, выглядывающее из-под одеяла, начало мелко вибрировать от напряжения.

«Не трус, а дурак! – разозлился Оней. – Не отворачиваться надо, а быть наготове, расслабиться и сосредоточиться...»

Он перевернулся на другой бок, следя за тем, чтобы не налегать на плечо и уложить ноги так, чтобы можно было вскочить одним движением. Стал следить за дыханием, вспоминая упражнения на расслабление. Чувство, которое Оней отказывался признать страхом, ушло из рук и ног и сконцентрировалось в лёгких.

Медленно сгустились сумерки, чтобы потом резко обернуться ночной теменью. Оней не спал. Он давно знал, конечно, что в мире люди умирают и убивают, что ночью на улицах небезопасно. Но вот что сам живёт в том же мире, что смерть может случиться и с ним тоже... Если Оней и знал это, знание было сугубо академическим, не имеющим никакого выхода на практику. А его мир – мир наследника лорда тэрко – исчез, не оставив на память даже брызг или обломков.

Он любил бродить в одиночку по ночному Эрлони – до недавнего времени. Когда тебя каждый день окружает целая орава, это здорово действует на нервы: особенно, если из этой оравы тебе ни одно лицо видеть не хочется. Кроме, разве что, мамы, но и с ней особо не поговоришь. Не об узорах же для рукава. А о механике она сама слушать не станет. И правильно сделает – зачем ей механика?

С отцом поговорить – другое дело. Когда отец дома и когда он дома не по делу, у него случается свободное время, которое можно потратить на разговоры с сыном. Пару лет назад, когда отец ещё не был лордом тэрко, свободное время у него случалось существенно чаще...

Дхонейдо о-Баррейя вздохнул и укутался плотнее. Именно потому, наверное, он так полюбил прогулки: не столько за само брожение по улицам, сколько за то, что в финале Онея ждал кто-то, с кем можно поговорить. О-Баррейя совершенно точно знал, что мать этого знакомства не одобрила бы: наследнику герцогского рода не пристало знаться с каким-то подмастерьем. А вот отец, наверное, ничего не имел бы против. К нему постоянно по делу и без дела заходит очень разношёрстная публика. Отец судит не по родовым знакам, а по словам и делам человека. Потому, например, с ол Лезоном (хоть тот всего только граф, да и то откуда-то из провинции) говорит много и подолгу.

Не то, что с неуклюжим и бестолковым наследником.

Шагая по улице, Оней то и дело насуплено косился на встречаемых. Наследника назойливо преследовало подозрение, будто прохожие могут подслушать его мысли и облить его заслуженным презрением.

С новым знакомым, подмастерьем, кстати, этого подозрения не было. И вовсе не из-за разницы в положении. Просто. Болтая с приятелем о чертежах, сортах бумаги и разных архитектурных стилях, Оней меньше всего думал о разнице в положении. Если и думал, то о том, как повезло, что заказывать отцовский портрет он пришёл именно в лавку мэтра Астиваза, иначе так и не было бы никого, с кем спорить: чем больше руководствовались строители Веройге – пользой или красотой. Правда, с Мийгутом тоже не всё удавалось обсудить. Баллистикой ученик каллиграфа не увлекался, а вычисления нагоняли на него тоску. Зато рисованием, черчением и умением отличить классический имперский стиль от новоарнакийского подмастерье о-Баррейя не уступал ни в чём. Но одного этого не было бы достаточно для начала дружбы, поскольку Оней под страхом смерти не сумел бы запросто начать общаться с кем бы то ни было, будь то даже нищий или раб. Зато запросто общаться умел Мийгут, когда хотел, – хоть с церковными иерархами, хоть с наследником герцога. Потому мэтр Астиваз и оставлял на него лавку со спокойной душой: знал, что мальчишка справится с любым клиентом.

Так что это не Оней сдружился с Мийгутом, а Мий с Онеем: Мий вообще слабо себе представлял, как можно не сдружиться с человеком, который забегает в лавку десятый раз за неполную луну. А не забегать Оней не мог: мэтр Астиваз быстро понял, что о-Баррейя деньги считать не умеет, торговаться – тем более, а потому при встрече говорил, как тяжело идёт работа, как много времени и сил забирает, и как хорошо было бы доплатить за срочность. За те деньги, что он вытянул из мальчишки, можно было написать не то что копию с готового портрета на медальон, а новое полотно на всю стену дворцовой приёмной залы. О-Баррейя смутно об этом догадывался; потом и точно узнал от Мийгута, что переплатил в несколько раз, но не особо расстроился. Главное, что портрет отца – будет...

Оней зажмурился и сжал здоровой рукой край одеяла, когда плечо опять проткнул горячий штырь. Мальчишка осторожно выдохнул. Перевернулся на здоровое плечо, уткнулся лицом в горячую подушку и зажмурился ещё сильнее. Хотелось не кричать – визжать, как щенок под колесом телеги. Подушка из горячей быстро становилась горячей и мокрой, как ни жмурься. И, как ни жмурься, хотелось съёжиться и спрятаться не то в сундук, не то за ширму, чтобы не ждать плечом ещё одной стрелы, как в тот вечер. В тот вечер (мелкий дождь, пятна света в дожде, мокрый блеск мостовой и дверных ручек) он как раз шёл из лавки Астиваза. Что-то толкнуло сзади; так, что от толчка Оней упал ничком, едва успев подставить руку, когда мокрый кирпич мостовой встал дыбом и кинулся в лицо. Тогда было проще: тогда не было больно. Только мутно, и почему-то не удавалось встать. И слышалось чьё-то:

– Дай я!

– Ты стреляла, теперь я!

– И что, что стреляла? За Треплю его ещё раз триста надо убить! Жалко, что у лорда тёрко один-единственный сын!

– Дохлик! – раздалось совсем близко. Издевательски и с такой ненавистью, какой Оней не сумел бы и представить. – Подарочек будет лорду тэрко к празднику. Глядишь, ещё и спасибо нам скажет, что такого размазню прибили.

«Подарочек» у них не получился. Пока голоса переговаривались над Онеем, на углу показался коричневый патруль, узнавший о-Баррейю по одежде. Как стало ясно потом, спасла его не только эта случайность. Первая была – металлическая бляха на плаще. Стрела скользнула по ней и попала только в плечо, а не в сердце.

Отец, увидев знак на стреле и услышав со слов Онея слова стрелявших, был в бешенстве. Сам Оней причину этого понял плохо. Вся история казалась мутной и нереальной, и пахла жутью, как те истории, что рассказывал Мийгут. Единственное, что Оней понял, это что хотели, убив его, за кого-то отомстить отцу. Обидней всего было, что за убийство такого несуразного наследника и правда впору благодарить. Конечно, никто и никогда Онею прямо не говорил, но можно же и самому увидеть, что ничего путного из тебя не выходит. Уж сколько бились с тобой учителя фехтования, верховой езды и прочих дворянских искусств! А толку пшик. Хоть с тем же фехтованием. Сильно оно помогло от стрелы?

Это бы ещё терпимо, ведь можно добиться своего не войной, а умом. Но когда отец брал наследника на какой-то крупный приём в Веройге, Оней не понимал практически ничего из того, что говорилось. Ол Баррейя что-то разъяснял потом, дома, а Оней не знал, куда себя деть от стыда и унижения.

Примерно так же, как и теперь, после злосчастной стрелы. Отец приходил навестить его, они виделись гораздо чаще, чем когда бы то ни было раньше. Но Оней почти всерьёз жалел, что не умер: то был просто наследник-бестолочь, а теперь ещё и невезучий остолоп. Взрослый, а приходится с ним возиться, как с младенцем, только что пелёнки не менять... Не обязательно быть о-Баррейёй, чтобы такое положение вещей бесило. А Оней очень хорошо представлял, что такое ол Баррейя. Отец вот – настоящий ол Баррейя. Оней его побаивался, хоть нельзя сказать, что отец был излишне строг. Он вообще редко проявлял свою власть, но робость вызывал постоянно. Может, из-за того, что всегда держался с непоколебимым достоинством, и ему совершенно не требовалось для этого унижать кого-то другого. Он требовал полного и безоговорочного подчинения – в первую очередь, от самого себя. И он этого подчинения добивался.

Оней держал в памяти несколько эпизодов, которые казались ему особенно выразительными иллюстрациями к отцу. То, что в этих эпизодах не было ничего исключительного, ничуть Онея не смущало. Как раз накануне той стрелы его коллекция эпизодов пополнилась.

За столом были только свои: отец, мать, дядя по матери и Оней. Беседа текла неспешно и размеренно, о чём-то из имперской политики на северо-восточных границах. Оней не вслушивался, глядя на отца. Возможность видеть его весь вечер кряду выпадала редко, и о-Баррейя хотел вполне использовать её. Как отец держит голову, как он одни и те же слова может сделать похвалой и оскорблением – в зависимости от интонаций. Как он скептически щурится или изящно держит чайную чашку длинными пальцами. Наверное, потому Дхонейдо и заметил то, чего не заметили мать и дядя. Даже служанка, совсем молоденькая девочка, из недавно взятых в дом. Она разливала горячий чай по чашкам. Из чайника поднимался густой пар, и девочка засмотрелась то ли на этот пар, то ли на портьеру, но кипятик из-за её небрежности щедро плеснул на герцогские пальцы. Оней беззвучно ахнул и дёрнулся... Ол Баррейя продолжал говорить о туманах над восточными болотами и сложностях войны при тамошнем бездорожье. Пальцы, мягко обнимавшие чашку, даже не дрогнули. Девочка-прислуга заметила оплошность чуть позже о-Баррейи и ужаснулась так явно, что привлекла бы всеобщее внимание, если бы не жест герцога, отославший её из комнаты...

Плечо опять дёрнуло резкой болью. Оней впился зубами в подушку, чтобы не взвыть. Подушка была горячей, мокрой и солоноватой. О-Баррейя выплюнул прорвавшийся из подушки пух и сел в кровати, обняв себя за колени одной рукой и стараясь не беспокоить

другую. Объективно говоря, ему ничего не мешало спокойно поплакать: в соседних комнатах всё равно никого не должно быть. Но ведь дело совсем не в том, что подумают абстрактные «они». Дело в том, что подумает конкретный Дхонейдо о-Баррейя.

Больше всего на свете Оней хотел, чтобы отец его уважал. Но он скорее съел бы учебник баллистики, чем сказал бы отцу это. Потому что был твёрдо убеждён: нет ничего нелепей, чем требовать уважения, когда уважать тебя не за что.

Синий

2272 год, 9 день 2 луны Пин

Эрлони, в городе и рядом

Умник, хоть и зыркнул хмуро, но встал, расчехлил альдзел и уселся на край стола. Ани захлопала ладонями по лавке, повизгивая от восторга совершенно по-детски. Даже Кейя улыбнулась, а Синий подумал, что если Умник действительно сыграет плясовую... Ему казалось, что в этом есть что-то нечестное по отношению к Треплу, что ли... Он поймал себя на том, что ищет глазами Лайю, посмотреть, что она об этом думает. Не нашёл. Не хотелось Синему слушать весёлую музыку на альдзеле Умника, когда точно знаешь, что Трепло ему уже никогда подыграть не сможет.

– Спасибо, – сказала за всех Кошка. – Заранее.

Умник закрыл глаза и зачем-то облизнул губы, трогая струны пальцами. Струны сначала отозвались тонким, непрочным звуком, который ткнулся куда-то в стену и увяз там. Умник ещё раз облизнулся, открыл глаза и заиграл. «Вьюн», любимый танец северных провинций, обычно играли задорно и громко, отчего некоторые эстеты находили мелодию слишком вульгарной и простонародной. У Умника она выходила как-то иначе. Хоть это и был, несомненно, вьюн, но как-то тоньше и чётче, что ли. Умник убрал часть переливов и завитков, спрямив мелодию, и то, что осталось, зазвучало ярче и глубже, и в дурацкой плясовой вдруг повеяло тишиной и прохладным звоном лесного ручья в летней траве.

Ребята молчали, зачарованно. Потом Кошка толкнула в бок илирца:

– Нарк! – тихо окликнула она и головой качнула на середину кабака, свободную от столов – и от танцоров пока. Мол, давай, кто тут у нас танцор! Нарк замаялся, Кошка ехидно взглянула на него с прищуром и вышла сама, подоткнув верхнюю арнакийскую юбку повыше, а нижняя и так оставляла щиколотки открытыми. Кошка дождалась начала музыкальной фразы – и пошла мелким перебивчивым шагом, который со стороны кажется проще простого. Он и некоторым танцорам кажется проще простого, только на этих танцоров отчего-то глядеть не хочется, хоть и верно вытанцовывают, вроде. У них не вьюн выходит, а просто отдельные шаги, рассыпающиеся без толку. Кошкин вьюн тёк, вился, распускал листья, смешливо ёжился от ветра и стряхивал росу.

Умник играл быстрее, Кошка ускоряла шаг, не давая музыке уйти вперёд. Нарк (который недавно обзавёлся зимней одеждой и был теперь франтовитей всех кхадии вместе взятых) всё-таки не выдержал и вскочил тоже, но не вьюном почему-то, а кадарским здаалманом, «костром», когда танцор бьётся огнём на ветру, скачет, гнётся и крутится, с ног на руки и обратно, и только что не кубарем, и всё это – ни на полшага не сходя с места. И этот неожиданный костёр так точно попал с вьюном под один ветер, что Умник сам чуть не сбился на ползвук.

Когда они дотанцевали и уселись обратно, под общий восторг и счастливые, Синий проводил их глазами, чтобы услышать, как Хриссэ говорит: «Всё-таки, до чего ты здорово танцуешь, Нарк! Научишь?» – и увидеть, как Нарк опешил настолько, что чуть не сел мимо лавки.

– Н-научить?

– Ну да! А то я только нлакку умею, да и на той пятками за уши цепляюсь. Не за свои, так за конские²⁵, – скалился Хриссэ. – Стыд да и только!

– А...

Лицо у илирца было такое, как будто куски синей эмали с неба стали вдруг отваливаться и падать ему на голову прямо сквозь кабацкий потолок, со звонким хрустом разламываясь на темечке. Хриссэ это явно забавляло, хотя, по мнению Синего, Нарка можно было понять: чтобы пыльник кого-то о чём-то нормально просил, да ещё и младшего...

– А что не так? – продолжал веселиться Хриссэ. – Я, вон, драться умею лучше – учу же тебя. А ты танцуешь лучше. Научишь?

– А... Да... Хорошо...

Синий посидел ещё немного, поглядел, как в одном углу кабака назревает драка, к явному удовольствию явно нарывающихся Близнецов. Умник сидел, уронив руки на альдзел. Кошка с Хриссэ о чём-то смеялись и заговорщицки шушукались, искоса поглядывая на что-то или кого-то в дальней части зала. На что именно, Синему видно не было. Да и не хотелось смотреть. На душе было как-то погано. И почему-то не давал покоя вопрос, куда подевалась Лайя. Синий поднял кружку с дешёвой огнёвкой, понюхал, сморщил нос, поставил обратно и решительно встал. Протискиваясь между стеной и скамьёй к выходу, он нечаянно толкнул Теотту. Она сидела на столе, скрестив ноги и о чём-то задумавшись. На толчок недовольно обернулась, сверкнув яркими почти до голубизны белками глаз в полутьме кабака. Синий неожиданно для себя стушевался под взглядом, решил отчего-то, что неловко просто отвернуться и уйти, и спросил:

– Лайю не видела?

– Видела, – уронила Теотта с таким видом, будто делает Синему огромное одолжение, отвечая. – Она в «Нору» ушла, с недобитком этим поругалась.

Синий вопросительно поднял бровь; Теотта изволила пояснить:

– С Нарком.

– Почему это он «недобиток»? – удивился Синий. Теотта пружинисто спрыгнула со стола, почему-то совершенно беззвучно, словно и не было на ней всех этих браслетов-тесёмок-подвесок-цепочек...

– Потому, что я его всё никак не добыю толком. Вечно кто-то мешает. Пойдём наружу.

Синий малость опешил, но спорить не стал. Только попробовал неуклюже подначить:

– А что Кхад драки запретила – тебя не беспокоит?

– Беспокоит, – буркнула Теотта, продираясь к выходу среди шумных столов и не давая себе труда обернуться к собеседнику. – Не запретила бы, я бы давно недобитка добила. И сразу стало бы спокойней.

Синий споткнулся о чью-то ногу, ругнулся, ткнул кого-то в бок локтем, оказался на сравнительно свободном пространстве и поспешил догнать Теотту.

– А чего ты вообще к нему вечно цепляешься?

– Он предатель, – отрезала Теотта, выходя из кабака наружу. Синий оторопело на неё вылутился, застряв в дверях. Забыл даже поморгать, когда в глаза ударил свет пасмурного дня, ослепительно яркий после кабацкой полутьмы.

– Это ещё почему? Он что, кхад предал?! Когда? Почему ты не сказала?!

Теотта раздражённо дёрнула его с порога и закрыла дверь.

– Никого он ещё не предал. Я не говорю, что он предал! Я говорю, что – предатель!

– Ффу. Ничего не понял. Как это?

Теотта вздохнула, махнула рукой в смысле «идём» и стала объяснять на ходу, хоть и с видимой неохотой.

²⁵ имеется в виду сойгийская поговорка, что настоящую нлакку нужно танцевать в седле.

– Предателями не становятся. Предатель – он всегда предатель, даже если ещё не предал. Он всегда предатель.

Синий хмыкнул.

– А если человек один раз, давно, кого-то предал – он всю жизнь будет предатель, даже если ошибся за всю жизнь всего один раз?

– Дурак! – разозлилась Теотта. – Он всю жизнь будет предатель, даже если так и не предаст никого ни разу. Просто потому, что он предатель, потому что может предать, потому что это его природа! Лайя, вон, и та поняла. И нос ему расквасила!

– Что? – Синий рассмеялся. – Лайя? Нос? Имей совесть!

– Он сказал, что Трепло умер насовсем, и все мы умрём насовсем, – сказала Теотта, подбрасывая на ладони нож в такт словам. Нож ровно подлетал и тихо шлёпался обратно, так же плашмя, поперёк ладони. – Что сколько можно из-за этого со скорбными рожами ходить. И что теперь хоть потише стало.

– Э...

Синий запнулся. Сглотнул, набылчился и повернул было в обратную сторону.

– Да я... Да я его...

Теотта издала что-то похожее на короткий рык и щедро отвесила ему подзатыльник свободной от ножа рукой.

– Ай, дура!

– Сам дурак! – фыркнула Теотта, пряча нож.

– Да уж, все дураки, одна ты умная! – скривился Синий, потирая макушку.

– Вот именно, – досадливо сказала она, шагая дальше. – Знал бы ты, как мне это надоело!

– Какого пепла, Теотта?! – Синий догнал и схватил её за локоть. – А какого пепла ты тогда это говоришь? Сама говоришь, что он предатель, а стоит только...

Теотта стояла, вроде бы, неподвижно, но локоть её каким-то образом из хвата Синего высвободился.

– Хватит уже! – прикрикнула она и покачала у Синего перед носом пальцем. Рукав широкой арнакийской накидки, как и браслеты под ним, скользнул к локтю. – Хватит того, что вы о-Баррейю подстрелить пытались! Мстители недорезанные! Хорошо хоть, не убили!

– Ты... – Синий шагнул к ней, щерясь от ярости. – Дым и пепел! Да я бы весь этот проклятый дом вырезал, и то мало было бы!

– Нет уж, мало никому бы не показалось! Ол Баррейя нам помогать должен через пару лет, а вы со своей мстостью дурацкой! Если б вы мальчишку убили, вообще всё наперекосяк пошло бы!

– К-какой «помогать»?.. – Синий мотнул головой, ловя луч на серьгу. – Чего «наперекосяк»?.. Ты чего, спятила? С чего бы он нам помогал?..

– С того, что так правильно! – отрезала Теотта. – А вы бред всякий делаете, который вообще никуда не вписывается!

Она резко повернулась, метя косичками по своим плечам и отчасти по Синему. Тот отшатнулся.

– Идешь – идём, – не оборачиваясь, буркнула Теотта. – Только молча.

Синий полагал, что они идут домой или в «Нору» к Лайе, на худой конец. Но Теотта уверенно пошла к порту, потом оставила порт справа, почти бегом перешла по хлипкому подвесному мосту в Новый город и вышла через Сосновые ворота на старую, разбитую дорогу, которая дальше к юго-западу впадала в новый Южный тракт на Нори-ол-Те и дальше, сквозь Кадарский лес, через границу.

Синий оглянулся на Эрлони. Стена Нового города едва ли вызвала бы почтительный восторг у приезжих. Близнецы рассказывали с чьих-то слов: когда-то давно, лет семьдесят тому как, её отстроили после очередного пожара. Тогда стена была частоколом и сгорела почти пол-

ностью. Частокол пришлось заменить кирпичной кладкой. Тогдашний тэрко едва ли обрадовался такому повороту, и существенно сэкономил на постройке, обойдясь местным кирпичом, и самым дешёвым. Век дешёвого кирпича оказался недолог. К тому же, и жители Нового города (а припортовой его части – в особенности) смирностью не отличались. Так что то здесь, то там стена начала разрушаться уже порогов через двадцать после постройки. Дыры заделывали саманом, деревом...

Синий оторвался от созерцания стены, обнаружил, что Теотта уже прилично ушла вперёд, и побежал следом. Стена была похожа на «Лисью нору». Да и на Логово тоже. Где-то что-то обвалилось – залатают, кем придётся, и забудут. Синий мотнул головой и почесал серьгу. Наверно, и правильно: чего вспоминать? Всё равно не вернётся.

Дорога была мокрой и склизкой от намытой с обочин земли – желтоватого суглинка с мелкими камешками. И лужи между, а кое-где – снег, ещё не растаявший и не размешанный в кашу прохожими ногами. Холмы по сторонам были не лучше. Снега хоть насыпалось, но мало, и теперь холмы всё не могли решить, быть ли им рыжими от жухлой травы – или же сдать зима и побелеть. Кое-где они плевали и на то, и на другое, выпячивая из-под снега или тёмно-бурую грязь, или белёсый камень.

Молчать Синему к этому времени порядком надоело. Да и шагать тоже. Но тут ему, можно сказать, повезло: и четверти часа не прошло, как Теотта резко свернула и полезла в гору справа от дороги, напролом, по скользкому глинистому склону. Пока они добрались до вершины, Синий успел один раз поскользнуться и выпачкать левую штанину, вспомнить несколько сочных ругательств и как минимум четырежды задаться вопросом, с какой стати Теотте приспичило сюда лезть.

Она, впрочем, и сама не знала, чем ей глянулся именно этот холм. Может, и не было в нём решительно ничего особенного, кроме остатков чьего-то дома. То ли усадьба, то ли охотничий домик, то ли часовня – поди разбери теперь, когда остались только полуосыпавшиеся стены из кирпича на каменном фундаменте. Может, ей просто понравилась идея укрыться здесь от ветра. А вернее всего будет сказать, что никаких идей у Теотты не было вовсе. У неё вообще редко бывали идеи. Она просто знала, что так сейчас будет правильно. А логика – ерунда и костыли для безногих. Вот эта вершина холма – Центральная равнина. Этот кусок каменного пола – гладкий, хоть и выщербленный кое-где, но ещё крепкий, – это Империя. Пройдёт ещё сколько-то порогов, пройдут снега, грозы, жара и туманы, и он искрошится окончательно. Если, конечно, никто не придёт отстроить заново. Если нет, то весной, когда потеплеет, из углов бывшей комнаты, где уже ничего не осталось от пола, наплзёт вьюн, намочит земли, пробьётся жёсткая трава, разламывая старую грубоватую кладку. Теотта присела на корточки и погладила мокрый камень. Вот эта плита, поглаже и покрепче прочих – Кадар. Вот уцелевшая полировка на краях двух плит: это Сойге и Тиволи, юго-западная имперская окраина и северо-западная – кадарская. Вот этот обломок камня, который чуть выступает над имперской плитой, если провести по ней рукой, на самом деле сидит куда прочней, чем кажется со стороны. А если раскачать его и вынуть – раскрошится плита вокруг, и трава, дожди и ветер сделают своё дело существенно скорей. Это Мастер Джатохе. Белая мелочь рядом. Лыдисто холодный и бритвенно-острый осколок старого стекла (шиковали в этом домике!) – ол Баррейя. Чуть ржавый на шляпке, но вполне ещё годный гвоздь – ол Лезон.

Чёрные горошинки подсохшего крысиного дерьма и подгнивший жёлудь точно в центре плиты. И два репья там же, один поменьше, другой побольше. Это окружение Его Величества, с бестолковым советником ол Жернайрой и пронырливым выскочкой нка-Лантонцем.

Где-то за спиной мученически вздохнул Синий и завозился. Видимо, умащивался на куске стены посуше. Молча – и то хлеб.

Каменной крошкой – плоть от плоти Империи и дух от духа её – был Лис со своими лисами. Был сухой виноградной плетью мэтр Ошта: от жёлудя-императора-Нактирра – к мок-

рой земле за пределами плит. До весны жёлудь растеряет в снегу и воде остатки своей скорлупы и – кто знает – может и прорасти на хорошей почве...

А Кхад в раскладе не было. В некотором смысле. В другом смысле она в раскладе совершенно точно была: морозом, после которого придут дожди и ветер и жара, и который в попытке закалить камень, как закаляют клинок, искрошит его – потому что это не металл, а камень.

Были на сухом камне жёлтые липовые листья под цвет Кошкиных волос, вперемешку с мелкой серой пылью – общий фон, эфемерная связующая субстанция для основных кучек этого мусора. И много ещё всякого было – мелкого и крупного. Незаметного и неважного сейчас, но готового вступить в игру всего парой сезонов позже. Или наоборот: значимого сейчас – и обречённого на исчезновение через пару порогов.

А вы говорите, «шаги». Что «шаги»? В шаги, вон, и ол Жернайра неплохо играет. И всё у него просто: эта фигура ходит так, эта иначе, а других фигур и вовсе не бывает.

Синему окончательно надоело любоваться попеременно то пасмурным небом, то чёрным Теоттиным профилем на фоне выщербленной стены. Сидеть на камне было, между прочим, холодно.

– Теотта... – позвал Синий. Она не шевельнулась. – Теотта!

Она недовольно повернула голову.

Впрочем, конечно, волновал его вовсе не холод. И не Умникова игра, когда Трепло ему уже не подыграет. И не дурацкие слова Нарка, и не обида на него Лайи, и не развалины этого старого дома на мокром холме, и даже не то, что Теотта зачем-то потащила его с собой, а теперь сидит и пялится себе под ноги, словно ничего важнее нет, и Синего здесь тоже нет. И не надвигающаяся непогода – это уж совсем смешно было бы. Ничего это в отдельности волновать не могло. И всё-таки было беспокойно. Сильно беспокойно. И неудобно. Не под тяжёлым, сквозным каким-то взглядом Теотты, хоть обычно её Синий и побаивался. Не в том дело. А только неудобно и...

– Это... – сказал Синий. Получилось сипло – пришлось кашлянуть. – Это ведь неправда, что после смерти от человека ничего не остаётся?

– А я откуда знаю?

– Ну... Ты же всё такое знаешь...

– Ничего я такого не знаю, – буркнула Теотта и снова отвернулась. И что она там рассматривала? Мусор?

Синий шумно втянул воздух, почесал ухо с серьгой и неловко сказал:

– Но ведь... Слепой же в посмертии судит... и плату назначает... Значит же, есть что-то... посмертие...

Теотта фыркнула. Синий вскинул голову, потом опять опустил глаза на измазанные глиной сапоги.

– В Дазаране в Слепого не верят?

– Не верят, – сказала Теотта. Она никогда не была в Дазаране, и о его вере знала только с чужих слов. Хотя и неплохо.

– Но в перерождение там верят?

– Мм...

– Тогда же, значит, тоже что-то по смерти есть...

Теотта сердито выдохнула сквозь зубы.

– Может, есть. А может, нет. А если есть, то будешь ты деревом после смерти. И что, это будешь ты? Или даже человеком, но каким-то другим, и себя помнить не будешь. И толку тогда? Или вообще кости на кострище. Где в них ты? Лежат себе смиренно, молчат и никому не мешают!

Синий обиделся и молчал с четверть часа, глядя с холма вниз, на то, как из-под тонкого снега проглядывает зелень, и как темнеет дорога к Эрлони. Теотта переложила что-то малень-

кое с места на место и снова замерла. Можно было подумать, что её и вовсе здесь нет. Трепло так никогда не умел. Его всегда было много. Даже когда в засаде сидели. Он непременно или тихим эрликом²⁶ смешные байки рассказывал бы, или рожи принялся бы корчить, и сколько его ни отчитывай потом Умник, в другой раз вёл бы себя так же точно.

Сейчас он бы уже давно не утерпел. Слепил бы снежок, хитро подмигнул бы – и вклеил бы Теотте в затылок, а потом с воплями бегал бы от неё по всему холму, разбрызгивая грязь и на бегу отстреливаясь снежками.

Синий моргнул и дёрнулся, так явственно ему увиделся Трепло на фоне старой стены, запыхавшийся и растрёпанный, с волосами, липнущими к мокрому от снега лицу.

От-стрел-иваясь.

– Теотта... А привидения? Раз они есть, значит, что-то же есть после смерти? Не мо...

– Ни разу не видела живого привидения! – отрезала Теотта.

– ...не может же быть, чтобы ничего не было!..

– Слушай! – Теотта яростно на него уставилась. – Ты чего сюда припёрся? Тебе поговорить не с кем? Чего ты за мной увязался?

Синий опешил.

– Т-ты позвала... Сама же позвала!

– Я? Не звала. Иди отсюда. Хуже Трепла трепло, пепел тебе в душу!

– Значит, она всё-таки есть? – упрямо спросил Синий себе под нос.

– Иди отсюда! – рявкнула Теотта. Синего как сдуло. Он потом ещё думал: то ли это он сам с перепугу так драпанул, то ли Теотта колдунство какое колданула...

...Но ведь не может быть, чтобы его больше совсем нигде не было? Ведь так же не бывает, чтобы что-то исчезло совсем? Ведь, если откуда-то что-то исчезло, оно же исчезло куда-то?

Или стало чем-то другим. Как мир становится пеплом, когда ему приходит время умирать...

Синий передёрнул плечами и побежал со склона вниз, быстрее, ещё быстрее, чтобы не дать себе додумать.

Лорд

2272 год, 25 день 2 луны Пни

Логово, Собачница, Эрлони

– Я ж не потому с тобой говорю, что у меня какой-то зуб на кхади, – доверительно говорил Лис Загри. Один из его подручных, имени которого Лорд не знал, в такт словам своего головы шевелил пальцами на коричневом щербатом столе. Ногти на пальцах были желтыми с чёрной каймой грязи. Лорд поймал себя на желании украдкой проверить свои. Он скучал. Лис, о котором Лорд совершенно точно знал, что тот прекрасно образован и не любит подводных словечек, лишних церемоний и дипломатических хитростей, терпеливо ходил кругами. Видимо, считал Лорда за что-то вроде Чарека, безухого, вот и водил рыбину, прежде чем попытаться подсесть. Рыбина сонно смотрела, ничуть не собираясь глотать наживку. Лис последовательно прошёл уже через этапы «чувствуй себя, как дома», «ты мне всегда нравился, потому что умный парень», «ясно, что когда-то не захочешь быть на вторых ролях» и мусолил предпоследний: о том, как подозрительно исчезла Кхад как раз тогда, когда новый тэрко настолько обнаглел. Эта часть его речи оказалась особо неприятна, поскольку исчезла Кхад и правда очень не вовремя. То есть, началось всё вполне нормально, мало ли, куда ей понадобилось отлучиться, а о планах своих она никогда не распространялась. Ушла и ушла, благо

²⁶ эрлик – «общий язык»; пиджин с упрощённой грамматикой, в котором смешались слова практически всех основных языков. Используется преимущественно купцами, контрабандистами и бродягами. Письменности не имеет. Тихий эрлик – интернациональный язык жестов. Слабо варьируется в зависимости от региона.

работы хватает и без авральных заданий. На второй день Кошка явилась хмурая и сказала, что в «Башни» с дипломатическим визитом наведывался кто-то из лис, о чём известно даже Вайешу. Откуда напрашивался вывод, что наглость ол Баррейи Лиса Загри скорее радуется, чем огорчает. И вывод, что кхад по этому поводу радоваться нечему. Старшие насторожились и развернули поиски Кхад, в которых из старших не участвовал разве что Наркаф, потому что из него шпион хуже, чем из Кошки – портовый грузчик. От Кошки, впрочем, Лорд никаких новостей пока не слышал, сам тоже ничего не нашёл, а чем занимался Хриссэ, не знал никто. Судя по тому, что пыльник молчал, у него пока результаты занятий сводились к выражению гордого всеведения на занятом лице...

На третий день Воробей не выдержал и кинулся искать Кхад, никого из старших не спросив. Добился он этим того, что на четвёртый день оживившиеся ребята Безухого вылезли откуда-то, как ни в чём не бывало, и бродили по чужой территории, пытались раздолбать стенку склада Креча-винодела, за что и были биты Теоттой, Наркафом и Близнецами. Этот день был пятым днём отсутствия Кхадеры, и Лорду самому временами хотелось бежать на поиски и спасать, потому что ведьма почему-то начинала казаться просто усталым ребёнком, которого надо научить улыбаться. А Лис вызывал стойкое желание вскочить и дать в зубы. А потом кинуться искать пропажу: не так, как до сих пор, с осторожным нащупыванием информации, а глупо, поворобыному, бегать с выпученными глазами по столице и окрестностям, хлопать крыльями и вопить: «Кхад!» – в надежде, что откуда-то из подвального оконца высунется знакомая голова с коричневыми прядями, коротко и неровно стриженными. И скажет...

– А как выясните, кто из вас на её место головой станет, так ты знай: я поддержку чин чинном обеспечу.

За предложение поддержки Лорд поблагодарил, но обсуждать передел города отказался, сославшись на недостаток полномочий.

– Как только Кхад вернётся, – сказал Лорд, глядя честными чёрными глазами, – я ей скажу, что ты твёрдо намерен нас поддерживать.

Лис молча смотрел на него некоторое время, потом выпрямился, скрипнув скамьей, и равнодушно кивнул.

– Как знаешь, парень. Только зря. Когда корабль тонет, с корабля надо бежать: закон, вишь, такой в этом крысином мире. А на ребят моих можешь не коситься, не стану я тобой хороший кабак пачкать. Тебя и без того прирежут – твои же дружки. Я не с тобой одним говорил, только им не поддержку обещал, а звал работать на меня. Счастливо тебе, крысёнок.

«Да что ты знаешь! – думал Лорд на ходу. – Твои подпевалы и верно тебе в загривок вцепятся, чуть отвернёшься. А что ты о кхад знаешь? У тебя семья была когда? И с кем это, интересно, ты поговорил? Кошка? Хриссэ?» Имя Хриссэ защипало язык, зашипело и оставило неприятное послевкусие. «Работу, говоришь, предлагал? А в оплату что?..»

Первый снег, выпавший в начале луны, пока оставался единственным и уже почти полностью успел растаять. Зима, заглянув ненадолго, решила вернуться как-нибудь в другой раз. Её место заняла осень, что закончилась было, да потом передумала. Пустырь за Серпным переулком подсох и был совсем рыжим от длинных прядей полегшей травы. Ближе к реке золотился камыш, высокий, яркий и глянцевоый, как луну и две назад, словно и нет никакой зимы. Сквозь камыш проглядывала чёрная вода и камни старой крепостной стены. Хриссэ сидел на стене, на самом краю, там, где она обрывалась в реку, в щель между пустырём и настилами. Ноги в коричневых высоких сапогах постукивали пятками по рыжему лишайнику. Хриссэ злился. Отламывал кусочки крошащегося камня и с силой швырял их вперёд и вниз, сквозь камыши. Заметил Лорда, оторвался от швыряния и беззвучно стёк со стены. Камыши закачались, как под лёгким ветром, и вытолкнули из себя голову с длинными светлыми волосами; голова была густо вымазана в рассвете.

– Новости о Кхад?

Лорд покачал головой.

– Да уж, Килре-пересмешник, – хмыкнул Хриссэ. – У меня вот есть новость, не о Кхад, но вам послушать надо. Пошли домой, я тебя ждал.

Нарк сидел за столом и сосредоточенно снимал стружку с толстой палки. Перед ним прыгал серый птенец, склёвывая что-то с выскобленной доски. На столе же, спиной на край окна, угнезвился Воробей, закатав левую штанину и не менее сосредоточенно ковыряя корочку на сбитой коленке. Сковырянное он отправлял в рот.

– Воробей! – не выдержала Кошка. – Прекрати! Смотреть противно!

Воробей удивлённо поднял на неё нечесаную голову. Подумал, предложил не смотреть и собрался было продолжить, но вместо этого завопил и выкатился из окна наружу, с громким треском зацепившись рукавом за гвоздь в оконной раме.

– Лорд! Хриссэ! Что нового?

До их прихода новостей принесли домой мало. Кошка вернулась усталая, как собака, улеглась на шкуры в углу, заняв раскинутыми руками чуть не полкомнаты, и на вопросы отмахивалась, что узнала, мол, о тэрко много интересного и неприличного, но ничего полезного. А о Кхад... всё так же.

Воробей вился вокруг ребят и ныл: «Ну, Хриссэ! Ну, Лорд!» Просьбы подождать ещё десять шагов на него не действовали. Общественность повернулась на звук.

– Будет уже чирикать, Воробей, – цыкнула Кошка, лениво косясь на него. – Рыбу распу-гаешь!

– Какую рыбу? – удивился Лорд.

– Сумасшедшую, – сказал Кошка и кивнула головой по шкурам на Нейеха. Тот сидел на краю стола; от удочки в его руке тянулась леска в открытый люк посреди комнаты.

– Ты что делаешь, маг-рыболов? – заржал Хриссэ. – Какая ж рыба сюда заплывёт, когда столько ног по настилам, и свет горит почти всегда!

Нейех флегматично пожал плечами.

– Ключёт.

На скамейке возле его ног стояла большая широкая миска. В миске возмущённо о чём-то кричали пять крупных рыбин. Судя по выражению глаз – матом.

«Да нет же! – с какой-то злой решительностью подумал Лорд. – С кем бы там Лис ни разговаривал – быть не может, чтобы кто-то предал!»

– А Наркаф дома? – спросил Хриссэ, прислоняясь к стене в самой разгильдяйской позе. – Нет? Ладно, слушайте новость.

Они стали слушать – как Хриссэ держит драматическую паузу. Рыба забилась, заставив миску стучать по скамье. По этому сигналу Хриссэ начал.

– Это, в основном, Кошке, Лорду и Наркафу, которого нет.

Он повернул голову так, чтобы сквозняк картинно трепал волосы. Позёр.

– Лис Загри сегодня приёмный день устроил. Чтоб вы не гадали, кого принимал, честно признаюсь: Наркафа, потом Кошку, потом Лорда и меня напоследок.

Кошка лениво потянулась и села, прислонившись к стене и подобрав ноги.

– Друг на дружку зубами можете не щёлкать, героями оказались все. Потому Лис и предложил мне хорошую цену за ваши три головы.

Воробей сидел на полу, раскрыв рот. Нейех мотнул удочкой, ловя и снимая с крючка шестую рыбу.

– И ты? – любопытствовала Кошка, так и не раскрывая глаза толком.

– А я что, самоубийца – пробиваться через десять морд? – спросил Хриссэ. – Конечно, согласился я.

– Запомните этот момент, – в полной тишине сказал Нарк. – Хриссэ признал, что может справиться не с любым числом противников.

– А чтоб вы уж точно поверили, что я согласился, он мне... угадайте, что он предложил в оплату?

– Своё благословение и вечную славу? – предположил Воробей.

– Пыль, – сказала Кошка.

– Звёздный пепел, – мечтательно улыбнулся Хриссэ, осторожно снимая с пояса увесистый мешочек. – Тут месяца на три.

Лорд смотрел и не мог избавиться от чувства, что всё это – дурацкий сон. И непроницаемо-насмешливый тон Хриссэ, и показная сонливость Кошки, и обыденность общей комнаты, и беспечные реплики... Он трогал привычную шершавую рукоять узкого кинжала и думал, что объявить новость шуткой, прыгнуть атаковать или сесть завтракать было бы одинаково в духе чокнутого пыльника.

– Хриссэ, Ветерок, – все так же сонно мурлыкнула Кошка. – И ты собираешься выполнять обещание?

– Вот не знаю, – продолжил кривляться Хриссэ. – Лис уверен, кажется, что я за пыль себя скоро по кускам на мясо продавать стану. Я ему законченного пыльника изобразил.

– Только изобразил? – сказал Лорд – и сам удивился, так резко у него это вышло: не вопросом, а презрительным утверждением.

Хриссэ дёрнулся, вдруг сделавшись похож на ребёнка, которого пинком выбили из весёлой игры.

– Лорд, хал тиргэ! – выругался он, зло швырнул мешочек вверх – и нож вслед, выкрикнув: – Да я!.. – и закашлялся, когда сквозняк подхватил мельчайшую пыль из длинной прорехи в чёрной коже, приколотой ножом к потолочной балке, и швырнул её в один угол, в другой, заволакивая, как дымом, всю комнату.

– Идиот, – заметил Нейех, и оглушительно чихнул. После чего наружу кинулись все.

– Идиот, – согласилась с Нейехом Кошка, отряхиваясь и чихая. – Столько денег в ветер ушло!

– Ничего, – жизнерадостно сказал Хриссэ. – Подметём и загоним, как чистую.

Воробей фыркнул. Нейех методично сматывал леску. Потом Нарк отряхнул франтоватую бархатную безрукавку и спросил:

– И как быть с твоим заказом? Он тебе всю плату дал или только задаток?

– Задаток, – сказал Хриссэ, с медленно остывающей неприязнью глядя на Лорда из-под бровей. Тот смотрел в ответ прямо, но как-то не очень уверенно. Отвернулся.

– Предлагаю запереть его пока, – сказала Кошка, обводя взглядом всех. Хриссэ стоял в центре неровного кольца из пяти человек. – Пусть отдохнёт связанный до возвращения Кхад, а она уже проверит, где он соврал, а где нет.

– Пока Кхад не вернётся? – неожиданно зло переспросил Лорд. – Если уж и кхади друг другу верить не могут, то лучше и верно прирежь меня!

Кошка поглядела на Хриссэ, размышляющего, куда бы деть руки, на Нарка. Тот стоял чуть ближе к Хриссэ, чем остальные, отчего казалось, что не пятеро окружают пыльника, а Кошка с Воробьём и Нейехом стоит против Хриссэ и Нарка. Лорд, вопреки всегдашней невозмутимости, глянул почти взбешённо, махнул рукой и быстро пошёл в дом. Кошка качнула головой.

– Глупо.

Воробей возмутился:

– А я с ним согласен!

– Глупо, – повторила Кошка. Посмотрела на Хриссэ ещё раз, отвернулась. – Пошли подметать и завтракать.

Хриссэ перевёл на неё глаза от стены, где, зацепившись лучами за край, балансировало, наливаясь красным, солнце.

– А вы бы, знаешь, поосторожней. Поверить Лис мне, может, и поверил, а только нанять ещё кого про запас у него денег хватит.

Кошка

2273 год, 2 день 3 луны Пни

Эрлони

Кошка занималась ерундой: старательно шагала по прямой линии, мелко переставляя ноги. Такая специальная походка, чтобы любой мужской взгляд сзади отметил, какую восьмёрку выписывают бёдра. Идти было немного смешно и очень неудобно – успела отвыкнуть. Думала Кошка на ходу о некоторых странностях бытия. Вот, например, потеплеет на улице, весной запахнет. Захочешь переодеться во что-нибудь лёгкое и красивое. И только переоденешься – опять приморозит. Куда это годится? А ещё хуже, когда решишь ты, что можно и шикануть, нарядишься в дорогое платье с длинными юбками, а тут спешно придётся лезть сквозь забор, канавы и грязь по колено, как тогда за Призраком. Или, например, идёшь ты по улице с Хриссэ, а Хриссэ при виде совершенно безобидного какого-то дворянина меняется в лице, прячется за тебя и чуть ли не ползком шмыгает в подворотню. И объяснять ничего не хочет. А дворянин после наведения справок действительно безобидный оказался: какой-то граф ол Кьет, довольно влиятельный из-за родства с домом герцогов ол Каехо, но и только. Даже в кабаках не замечен особо. Или, например, Лис Загри. С какой стати ему взбрело в голову настраивать кхад против кхад? То есть, это ещё как-то объяснимо, с теми же Безухими это вполне сработало бы. Только как-то не вовремя это. Или наоборот – слишком вовремя. Лорду, вон, кажется, что Лис с лордом тэрко могли снюхаться. А тут как раз Кхад подвернулся этот маг с этим амулетом: как будто случайно приманку подсунули. Хватай, мол, и не раздумывай: когда ещё такой шанс научиться магии появится!

Кошка споткнулась, взмахнула руками, восстанавливая равновесие, и пошла нормально. Кхад вот тоже. Эту историю с амулетом Кошка так до конца и не поняла. Очень уж мутно Кхад рассказывала. Так, обронила пару фраз. Какой-то маг согласился её учить; какой-то медальон удалось украсть – вроде как, с ним колдовать легче; какая-то облава на кого-то, как снег на голову; какой-то мост перекрытый, так что обходить пришлось за пять тагалов до другого моста... Какой маг? Что за медальон? Какая облава? И куда её носило за пять тагалов? И ничего из неё больше не вытянешь. А сама вернулась злая, как хал, и лицо расцарапанное. И с кем она воевала, спрашивается? С котятками? Или с ежевикой?

– Пфф! – сердито сказала Кошка. Остановилась на углу, покачалась с пятки на носок, поглядела вправо, влево – и свернула влево, на довольно широкую улочку, вымощенную ребристым кирпичом. С полсотни шагов спустя обнаружилось, что улочка людная: с одной стороны стояло несколько девчонок. Одеты они были из рук вон плохо: в распахнутых куртках и тонких не по сезону илирских штанах им должно было быть очень холодно. Кошка невольно поёжилась при виде открытой шеи одной из белёных красавиц и прибавила шагу. Крысиная всё-таки работа: стоять вдоль дороги, мёрзнуть напоказ и надеяться, что кто-то позовёт с собой если не из жаркой страсти, так хоть из жалости...

Она уже почти прошла мимо, когда её вдруг неуверенно окликнули: таким именем, что Кошка не сразу сообразила, что это её.

– Мише?..

Когда сообразила, то остановилась от неожиданности, обернулась. Окликнула её та самая курносая девочка с голой шеей. С прошлой встречи она повзрослела, поправилась и зарумянилась, но это определённо была она.

– Нёна, – сказала Кошка, возвращаясь на пару шагов назад. – Всё на той же должности?

– Ах, – сказала Нёна, сокрушённо качая головой, – я думала, тебя уже и нету, Мише! Как мы все за тебя переживали, уж как переживали! А ты от мамы, видно, замуж сбежала, а? Вон как одета: ни дать ни взять – порядочная! И где ещё такого муженька нашла, что свою птичку отпускает полетать на воле!

Кошка разглядывала старую знакомую со странным чувством. Нёна жеманилась, делала «красивые» жесты, которым их всех учили когда-то, тянула гласные и «ж» и «ш» говорила глуше и мягче, на зангский манер. Это был другой мир, и странно было думать, что и сама Кошка могла бы сейчас принадлежать ему же, стоять здесь, мёрзнуть и пытаться очаровать прохожего золотаря. Или золотых дел мастера.

– Нет, – сказала Кошка. – Не замуж. И не покровителя.

– Неужели, службу нашла? Ах, как интересно!

– Вроде того...

– А ну-ка, ну-ка... – послышался за спиной смутно знакомый голос. – Чего тут за болтню развели? А ну, брысь отсюда, киса, не мешай девочкам работать!

Кошка обернулась.

– Оп-па, – сказал парень, широко улыбаясь с заметной неловкостью. – И правда киса...

Парень был из безухих; имени его Кошка не знала, но лицо помнила точно.

– Вечер добрый, Кошка, – сказал он.

– Угу, – улыбнулась Кошка. – А ты, значит, теперь при деле: пастухом?

– Почему – «теперь»? Уже считай год. А ты чего-то ищешь тут? Или парни надоели – на девочек потянуло?

– Ну что ты, – укоризненно сказала Кошка. – Разве парни могут надоеть? – и окинула его таким взглядом, что безухому захотелось в одно и то же время горделиво выпрямиться, смутиться, покраснеть и учудить что-нибудь этакое.

– Так вы знакомы? – обиженным тоном забытого ребёнка сказала Нёна. – Ну ты уж её не обижай, Фето! (Фето хмыкнул) Я уже работаю, всё. Я ж её уже порогов семь не видела: как она исчезла – и всё! Я уж испереживалась! И все мы! Ты подумай: она ж мамы родная дочка!

Фето открыл рот, но Кошка успела раньше.

– Ох и трепло ты, Нёнка-сестрёнка...

И замолчала от вдруг пришедшей в голову идеи.

– Знаешь, Нёнка... – медленно сказала она, – а давай-ка мы тебе устроим на сегодня выходной. Пойдём где-нибудь чаю попьём, поболтаем.

Нёна вопросительно посмотрела на Фето, тот с неохотой, но кивнул, и девчонки ушли. Кошка предложила сесть где-нибудь в кабаке, Нёна заявила, что у неё уже всё отмёрзло, и надо пойти домой переодеться. Или вообще дома посидеть – чего по холоду шастать! Принципиальных возражений у Кошки не нашлось, и дискуссия сошла на нет. Тем более, что идти было близко: Нёна обзавелась своим углом неподалёку, чтобы не нужно было каждый раз тащиться через полрайона в мамулино заведение.

По дороге Кошка рассеянно поддерживала беспредметный разговор и додумывала пришедшую в голову мысль. Суть её сводилась к тому, что Нёнкина работа – замечательный способ узнавать целую кучу придворных сплетен. Нёнка сплетни в любом случае собирает: и со своих клиентов, и со своих товарок, – так почему бы не завязать с ней тёплые доверительные отношения? Угощать в какой-нибудь «Норе» раз в несколько дней и вести бестолковые женские разговоры о личной жизни столичного дворянства. В мамулин игрушечный домик и пару лет назад заходили прелюбопытнейшие личности. Наверняка и сейчас заходят. А если заходят не лично к Нёнке – так это ещё ничего не значит. Новости разлетаются быстро, а слухи и сплетни – ещё быстрее. Игрушкам, когда ими поиграли и спрятали их в ящик, решительно нечем заняться. И потому игрушки рассказывают друг другу истории...

Щербатая лесенка, начавшаяся в подворотне, закончилась у грязно-зелёной облупившейся двери. Дверь скрипнула, пропуская девушек. Кошка вошла второй и повернулась закрыть её; изнутри на дверь была приколота дешёвая бумажная картинка Эиле-мечты в розовых и бирюзовых тонах. Богиня с картинки напоминала Нёнку нарочито задумчивым и томным взглядом. Кошка улыбнулась, прикрыла дверь и сделала два шага в комнату. Нёнкино обиталище было маленьким и почти пустым. По одну сторону старой ширмы, у крохотного очага, разместился обеденный стол с табуреткой, по другую – кровать. В углу между столом и камином неаккуратной горкой лежали дешёвые сосновые дрова. Что-то хрустнуло под ногой, Кошка опустила глаза: по голому дощатому полу от горки в разные стороны ползли щепки и кусочки коры. На один такой кусочек она как раз наступила.

– Ты садись пока, наверное, Мише, – сказала Нёна. – А я ужином займусь, раз уж всё равно тут.

Кошка сначала послушалась и какое-то время смотрела, как Нёна суетится вокруг стола, ни на минуту не замолкая. Направить её монолог в нужную сторону удалось всего одним вопросом: заходят ли к мамуле дворяне. Потом оставалось только вставлять подходящие по смыслу междометия. Ничего особенного Нёна не рассказывала, но дворяне да, заходили, а значит, в Кошкина идея была здравой.

– Давай, я всё-таки помогу, – сказала Кошка, подходя к столу и отбирая у Нёны нож, которым та медленно и тоскливо кромсала кусок какого-то мяса. Мясо было жилистым, а нож – не слишком острым, но доставать свой Кошка не стала. Нёна ничуть не возражала против помощи, и занялась огнём, продолжая говорить. Рассказывала она уже какие-то детали своей личной жизни, знакомство с каким-то совершенно потрясающим мужчиной благородных кровей – «породистым», как выразилась Нёна. В особо драматических местах рассказа она ахала, прерывисто вздыхала и прикрывала рот пальцами. Кошка следила краем глаза и краем уха. Ей думалось, что в сравнении с Нёнкой бойкая служаночка Вейса – верх выдержанности и рассудительности. От этой мысли было смешно, и углы Кошкиных губ упрямо разъезжались в стороны. Потом девчонка попыталась представить, чтобы отточенное Нёнкино жеманство очаровало ол Баррейю... Не выдержала и фыркнула вслух.

– И зря ты смеёшься! – возмутилась Нёна. – Я умные вещи говорю!

– Да нет, я не над тем смеюсь... – начала Кошка, но Нёна её не слушала. Она, оказывается, уже переключилась со своих проблем на Кошкины перспективы, и уверенно доказывала, что Кошке нельзя замуж, а надо использовать свои умения по полной.

– Нет, Мише! И не думай возражать! – с жаром говорила она. – Как ты можешь! У тебя же талант настоящий, и мамуля говорила, и все-все-все! Ты себе как хочешь, а только я тебе верно говорю: что умеешь, за пазухой носить не надо! А надо в дело приспособливать!

Кошка хмыкнула, фыркнула – и рассмеялась, да так, что даже нож отложила, чтобы не мешал смеяться. Нёна сердито на неё хмурилась, надувая губы.

– Ох, Нёнка!.. – выговорила Кошка, успокаиваясь. – Талант... Верёвки из мужиков вить – это не единственный мой талант. А осталась бы я у мамы – остальные таланты точно пришлось бы за пазуху прятать.

– Ты себе как хочешь, – упрямо бубнила Нёна, – а только могла бы ты стать настоящей дамой! Уж ты-то точно могла бы себе такого покровителя найти, что только ух!

– Не настоящей, – сказала Кошка, возвращаясь к мясу. – Игрушечной.

Нёна молча смотрела на её руки, быстро, уверенно и ловко разделяющие жёсткую говядину.

– На кухню ты, что ли, к кому-то устроилась? – задумчиво сказала она, забыв уже про очаг и вертя в пальцах тесёмку рубашечного ворота. Кошка не ответила.

Хриссэ

2273 год, 15 день 4 луны Пин

Логово, Собачница, Эрлони

Комната была тиха и просвечена солнцем. Деловито зудела ранняя муха, зигзагами меряя потолок. Муха никак не могла решить, нравится ей комната или нет. Вроде, слишком пусто, и еды никакой. Зато спокойно: хоть и сидят тут же, на шкурах на полу, четыре человеческих недоросля, но сидят смирно, жужжат о чём-то своём. На муху внимания не обращают: есть у них, наверное, какие-то свои, человечесьи дела, более важные. С их точки зрения важные, конечно, не с мухиной. Мухе – какая разница, кто там у людей будет считаться самым главным? Хлебных крошек и дохлых котов от этого в мире не прибавится, а стрижей не убавится, и даже ветер не утихнет. У людей другое представление о важном. Лорд тэрко, например, лично собрал бы всех дохлых котов столицы, если бы за эту сомнительную плату мог подслушать неинтересный для мухи разговор паршивки со старшими кхади.

Говорила преимущественно Кхад, и вначале о вещах общеизвестных: коротко, тезисами, подводя итог. Говорила, что император болен и слаб, и долго не протянет. Что императрица, хоть и здорова, но ещё слабей, и можно не брать её в расчёт. Что в отсутствие наследника после смерти Нактирра неизбежно начнётся смута. Что беременность императрицы ничего не изменит, потому что новорождённого младенца всерьёз принимать ещё глупее, чем принимать всерьёз императрицу. Что сильного претендента на имперский венец нет. Отсюда Кхад делала вывод, что есть хороший шанс это вакантное место занять. И уточнила: нет, не регентствовать, а в роли именно императрицы. Спросила, приподняв бровь, неужели все считали, что обещания прямого вассалитета давались для смеха? К тому же, регентствовать не получится, потому что императрица хоть и беременна, но умрёт родами, а ребёнок родится мёртвым.

– Это Теогта сказала? – спросила Кошка.

– Нет, – сказала Кхад. – Я.

И продолжала. О том, что вначале, таким образом, нужно выйти в свет. Детали пока не ясны. Ясно только, что входить можно через одну из сложившихся в Веройге группировок. Но о первой – о группе Его Святейшества Джатохе и лорда тэрко ол Баррейи – нельзя сказать ничего плохого, кроме хорошего. Это очень неудобно, потому что все их таланты – против кхади, а не за. Другое дело – вторая группа. Во-первых, именно они сейчас составляют окружение императора, то есть обладают реальной властью. Во-вторых, формальный её глава – лорд первый советник, Штиа, герцог ол Жернайра – не дурак выпить и гульнуть. К тому же, туп, как обух топора, и потому убеждён в своей незаменимости и безнаказанности. В-третьих, фактический лидер группы – маркиз нка-Лантонц ол кой-Мюрино, то есть внебрачный отпрыск графского рода ол Мюрино и боковой ветви графов ол Лантонц. Ещё больший не дурак выпить, чем ол Жернайра, но, в отличие от него, не дурак. Именно поэтому будущей императрице лучше всего выходить в свет через нка-Лантонца: если ему под руку попадёт глуповатая, но родовитая девочка, маркиз непременно захочет разыграть этот козырь. Он слишком амбициозен, чтобы не рваться к власти, и слишком неродовит, чтобы прорваться напрямую.

Но для того, чтобы все эти прекрасные планы стали суровой реальностью, – говорила она, – нужно достоверно знать, что происходит в Веройге и как. Знать изнутри. Значит, сначала нужно ввести в свет разведчиков.

Кошка, Хриссэ и Лорд молчали, обдумывая.

– Мне опасно, – сказала Кошка. – Ол Баррейя меня знает в лицо. Я имею в виду, получается так: нужно кого-то к Мастеру Джатохе, а ещё кого-то – к нка-Лантонцу. Но меня в любом случае могут узнать.

– Можно попросить мэтра Ошту, чтобы он помог мне устроиться куда-то в гвардию, – сказал Лорд. – Под видом захолустного дворянина. Бумаги же есть?

Кхад кивнула:

– Ол Нюрио и ол Кайле — уже готовы. Ещё будут бумаги ол Тэно.

– О-го! – восхитилась Кошка. Ол Тэно были древнейшим родом в Империи. Они уже были герцогами, когда Хад Великий только строил Эрлони, и они были императорами почти тысячу лет, с того момента, как умер последний из потомков Хада ол Джашье, вплоть до самой смуты и правления зангских авантюристов. Формально следующие династии – ол Вадже и ол Истаилле – имели меньше прав на корону. Зато они имели больше власти, в то время как древнейший герцогский род здорово зачах. А лет пятнадцать назад – и вовсе вымер, в тишине, нищете и безвестности.

Спрашивать, кто будет ол Тэно, Кошка не стала.

– Если Лорд пойдёт в гвардию, некого отправить к ол Жернайре, – сказала Кхад. – Похоже, придётся тебе идти всё-таки к лорду советнику, а за ол Баррейёй продолжит следить Кошка.

– Я пойду, – вдруг сказал Хриссэ. – Давайте, я пойду к ол Жернайре. И бумаг не надо.

– Это почему? – спросила Кхад. Хриссэ как-то нервно хмыкнул.

– Я могу под именем Веджойо ол Каехо.

Лорд уставился на него, как на психа, а Кошка хихикнула.

– А что не ол Истаилле? – любопытствовала Кхадера.

– Очень смешно, – сказал Лорд. – Давайте всерьёз.

– Я всерьёз, – возмутился Хриссэ, раньше чем кто-то успел открыть рот. – Это проще всего...

– Ничего себе «проще»! – прервала его Кошка. – О смерти, конечно, официально не заявлялось, по возрасту ты, конечно, подходишь, но наследника-то все ол Каехо знают, говорю же! Ему же не тринадцать порогов, а тринадцать лет было, когда он исчез! Ты не сможешь его изобразить так достоверно!

– Изобразить – не смогу, – резко сказал Хриссэ. – Я и есть Веджойо о-Каехо. Только мне четырнадцать было, когда я сбежал, а не тринадцать, и я уже не наследник – отец умер в прошлом году, а мать – кьол Каехо, не урождённая, а по браку, она глава семьи, только если меня нет... Я... ну... это... вот.

Он едва слышно промычал что-то невнятное и смолк. Кошка ещё раз хихикнула. У неё было стойкое ощущение, что Хриссэ хотел добавить «я нечаянно». Кхад молчала. Долго. Герцоги ол Каехо совсем немного уступали герцогам ол Тэно в родовитости. А фактически ол Каехо сейчас куда сильнее и куда ближе к имперскому престолу, чем ол Тэно. Даже если бы она была настоящей.

– Если бы это потом как-то случайно выяснилось, – негромко сказал Хриссэ, странно кривя губы, – ты бы меня просто убила бы без разговоров, так же?

Кхад молчала.

– Я могу другим именем назваться, чужим. Просто так проще, и подделывать ничего не надо.

Он снова не дождался ответа и продолжил:

– Хочешь, присягу прямо сейчас принесу?

– Ха!

Хриссэ пожал плечами и замолчал. Поменял позу так, чтобы в случае чего удобно было вскочить. Кошка и Лорд тоже. Кошка посмотрела бы – в случае чего – с лёгким сожалением, а Лорд как был всегда пасмурней зимнего неба, так и сейчас оставался.

Кхад какое-то время смотрела в стену, потом повернулась к Хриссэ и нехорошо улыбнулась.

– Я могу залезть к тебе в голову, – сказала она. – И проверить, насколько ты не врешь. Если не будешь дёргаться, я узнаю всё про тебя.

– Как это – «всё»?

– Так это – «всё», – отрезала Кхад. Очевидно, ей самой идея очень нравилась.

– А если буду дёргаться – не всё узнаешь?

– А если будешь дёргаться – убью.

Хриссэ хмыкнул, окинул взглядом помещение и собравшихся.

– Ладно, – ещё раз хмыкнул он. – Не буду дёргаться. Не люблю, когда меня убивают.

Кхад кивнула и скомандовала его держать. На Кошкин вопрос «зачем» ответила, что пыльник будет вырываться и убежать.

Она, строго говоря, почти блефовала. В частности, насчёт узнать «всё». Кхад вообще не знала, возможно ли такое. Пару раз у неё получалось услышать чужие мысли: те, которые лежали на поверхности, которые человек думал в тот момент. И ещё она примерно представляла, как можно вломиться глубже. Без Олинды – медальона – этого наверняка бы не получилось. Впрочем, никто из кхади этого не знал.

Она подошла ближе и задумчиво посмотрела на сидящего Хриссэ сверху вниз.

– Хотя нет, – сказала она, – держать необязательно. Сделаем проще.

И аккуратно ударила его рукоятью ножа в висок.

Когда Хриссэ открыл глаза, вокруг так же была комната Кхадеры, но потускневшая: день шёл к закату, и солнце в окно уже не светило. Самочувствие было...

– Как будто меня каретой переехали, – задумчиво сказал потолку Хриссэ. Прислушался к ощущениям и уточнил: – Несколько раз.

Справа послышался сочувственный хохот. Хриссэ повернул голову на звук, чтобы обогреть веселье возмущённым взглядом, но Кошка ничуть не прониклась. Как ржала, сидя на полу скрестив ноги, так и продолжила.

– Свинья ты, а не кошка, – веско заключил Хриссэ, садясь.

– От козла слышу! – жизнерадостно откликнулась она. Потом покачала головой: – Нет, я догадывалась, что ты из Сойге, но чтобы настолько!..

Хриссэ сморщился, потрогал висок и спросил:

– И всё-таки, что тут было, пока меня не было? Она по мне лошадей гоняла?

– Да нет, – пожала плечами Кошка. – Смотрела просто.

– И что теперь?

– Теперь по-прежнему пятнадцатый день четвёртой луны 2273, – живо ответила Кошка. Хриссэ, снова трогая висок, укоризненно посмотрел на неё. Кошка сжалась. – Ты пойдёшь к ол Жернайре. Получится очень красивый скандал с твоим возвращением, всё внимание света будет твоё. Так что Лорд совершенно спокойно устроится в гвардию под именем ол Ньюрио. А я пока останусь Вейсой.

– А потом как быть? Тебе же всё равно надо будет выходить в свет.

– А потом мы ол Баррейю возьмём за глотку. У него, вон, сын есть. Очень удачно, что его не убили. Да, кстати: Кхад сказала, чтобы ты нашим никому не говорил, что ты настоящий ол Каехо. А она сегодня за ужином младшим в общих чертах всё расскажет.

Хриссэ потянулся, покрутил головой и встал.

– Кстати об ужине. Как насчёт пожрать?

– Как можно, лорд герцог! – возмутилась Кошка. – Как вы можете использовать такие вульгарные слова! «Пожрать»! Надо говорить «откушать»!

– Кушать я хотел три часа назад, – сказал Хриссэ. – Час назад я хотел есть. Сейчас я хочу именно жрать!

Мийгут

2273 год, 21 день 5 луны Пни

дом мэтра Астиваза, Эрлони

– Давно, когда небо было ниже, вода суше, а ветер твёрже, жил один человек, Хидом его звали. Этот Хид был оборотень и актёр, и очень любил играть, и сам новые пьесы придумывал. Говорили, что в молодости он веселил людей, что тогда его любили, и многие ходили на его игру смотреть. Но ни славы, ни денег ему за это не было. А если и были, то мало. Да и лет ему было уже много, за сорок, а он всё в шутах ходит. Вот он и решил, что умный уже и опытный, и может не только смешить, но и научить чему-то. И стал играть со своей труппой такие сцены, что разве только Мастер какой хитроумный разобрался бы, да и то не на трезвую голову. Те умники, которых уже в мире знали, на него пальцами показывали и смеялись: мол, полез шут на старости лет в серьёзное дело. Оборотень обижался очень, но виду не подавал. Только и правда не получалось у него ничего – хоть ты тресни. Даже когда и получалось – зрители только смеялись. И прошло так года два.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.